

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

П
М
РОСПЕР
ЕРИМЕ
ТОМ 2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА « 1963

Коломба

*Pe far la to vendetta,
Sta sigur, vasta anche ella
Vocero*¹ из *Ньоло*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В первых числах октября 181* года полковник сэр Томас Невиль, ирландец, один из заслуженных офицеров английской армии, остановился в гостинице Бово в Марселе, на обратном пути из путешествия по Италии. Вечное восхищение энтузиастов-путешественников произвело реакцию, и, чтобы отличиться чем-нибудь, многие из нынешних туристов берут себе девизом горациевское *nil admirari*². Единственная дочь полковника, мисс Лидия, принадлежала именно к этому разряду ничем не довольных путешественников. *Преображение* Рафаэля показалось ей посредственным произведением, Везувий во время извержения — немногим лучше, чем трубы бирмингемских фабрик. Вообще она обвиняла

¹ Все же можешь быть спокоен

Отомстить она сумеет Причитание (*корсик.*)

² Ничему не удивляться (*лат.*)

Италию в отсутствии местного колорита, в отсутствии характера. Пусть, кто может, объяснит мне смысл этих слов, несколько лет тому назад я прекрасно понимал его, а теперь совсем не понимаю. Сначала мисс Лидия льстила себя надеждою увидеть по ту сторону Альп что-нибудь такое, чего до нее никто не видел и о чем она могла бы говорить с порядочными людьми. Но скоро, видя, что соотечественники везде предупредили ее, и отчаявшись встретить что-нибудь неизвестное, она бросилась на сторону оппозиции. В самом деле, неприятно говорить о чудесах Италии для того, чтобы вдруг услышать от кого-нибудь: «Вы, конечно, знаете такого-то Рафаэля в таком-то палаццо, там-то? Это прекраснейшая вещь во всей Италии». И, наверно, ее-то вы и забыли посмотреть. Так как видеть все было бы слишком долго, то проще бранить все с предвзятым намерением.

В гостинице Бово мисс Лидии пришлось испытать горькое разочарование. Она привезла с собой хорошенький эскиз пелазгических или циклопических ворот в Сеньи; она думала, что рисовальщики забыли эти ворота. И вдруг леди Френсис Фенвик, с которою она встретилась в Марселе, показывает ей свой альбом, и в этом альбоме, между сонетом и засушенным цветком, ворота в Сеньи,

густо покрытые тердесьеном! Мисс Лидия отдала свои ворота горничной и потеряла всякое уважение к пелазгическим сооружениям.

Такое печальное настроение сообщилось и полковнику Невиллю, который со смерти своей жены смотрел на все не иначе, как глазами мисс Лидии. Италия надоела его дочери: ясно, что это самая скучная страна в мире. Правда, он не мог сказать ничего против картин и статуй, но зато мог заверить, что охота в этой стране самая жалкая и что из-за того, чтобы убить несколько штук несчастных красных куропадок, нужно сделать десять миль в самую жару по римской Кампанье.

На другой день после приезда в Марсель он пригласил обедать капитана Эллиса, своего бывшего адъютанта, который только что провел шесть недель на Корсике. Капитан прекрасно рассказал мисс Лидии историю о бандитах; достоинство ее состояло в том, что она несколько не походила на истории о ворах, которых она наслушалась по дороге от Рима до Неаполя. За десертом, когда мужчины остались одни с бутылками бордо, они разговорились об охоте, и полковник узнал, что нигде нет такой прекрасной, такой разнообразной и такой богатой охоты, как на Корсике.

— Там множество диких кабанов, — говорил капитан Эллис, — нужно только научиться отличать их от домашних свиней, на которых они удивительно похожи, иначе будут неприятности с их пастухами. Они появляются из лесков, так называемых *маки*, вооруженные с ног до головы, заставляют платить за своих животных и насмеются над вами. Есть там еще муфлоны, престранные животные, которых нет нигде в других местах, но охота за ними трудна; есть олени, лани, фазаны, куропадки; да и не перечтешь всех родов дичи, кишашей на Корсике. Если вы любите пострелять, поезжайте на Корсику, полковник: там, как говорил один из моих хозяев, вы найдете всевозможную дичь, начиная от дрозда и кончая человеком.

За чаем капитан снова очаровал мисс Лидию рассказом о *косвенной вендетте*¹, еще более оригинальным,

¹ Мсть, направленная на более или менее отдаленного родственника обидчика (*Прим. автора.*)

чем предыдущий, и привел ее в окончательный восторг от Корсики, описав ей дикий вид страны, оригинальный характер ее жителей, их гостеприимство и первобытные нравы. Наконец, он преподнес ей хорошенький маленький стилет, знаменитый не столько своею формой и медной оправой, сколько происхождением. Один прославленный бандит уступил его капитану Эллису, ручаясь за то, что он побывал в четырех человеческих телах. Мисс Лидия заткнула его за пояс, потом положила на свой ночной столик и, прежде чем заснуть, два раза вынула из ножен. А полковник видел во сне, как он убивал муфлона и как владелец заставлял его заплатить, на что полковник охотно согласился, ибо муфлон был прелюбопытное животное и походил на дикого кабана с оленьими рогами и фазаньим хвостом.

— Эллис рассказывает, что на Корсике прекрасная охота, — сказал полковник, завтракая вдвоем с дочерью, — если б это не было так далеко, недурно бы съездить туда недельки на две.

— В самом деле, — ответила мисс Лидия, — отчего бы нам не поехать на Корсику? Вы будете охотиться, а я рисовать; я буду в восторге, если в моем альбоме будет та пещера, о которой рассказывал капитан Эллис и куда ребенком приходил учиться Бонапарте.

Может быть, в первый раз желание, выраженное полковником, получило одобрение его дочери. Радуюсь такому неожиданному обстоятельству, он, однако, догадался сделать несколько замечаний, чтобы еще пуще раззадорить мисс Лидию. Напрасно он говорил о дикости страны, о том, как трудно женщине путешествовать по ней: она ничего не боялась, она любила путешествовать верхом больше всего на свете, она считала для себя праздником спать под открытым небом, она грозила отправиться в Малую Азию. Словом, у нее был готов ответ на все. Ни одна англичанка не была на Корсике; значит, ей нужно съездить туда. И какое счастье будет, возвратившись на Сент-Джемс-Плейс, показывать свой альбом! «Отчего же, милая, вы пропускаете этот прекрасный рисунок?» — «О, это пустяки! Это эскиз, который я сделала с одного известного корсиканского бандита, служившего нам проводником». — «Как! Вы были на Корсике?»

Так как тогда между Францией и Корсикой еще не

ходили пароходы, то пришлось узнавать, не отправляется ли какое-нибудь судно на остров, который имела намерение открыть мисс Лидия. В тот же день полковник написал в Париж, отменяя распоряжение о заказанном им там помещении, и сторговался с хозяином корсиканского галиота, отправлявшегося в Аяччо. На галиоте были две приличные каюты. Нагрузили провизию: хозяин клялся, что один из его матросов замечательный повар и не имеет себе равного в умении варить *бульябес*: он обещал, что барышне будет удобно, что она будет наслаждаться прекрасной погодой и прекрасным морем. Кроме того, по желанию дочери полковник поставил условием, что капитан не возьмет ни одного пассажира и направит галиот вдоль берегов острова так, чтобы можно было любоваться видом гор.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В назначенный для отъезда день все было уложено и отвезено на судно с утра; галиот отправлялся с вечерним попутным ветром. В ожидании отъезда полковник гулял с дочерью по Канебьер¹. К нему подошел хозяин галиота и стал просить позволения взять с собой одного из своих родственников, то есть троюродного брата крестного отца его старшего сына, который возвращался на родину, на Корсику, по не терпящим отлагательства делам и не мог найти судна, чтобы доехать туда.

— Прекрасный малый, — прибавил капитан Маттеи, — военный, офицер гвардейских егерей; был бы уже полковником, если б тот еще был императором.

— Так как он военный... — сказал полковник. Он хотел прибавить: «Я охотно соглашаюсь, чтобы он ехал с нами». Но мисс Лидия перебила его по-английски:

— Пехотный офицер! (Ее отец служил в кавалерии, и она питала презрение ко всем другим родам оружия.). Может быть, невоспитанный человек; у него будет морская болезнь; он испортит нам все удовольствие поездки!

Хозяин судна не знал ни слова по-английски, но, кажется, понял то, что говорила мисс Лидия, по гримаске ее хорошеньких губок. Он произнес похвалу в трех ча-

¹ Улица в Марселе. (Прим. переводчика.)

стях своему родственнику, закончив ее уверением, что родственник — человек вполне порядочный, из семьи *капралов*, который нисколько не стеснит г-на полковника, потому что он, хозяин, берется поместить его в такой угол, где никто не заметит его присутствия.

Полковник и мисс Лидия нашли странным, что на Корсике есть семьи, в которых звание капрала переходит от отца к сыну, но так как они слепо верили, что дело идет о пехотном капрале, то и заключили, что это какой-нибудь бедняк, которого хозяин хочет взять с собою из милости. Если бы это был офицер, то пришлось бы разговаривать с ним, проводить с ним время; но с каким-нибудь капралом можно и не стесняться; без своего взвода с примкнутыми штыками, готового вести вас туда, куда вы вовсе не хотите идти, капрал не важная особа.

— Не страдает ли ваш родственник морской болезнью? — сухо спросила мисс Невиль.

— Что вы, мадмуазель! Сердце у него твердое, как скала, и на море и на суше.

— Хорошо, можете его взять, — сказала она.

— Можете его взять, — повторил полковник.

Они продолжали прогулку.

В пять часов вечера капитан Маттеи пришел звать их на галиот. На пристани, возле шлюпки капитана, стоял высокий молодой человек в наглухо застегнутом синем сюртуке, смуглый, с черными, живыми, красивыми глазами, с открытым и умным выражением лица. По осанке, по небольшим закрученным усам легко можно было узнать военного: в то время усачи не бегали по улицам и национальная гвардия еще не ввела во все семьи военной выправки вместе с привычками гвардейского корпуса.

Молодой человек, увидя полковника, снял фуражку и без замешательства и в учтивых выражениях поблагодарил его за сделанное ему одолжение.

— Очень рад быть вам полезным, мой друг, — сказал полковник, дружески кивая ему головой и входя в шлюпку.

— Ваш англичанин не церемонится, — сказал хозяину молодой человек очень тихо по-итальянски.

Хозяин приставил указательный палец пониже лево-

го глаза и опустил углы рта. Понимающему язык знаков не трудно было догадаться, что англичанин понимает по-итальянски и что он чужак. Молодой человек, слегка улыбнувшись в ответ на знак Маттеи, дотронулся до своего лба, как будто хотел сказать, что все англичане — люди немножко с придурью; потом он сел около хозяйна и начал внимательно, но не назойливо рассматривать свою хорошенькую спутницу.

— У этих французских солдат славная осанка, — сказал полковник дочери по-английски, — оттого-то из них и легко делаются офицеры.

Потом он обратился по-французски к молодому человеку:

— Скажите, любезный, в каком вы полку служили?

Молодой человек легонько толкнул локтем отца крестного сына своего троюродного брата и, сдерживая легкую улыбку, ответил, что прежде он служил в пеших гвардейских егерях, а теперь вышел из 7-го легкого полка.

— Были под Ватерлоо? Вы еще так молоды!

— Это моя единственная кампания, полковник.

— Она стоит двух, — сказал полковник.

Молодой человек прикусил губу.

— Папа, — сказала по-английски мисс Лидия, — спросите его, очень ли любят корсиканцы своего Бонапарте?

Прежде чем полковник мог успеть перевести вопрос на французский язык, молодой человек ответил по-английски довольно хороша, но с заметным акцентом:

— Вы знаете, мадмуазель, что нет пророка в своем отечестве. Мы, земляки Наполеона, любим его, может быть, меньше, чем французы. Что касается до меня, то, несмотря на то, что наш род когда-то враждовал с его родом, я люблю его и удивляюсь ему.

— Вы говорите по-английски? — воскликнул полковник.

— Как видите, очень дурно.

Несмотря на то, что его развязный тон немного задел мисс Лидию, она не могла не усмехнуться при мысли о личной вражде между капралом и императором. Это было как бы предвкушением корсиканских странностей, и она обещала себе занести эту черту в свой дневник.

— Вы, может быть, были в плену в Англии?

— Нет, полковник. Я выучился по-английски во Фракции от одного пленного вашей нации.

Потом он сказал, обращаясь к мисс Лидии:

— Маттеи говорил мне, что вы приехали из Италии. Вы, без сомнения, говорите на чистом тосканском диалекте, но, я думаю, вы затруднитесь понимать наш говор.

— Моя дочь понимает все итальянские наречия, — ответил полковник, — у нее дар к языкам. Не то, что я.

— Мадмуазель, поймете ли вы, например, эти стихи из одной нашей корсиканской песни? Пастух говорит пастушке:

*S'entrassi ndru paradisu santu, santu,
E non trovassi a tia, mi n'esciria*¹.

Мисс Лидия поняла и, найдя цитату дерзкою, а еще более — сопровождающий ее взгляд, покраснела и отвестила:

— *Capisco*².

— А вы едете домой в шестимесячный отпуск? — спросил полковник.

— Нет, полковник. Меня оставили с половинным жалованьем за то, должно быть, что я был под Ватерлоо и что я земляк Наполеона. Я возвращаюсь домой без надежд, без денег, как говорит песня.

И он вздохнул, взглянув на небо.

Полковник опустил руку в карман и, вертя пальцами золотую монету, придумывал фразу, с которой можно было бы повежливее всунуть эту монету в руку своего врага в несчастье.

— И я тоже, — добродушно сказал он, — сижу на половинном жалованье; но... с вашим половинным жалованьем не на что купить табаку. Возьми, капрал.

И он попробовал вложить монету в сжатую руку, которой молодой человек опирался о борт шляпки.

Корсиканец покраснел, выпрямился, прикусил губу и, казалось, готов был ответить дерзостью, но вдруг, переменяв выражение лица, разразился смехом. Полковник с монетою в руке остался в совершенном изумлении.

¹ Если я войду в святой, святой рай и не найду там тебя, я иду оттуда (*Serenata di Zicavo*). (Серенада <пастуха> из Дзикаво.) (Прим. автора.)

² Понимаю (итал.). (Прим. переводчика.)

— Полковник, — сказал молодой человек, снова приняв серьезный тон, — позвольте дать вам два совета. Первый — никогда не предлагать денег корсиканцу, потому что между моими земляками есть такие невежливые люди, что могут бросить их вам в голову; второй — не давать людям званий, на которые они совершенно не претендуют. Вы зовете меня капралом, а я поручик. Без сомнения, разница не велика, но...

— Поручик! — воскликнул полковник. — Поручик! Но хозяин сказал мне, что вы капрал, так же как и ваш отец и все мужчины вашего семейства.

При этих словах молодой человек откинулся и залился хохотом. Хозяин со своими двумя матросами тоже дружно расхохотались.

— Простите меня, полковник, — сказал наконец молодой человек, — но *quiproquo*¹ прелестно, и я понял его только сейчас. Правда, наш род гордится, считая капралов в числе своих предков, но наши корсиканские капралы никогда не носили галунов на мундирах. Около 1100 года некоторые общины возмутились против тирании горных сеньоров и выбрали себе предводителей, которые были названы капралами. На нашем острове гордятся происхождением от этих в некотором роде трибунов.

— Извините меня, тысячу раз извините! — воскликнул полковник. — Вы понимаете причину моего промаха и, надеюсь, простите мне его.

И он протянул ему руку.

— Это вполне справедливое наказание за мое честолюбие, полковник, — сказал молодой человек, все еще смеясь и сердечно пожимая руку англичанина. — Я несколько не сержусь на вас. Так как мой друг Маттеи не сумел представить меня вам, то позвольте мне представиться самому: Орсо делла Реббиа, поручик на половинном жалованье. Я догадываюсь по этим прекрасным собакам, что вы едете на Корсику охотиться; для меня будет весьма лестно познакомить вас с нашими *маки* и с нашими горами... если только я не забыл их, — прибавил он, вздыхая.

В это время шляпка пристала к галиоту. Поручик

¹ Недоразумение (лат.)

предложил руку мисс Лидии, а потом помог подняться на палубу полковнику. Там сэр Томас, все еще очень сконфуженный своей ошибкой и не зная, как загладить грубое обращение с человеком, считавшим свой род с 1100 года, не ожидая согласия дочери, пригласил его ужинать, причем возобновил свои извинения и рукопожатия. Мисс Лидия слегка нахмурила брови; впрочем, она все-таки была рада узнать, что представляет собою капрал, да и сам гость был ей не противен. Она даже начала находить в нем что-то аристократическое; только для героя романа он был слишком развязан и весел.

— Поручик делла Реббиа! — сказал полковник, приветствуя его по-английски, с рюмкой мадеры в руке. — Я видел в Испании немало ваших земляков; это были знаменитые пешие стрелки.

— Да, много их осталось в Испании, — печально сказал молодой поручик.

— Я никогда не забуду, как вел себя один корсиканский батальон под Витторией, — продолжал полковник. — Вот это будет мне напоминать, — прибавил он, потирая себе грудь. — Целый день они стреляли из-за деревьев, из-за изгородей, и я уж не знаю, сколько людей и лошадей у нас перебили! Когда пришлось отступить, они построились и стали быстро уходить. На открытом месте мы надеялись заплатить им свой долг, но каналы, то есть, извините, поручик, эти храбрецы, построились в каре, и прорвать его не было никакой возможности. Как теперь вижу посреди каре офицера на маленькой вороной лошадке; он стоял около знамени и курил свою сигару, как будто сидел в кофейне. Иногда, точно чтоб подразнить нас, их музыка начинала играть. Я пускаю на них два первых своих эскадрона... Черт возьми! Вместо того, чтобы врезаться во фронт каре, мои драгуны скачут в сторону, потом делают направо кругом и возвращаются в сильном расстройстве; немало лошадей вернулось без всадников... И все время эта чертовская музыка! Когда дым, окутывавший батальон, рассеялся, я опять увидел офицера около знамени; он все еще курил сигару. Вzbешенный, я сам повел последнюю атаку. Их ружья закоптились от стрельбы и не могли больше стрелять, но солдаты построились в шесть рядов, штыками лошадям в морды; это была настоящая стена. Я кричал, убеж-

дал своих драгун, шпорил коня, чтобы заставить его идти вперед; в это время офицер, о котором я вам говорил, бросив наконец сигару, показал на меня рукою одному из своих людей. Я услышал что-то вроде: *Al cappello bianco*¹. У меня был белый плюмаж. Больше я не слышал ничего, потому что пуля пробила мне грудь... Это был славный батальон, господин делла Реббиа; первый батальон восемнадцатого легкого полка, весь из корсиканцев, как мне потом говорили.

— Да, — сказал Орсо, глаза которого блестели во время рассказа, — они выдержали натиск и вынесли свое знамя, но две трети этих храбрецов спят теперь на равнине Виттории.

— А не знаете ли вы случайно имени офицера, который командовал ими?

— Это был мой отец. Тогда он служил майором в восемнадцатом полку и был произведен в полковники за этот печальный день.

— Ваш отец! Честное слово, он был храбрый человек! Я с удовольствием увиделся бы с ним снова и уверен, что узнал бы его. Он еще жив?

— Нет, полковник, — сказал молодой человек, слегка побледнев.

— Он был под Ватерлоо?

— Да, полковник, но он не имел счастья пасть на поле битвы. Он умер на Корсике... два года тому назад... Боже мой, как красиво! Десять лет я не видел Средиземного моря!.. Не правда ли, мадмуазель, оно красивее океана?

— Мне оно кажется чересчур синим... и волны слишком малы.

— Вы любите дикую красоту? Если так, то, я думаю, Корсика понравится вам.

— Моя дочь, — сказал полковник, — любит все необыкновенное; вот почему ей совсем не понравилась Италия.

— Я не знаю Италии, кроме Пизы, где я пробыл несколько лет в училище, но я не могу подумать без восхищения о *Campo Santo*, соборе, о наклонной башне; особенно о *Campo Santo*. Помните Смерть Орканьи?

¹ Целься в белую шляпу! (*итал.*)

Мне кажется, я мог бы нарисовать ее, так она мне врезалась в память.

Мисс Лидия испугалась, как бы поручик не начал восторженной тирады.

— Это очень мило, — сказала она, зевая. — Извините, папа, у меня немного болит голова; я сойду в свою каюту.

Она поцеловала отца в лоб, величественно кивнула головой Орсо и исчезла. Мужчины стали говорить о войне и охоте.

Оказалось, что под Ватерлоо они были друг против друга и, должно быть, обменялись немалым числом пуль. Это удвоило их взаимную симпатию. Они раскритиковали одного за другим Наполеона, Веллингтона и Блюхера, потом начали говорить об охоте за ланями, кабанами и муфлонами. Наконец, уже поздно ночью, когда кончилась последняя бутылка бордо, полковник еще раз пожал поручику руку, выражая ему надежду на продолжение так странно начатого знакомства. Они разошлись, и каждый улегся спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ночь была прекрасна, луна играла в волнах; судно тихо плыло, гонимое легким ветерком. Мисс Лидии совсем не хотелось спать, и только присутствие профана помешало ей наслаждаться ощущениями, которые испытывает в море всякое человеческое существо, если у него в сердце есть хоть крупинка поэзии. Решив, что молодой поручик крепко спит, как и следует такому прозаическому существу, она встала, надела шубку, разбудила свою горничную и вышла на палубу. Там был только один матрос у руля; он пел по-корсикански какую-то жалобную песню на дикий и монотонный мотив. В ночной тишине эта странная музыка не лишена была прелести. К несчастью, мисс Лидия не вполне понимала, что пел матрос. Среди многих общих мест энергический стих живо возбуждал ее любопытство, но как раз на самом интересном месте встречалось несколько местных слов, смысл которых был ей недоступен. Однако она поняла, что дело шло об убийстве. Проклятия,

направленные против убийц, угрозы отомстить, похвала убитому — все это сливалось в одно. Она уловила несколько стихов, которые я попробую перевести:

Ни пушки, ни штыки не могли заставить побледнеть его чело, ясное на поле битвы, как летнее небо. Он был сокол, друг орла, мед для своих друзей, для врагов разгневанное море. Выше солнца, милее луны Его, грозу для врагов Франции, двое убийц, его земляков, поразили ударом в спину, — так Виттоло убил Сампьеро Корсо¹. — Они никогда не осмелились бы взглянуть ему в лицо. — Повесьте на стене перед моей постелью мой честно заслуженный почетный крест. — Красна его лента. — Еще краснее моя рубашка. — Моему сыну, моему сыну в далекой стране берегите мой крест и окровавленную рубашку. — Он увидит в ней две дыры, — за каждую из них по дыре в другой рубашке. — Но буду ли я тогда отомщен? — Мне нужна рука, что стреляла, глаз, что целился, сердце, что думало..

Матрос вдруг остановился.

— Почему вы не продолжаете? — спросила мисс Невиль.

Матрос кивком головы показал на человека, выходившего из рубки галиота. Это был Орсо, пришедший полюбоваться лунным светом.

— Кончайте же вашу песню, — сказала мисс Лидия, — она мне очень понравилась.

Матрос наклонился к ней и тихо сказал:

— Я не делаю *rimbecco* никому.

— Как? *Rim...*

Матрос не ответил и принялся свистеть.

— Вы восхищаетесь нашим Средиземным морем, м и с с Невиль? — спросил Орсо, подходя к ней. — Согласитесь, что нигде нет такой луны.

— Я не смотрела на нее. Я была занята изучением корсиканского языка. Этот матрос пел какую-то трагическую жалобу и остановился на самом интересном месте.

— Что ты пел, Паоло Франче? — спросил Орсо. — *Ballata*? Или *vocero*²? Барышня понимает тебя и хотела бы послушать конец.

¹ *Филиппини*, книга XI. — Имя Виттоло еще до сих пор проносится с омерзением. Теперь это синоним изменника. (*Прим. автора.*)

² Когда кто-нибудь умирает, особенно если его убили, то его тело выставляется на столе, и женщины его семьи, а за их отсутствием приятельницы или даже совершенно посторонние женщины,

— Я забыл его, Орсо Антон, — сказал матрос. И он сейчас же начал голосить во всю мочь песнь пресвятой деве.

Мисс Лидия рассеянно слушала ее и больше не беспокоила певца, пообещав себе, однако, узнать потом разрешение загадки. Но ее горничной, флорентинке, поймавшей корсиканское наречие не лучше своей госпожи, также очень хотелось узнать ее, и, прежде чем мисс Лидия успела толкнуть ее локтем, она обратилась к Орсо.

— Господин капитан, что это значит — сделать *rimbecco*?

— *Rimbecco!* — повторил Орсо. — Это значит нанести смертельное оскорбление корсиканцу; это значит упрекнуть его в том, что он не отомстил за себя. Кто вам говорил о *rimbecco*¹?

— Вчера в Марселе, — торопливо ответила мисс Лидия, — хозяин галиота употребил в разговоре это слово.

— А о ком говорил он? — оживленно спросил Орсо.

— О! Он рассказывал нам старую историю... из времен... да, кажется, он говорил о Ванине д'Орнано.

— Смерть Ванины, я думаю, не внушила вам любви к нашему герою, храброму Сампьеро?

— Но разве вы находите, что тут было геройство?

— Его преступление оправдывается дикими нравами того времени. А кроме того, Сампьеро вел смертельную борьбу с генуэзцами; какое бы доверие могли иметь

известные своим поэтическим талантом, импровизируют на туземном наречии перед многочисленными слушателями жалобы в стихах. Этих женщин зовут *voceratrici*, или, по корсиканскому произношению, *buceratrici*, а жалоба на восточном берегу называется *vocero*, *bucero*, *buceratu*, а на западном — *ballata*. Слово *vocero*, так же как и его производные, *vocerar*, *voceratrice* — происходит от латинского *vociferare*. Иногда несколько женщин импровизируют одна за другой, и часто жена или дочь покойного сама поет надгробную жалобу (Прим. автора.)

¹ *Rimbeccare* — по-итальянски значит отослать, отразить, отбросить. По-корсикански это значит сделать кому-нибудь оскорбительный публичный упрек. Говоря сыну убитого, что отец его не отомщен, ему делают этим *rimbecco*. *Rimbecco* есть род требования, предъявляемого человеку, не смывшему кровью обиды. Генуэзское законодательство очень строго преследовало виновных в *rimbecco*. (Прим. автора..)

к нему земляки, не накажи он женщину, хотевшую вступить в сношения с Генуей?

— Ванина, — сказал матрос, — ушла без позволения мужа; Сампьеро хорошо сделал, что свернул ей шею.

— Но ведь она пошла к генуэзцам вымолить помилование мужу для его же спасения, из любви к нему.

— Просить о его помиловании значило унижить его! — воскликнул Орсо.

— А он ее убил! — продолжала мисс Невиль. — Какое он чудовище!

— Вы же знаете, что она просила у него, как милости, смерти от его руки. Неужели, по-вашему, Отелло тоже чудовище?

— Большая разница! Он ревновал, а Сампьеро действовал из одного тщеславия.

— А ревность, разве это не то же тщеславие? Это — тщеславие из-за любви; быть может, вы извиняете ее ради этой причины?

Мисс Лидия бросила на него исполненный достоинства взгляд и, обратясь к матросу, спросила его, когда галиот придет в порт.

— Послезавтра, если ветер не перестанет, — сказал он.

— Мне хотелось бы уже видеть Аяччо; это судно мне надоело.

Она встала, взяла под руку горничную и прошла несколько шагов по палубе. Орсо остался стоять у руля, не зная, провожать ли ее или прекратить этот разговор, который, казалось, сделался ей несносным.

— Хорошенькая девушка, клянусь кровью мадонны! — сказал матрос. — Если бы на моей койке все блохи были такие, как она, то я не жаловался бы, что они кусаются!

Мисс Лидия, может быть, услышала эту наивную похвалу своей красоте и рассердилась на нее, потому что она почти тотчас же сошла в свою каюту. Скоро ушел и Орсо. Как только он скрылся с палубы, вышла горничная и подвергла моряка допросу, после которого сообщила своей барышне следующее: *ballata*, прерванная появлением Орсо, была сочинена на смерть его отца, полковника делла Реббиа, убитого два года тому назад. Матрос не сомневался, что Орсо возвращается на

Корсику, как он выразился, *чтобы сделать вендетту*, и утверждал, что скоро в местечке Пьетранера увидят сырое мясо. В переводе это народное выражение значило, что синьор Орсо предполагал убить двоих или троих, подозреваемых в умерщвлении его отца, которые, правда, находились по этому делу под следствием, но потом были обелены, потому что судьи, адвокаты, префект и жандармы держали их руку.

— На Корсике нет суда, — прибавил матрос, — и, по моему, доброе ружье стоит дороже советника королевского суда. Когда есть враг, то нужно выбирать между тремя S¹.

Эти любопытные разъяснения значительно изменили отношение мисс Лидии к поручику делла Реббиа. В глазах романтической англичанки он стал с этого времени человеком, достойным внимания. Теперь этот беззаботный вид, этот развязный тон и хорошее расположение духа, сначала поселившиеся в ней предубеждение, сделались в ее глазах достоинствами, потому что показывали глубокую скрытность энергичной души, не дающей проникнуть наружу ни одному из своих чувств. Орсо показался ей чем-то вроде Фьеско, скрывающего под внешним легкомыслием обширные планы, и хотя убить нескольких негодяев далеко не столь доблестный поступок, как освободить родную страну, но все-таки прекрасная месть прекрасна; кроме того, женщины любят, когда герой не политик. Только теперь мисс Лидия заметила, что у молодого поручика большие глаза, белые зубы, изящный стан, что он хорошо воспитан и привык к хорошему обществу. На другой день она много говорила с ним, и этот разговор ее занимал. Она много расспрашивала его о его родной стране; он интересно рассказывал о ней. Корсика, которую он оставил мальчиком, чтобы поступить сперва в училище, а потом в военную школу, осталась в его памяти окруженной поэтическим ореолом. Он воодушевлялся, говоря о ее горах, лесах, об оригинальных обычаях ее жителей. Как и следовало ожидать, мщение не раз являлось в его рассказах, потому что невоз-

¹ Народное выражение, три S — это значит *schiopello, stiletto, strada*, то есть ружье, стилет, бегство (*Прим. ав-тора*)

можно говорить о корсиканцах, не нападая на их страсть, вошедшую в поговорку, или не оправдывая ее. Орсо несколько удивил мисс Невиль, в общем осуждая бесконечные распри своих земляков. Он оправдывал, однако, крестьян, говоря, что вендетта есть дуэль бедных.

— Это в самом деле дуэль, — говорил он, — люди убивают друг друга только после вызова, сделанного по правилам. «Берегись, я берегусь», — такими словами обмениваются враги, прежде чем начать устраивать друг другу засады. У нас не больше убийств, чем везде; но вы никогда не найдете неблагородного повода к такому преступлению. У нас, это правда, много убийц, но нет ни одного вора.

Когда он говорил о мщении и убийстве, мисс Лидия внимательно смотрела на него, но не могла найти на его лице ни малейшего следа волнения. Так как она решила, что он достаточно обладал силой духа, чтобы не дать никому проникнуть в свои мысли, — конечно, никому, кроме нее, — то она продолжала твердо верить, что тень полковника делла Реббиа недолго будет ждать желанного удовлетворения.

Галиот был уже в виду Корсики. Хозяин судна называл достопримечательные места на побережье, и хотя все они были совершенно незнакомы мисс Лидии, ей доставляло некоторое удовольствие узнавать их названия. Нет ничего скучнее безыменного пейзажа. Иногда в зрительную трубу полковника был виден какой-нибудь островитянин, одетый в коричневый плащ, с длинным ружьем, скачущий по крутым склонам верхом на маленькой лошадке. Мисс Лидия в каждом видела бандита или, вернее, сына, спешащего мстить за смерть отца; но Орсо уверял, что это какой-нибудь житель соседнего местечка, едущий по своим делам, что ружье он возит с собою не столько по необходимости, сколько из щегольства и подчинения моде, точно так, как денди не выходит без изящной трости. Хотя ружье есть оружие менее благородное и поэтическое, чем стилет, но все-таки мисс Лидия находила, что мужчине оно идет больше, чем трость, и вспоминала, что все герои лорда Байрона умирают от пули, а не от классического кинжала.

После трехдневного плавания перед глазами наших путешественников развернулась великолепная панора-

ма залива Аяччо. Справедливо сравнивают ее с видом Неаполитанского залива. А в то время, когда галиот вошел в порт, горевший *маки*, окутывая дымом *Punta di Cirato*, напоминал Везувий и усиливал сходство с заливом. Недоставало только, чтобы полчища Аттилы опустошили окрестности Неаполя, потому что вокруг Аяччо все мертво и пустынно. Вместо изящных зданий, открывающихся со всех сторон от Каstellамаре до мыса Мизены, вокруг залива Аяччо видны только мрачные *маки* да позади них лысые горы. Ни одной виллы, ни одного жилья. Лишь кое-где, на окружающих город высотах, белая постройка выделяется на зеленом фоне: это надгробные часовни, фамильные склепы. Все в этом пейзаже полно торжественной и печальной красоты.

Вид города, особенно в те времена, еще усиливал впечатление, произведенное пустыньностью его окрестностей. На улицах нет никакого движения; встречаются немногие, и все одни и те же, праздные фигуры. Ни одной женщины, кроме нескольких крестьянок, привезших на продажу съестные припасы. Не слышно громкого говора, пения, смеха, как в итальянских городах. Иногда на бульваре под тенью дерева кучка вооруженных крестьян играет в карты; некоторые смотрят на игру. Они никогда не кричат, не спорят; если страсти разгорятся, то раздаются пистолетные выстрелы, которые всегда предшествуют угрозам. Корсиканец от природы важен и молчалив. Вечером появляется несколько желающих подышать свежим воздухом, но прогуливаются почти только одни иностранцы. Островитяне остаются у своих дверей, каждый настороже, как сокол на своем гнезде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Побывав в комнате, где родился Наполеон, достав себе более или менее безгрешными средствами клочок от обоев из этой комнаты, мисс Лидия на другой день после приезда на Корсику почувствовала себя в самом печальном настроении духа, как и должно быть со всяким чужеземцем, приехавшим в страну, необщительность жителей которой как будто осуждает его на полное одиночество. Она пожалела о своей затее, но уехать

сейчас же значило уронить свою репутацию неустрашимой путешественницы, и мисс Лидия решила терпеть и как можно лучше убивать время. Утвердившись в этом благородном решении, она вынула карандаши и краски, набросала виды залива и сделала портрет загорелого мужика, продававшего дыни, как огородник на континенте, но имевшего белую бороду и вид самого свирепого негодяя в мире. Так как все это не могло развлечь ее, то она решила вскружить голову потомку капралов, а сделать это было не трудно, потому что Орсо совсем не торопился ехать в свою деревню и, казалось, с большим удовольствием оставался в Аяччо, несмотря на то, что ни с кем здесь не встречался. Кроме того, мисс Лидия задалась благородной целью, а именно: цивилизовать этого дикаря и заставить его отказаться от мрачных намерений, которые привели его на родной остров. С тех пор, как она узнала его ближе, она решила, что было бы жаль пустить этого молодого человека навстречу гибели и что для нее было бы делом чести обратиться корсиканца на путь истинный.

Дни проходили у наших путешественников следующим образом: утром полковник и Орсо шли на охоту; мисс Лидия рисовала или писала подругам, для того чтобы иметь возможность пометать письма «Аяччо». К шести часам мужчины возвращались, обремененные дичью; обедали, мисс Лидия пела, полковник засыпал, а молодые люди разговаривали до поздней ночи.

Какая-то формальность относительно паспорта принудила полковника Невиля сделать визит префекту. Страшно скучавший, как и большинство его сослуживцев, префект был в восторге, узнав о приезде англичанина, богача, светского человека и отца хорошенькой дочери. Он прекрасно принял его, осыпал предложениями услуг и очень скоро отдал ему визит. Полковник, только что выйдя из-за стола, удобно растянулся на софе и уже почти засыпал; дочь его пела у раскрытого фортепьяно; Орсо переворачивал ей ноты и смотрел на плечи и белокурые волосы певицы. Доложили о г-не префекте; фортепьяно смолкло, полковник встал, протер себе глаза и представил префекта дочери.

— Я не представляю вам господина делла Реббиа, —

сказал он префекту, — потому что вы, без сомнения, знаете его.

— Вы сын полковника делла Реббиа? — спросил префект с несколько смущенным видом.

— Да, господин префект, — ответил Орсо.

— Я имел честь быть знакомым с вашим батюшкой.

Общие места разговора скоро истощились. Полковник не мог удержать зевоту, Орсо в качестве либерала не хотел говорить с представителем власти. Мисс Лидия старалась поддержать разговор. Префект ей в этом помогал и, очевидно, находил большое удовольствие в разговоре о Париже и о свете с женщиной, знакомой со всей европейской знатью. Говоря, он от времени до времени со странным любопытством взглядывал на Орсо.

— Вы познакомились с господином Реббиа на континенте? — спросил он мисс Лидию.

Мисс Лидия несколько смущенно ответила, что они познакомились на галиоте, на котором приехали на Корсику.

— Вполне порядочный молодой человек, — заметил префект вполголоса. — А сказал он вам, — продолжал он еще тише, — с каким намерением он возвращается на Корсику?

Мисс Лидия приняла величественный вид.

— Я не спрашивала его об этом, можете спросить его сами.

Префект помолчал, но минутой спустя, слыша, что Орсо сказал полковнику несколько слов по-английски, он обратился к нему:

— Вы, как кажется, много путешествовали. Вы должны были забыть Корсику... и ее обычаи.

— Правда, я оставил ее еще очень молодым.

— Вы все еще служите в армии?

— Я на половинном жалованье, господин префект.

— Вы так долго были во французской армии, что — я не сомневаюсь в этом — сделались совершенным французом.

Напомнить корсиканцу, что он принадлежит к великой нации, вовсе не значит особенно польстить ему. Корсиканцы хотят быть особым народом и так хорошо оправдывают это притязание, что с ними нельзя не согласиться. Немного уязвленный, Орсо ответил:

— Вы думаете, господин префект, что корсиканцу, чтобы сделаться порядочным человеком, необходимо служить во французской армии?

— Конечно, нет,— сказал префект, — я этого нисколько не думаю; я говорю только о некоторых *обычаях* этой страны, из которых иные совершенно нежелательно было бы видеть администратору.

Он сделал ударение на слове «обычаях» и принял самое важное выражение, на какое только была способна его физиономия. Вскоре он поднялся и ушел, взяв с мисс Лидии обещание навестить его жену в префектуре.

— Надо мне было ехать на Корсику, чтобы узнать, что такое префект! — сказала мисс Лидия, когда он вышел. — Впрочем, он показался мне довольно любезным.

— Что касается до меня, то я не могу сказать того же, — заметил Орсо. — Мне он кажется очень странным, вид у него надутый и таинственный.

Полковник заснул; мисс Лидия мельком взглянула на него и сказала, понизив голос:

— А я нахожу, что он вовсе не так таинствен, как вы думаете; мне кажется, я поняла его.

— Вы очень прозорливы, мисс Невиль; и если вы видите какой-нибудь смысл в словах, которые он только что сказал, то вы, наверно, сами вложили его в них.

— Эта фраза достойна маркиза Маскариля, господин делла Реббиа; но... хотите, я дам вам доказательство моей проницательности? Я немножко колдунья и знаю, что думают люди, хотя видела их всего раза два.

— Боже мой, вы пугаете меня! Если вы умеете читать чужие мысли, я не знаю, радоваться мне этому или печалиться...

— Господин делла Реббиа! — продолжала мисс Лидия, краснея. — Мы знаем друг друга всего несколько дней; но на море и в дикой стране — я надеюсь, вы извините меня... — в дикой стране люди сходятся скорее, чем в свете. Поэтому не удивляйтесь, если я стану говорить с вами, как друг, о довольно интимных вещах, которых, может быть, не должен бы касаться посторонний.

— О, не говорите этого слова, мисс Невиль! Другое нравится мне гораздо больше.

— Итак, я должна сказать вам, что, не стараясь узнать вашу тайну, я узнала о ней кое-что, что меня огор-

чает. Я знаю горе, постигшее ваше семейство; мне много говорили о мстительном характере ваших земляков и их манере мстить... Не на это ли намекал префект?

— Мисс Лидия, можете ли вы думать!..— И Орсо побледнел, как мертвец.

— Нет, — перебила она его, — я знаю, что вы человек чести. Вы сами сказали мне, что в вашей стране только простой народ применяет вендетту... которую вам было угодно назвать формой дуэли.

— Вы думаете, я способен стать убийцей?

— Из того, что я говорю с вами об этом, вы должны заключить, что я не сомневаюсь в вас. Если я об этом говорю, — продолжала она, опустив глаза, — то это потому, что я понимаю, что, вернувшись на родину, окруженный, может быть, варварскими предрассудками, вы... вам отрадно будет сознавать, что есть существо, уважающее вас за твердость в сопротивлении им. Но будет говорить об этих скверных вещах, — сказала она, вставая. — От них у меня болит голова, да и поздно. Вы не сердитесь на меня? Покойной ночи, по-английски.

И она протянула ему руку.

Орсо пожал ее с серьезным и растроганным видом.

— Мисс Лидия, — сказал он, — знаете ли, что есть минуты, когда во мне пробуждаются инстинкты родной страны? Иногда, когда я думаю о своем бедном отце, меня преследуют ужасные мысли. Благодаря вам я навсегда освободился от них. Благодарю вас, благодарю.

Он хотел продолжать, но мисс Лидия уронила чайную ложку, и звон ее разбудил полковника.

— Делла Реббиа, завтра в пять часов на охоту. Будьте точны.

— Хорошо, полковник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На другой день, незадолго до возвращения охотников, подходя к гостинице после прогулки со своей горничной по морскому берегу, мисс Невиль заметила въезжавшую в город молодую женщину в черном, верхом на маленькой, но ретивой лошадке, в сопровождении кого-то, вроде крестьянина, тоже верхом, одетого в куртку из ко-

ричного сукна с разодранными локтями, с тыквенной кубышкой на перевязи, с пистолетом, висевшим у пояса, с ружьем в руках, конец ложа которого помещался в кожаном кармане, приделанном к луке седла, словом, в полном костюме разбойника из мелодрамы или корсиканского обывателя в дороге. Внимание мисс Невиль прежде всего привлекла к себе замечательная красота женщины. Ей было на вид лет двадцать. Она была высокого роста, бела лицом; у нее были темно-голубые глаза, розовые губы, зубы будто из эмали. В выражении ее лица можно было разом прочесть гордость, беспокойство и печаль. На голове у нее был надет *mezzaro*, вуаль, введенная на Корсике генуэзцами и очень идущая женщинам. Длинные каштановые косы обвивали ей голову, как тюрбан. Одета она была чисто, но в высшей степени просто.

Мисс Лидия уже успела рассмотреть женщину в *mezzaro*, когда та остановилась спросить у прохожего о чем-то, судя по выражению ее глаз, очень ее интересовавшем; получив ответ, она ударила лошадь хлыстом и поехала крупной рысью. Она остановилась у дверей гостиницы, где жили сэр Томас Невиль и Орсо. Здесь, обменявшись несколькими словами с хозяином, молодая женщина ловко соскочила с лошади и уселась на каменной скамье около входной двери, а ее конюх повел лошадей на конюшню. Мисс Лидия в своем парижском костюме прошла мимо незнакомки, но та даже не подняла глаз. Открыв через четверть часа свое окно, мисс Лидия увидела ее сидящей на том же месте и в том же положении. Скоро показались возвращавшиеся с охоты полковник и Орсо. Тогда хозяин сказал незнакомке в трауре несколько слов и показал ей пальцем на молодого делла Реббиа. Она покраснела, быстро поднялась, сделала несколько шагов и остановилась как бы в смущении. Он с любопытством на нее глядел.

— Вы Орсо Антонио делла Реббиа? — спросила она взволнованно. — Я Коломба.

— Коломба! — воскликнул Орсо.

И он обнял ее и нежно поцеловал, что немного удивило полковника с дочерью, потому что в Англии не целуются на улице.

— Брат, простите меня за то, что я приехала без ва-

шего приказания, но я узнала от наших друзей, что вы уже здесь, а для меня такая радость видеть вас...

Орсо поцеловал ее еще раз; потом, обратясь к полковнику, сказал:

— Это моя сестра. Я ни за что не узнал бы ее, если бы она не назвала себя... Коломба, полковник сэр Томас Невиль... Полковник, прошу вас извинить меня, но сегодня я не могу обедать с вами. Сестра ...

— А, черт возьми! Где же вы будете обедать? — воскликнул полковник. — Вы очень хорошо знаете, что в этом проклятом трактире всего один обед, и тот наш. Мадмуазель доставит моей дочери большое удовольствие, если согласится присоединиться к нам.

Коломба посмотрела на брата, тот не заставил долго просить себя, и все вместе вошли в самую большую комнату гостиницы, служившую полковнику приемной и столовой. Мадмуазель делла Реббиа, представленная мисс Невиль, сделала ей низкий реверанс, но не сказала ни слова. Видно было, что она очень смущена и что ей, может быть, первый раз в жизни приходится быть в обществе иностранцев, да к тому же еще из высшего общества. Впрочем, в ее манерах не было ничего, напоминавшего провинцию; оригинальность искупала в ней неловкость. Она даже понравилась этим мисс Лидии, и так как в гостинице, которой завладел полковник со своей свитой, не было больше свободных комнат, то мисс Лидия простерла свою снисходительность или свое любопытство до того, что предложила постлать постель для мадмуазель делла Реббиа в своей собственной комнате.

Коломба пробормотала какую-то благодарность и поспешила за горничной мисс Невиль, чтобы немного привести в порядок свой туалет, что было необходимо после пыльной дороги в самую жару.

Войдя в зал, она остановилась перед ружьями полковника, которые охотники только что поставили в угол.

— Славные ружья, — сказала она. — Брат, это ваши?

— Нет, это английские ружья полковника. Они так же хороши, как и красивые.

— Мне очень хотелось бы, чтобы и у вас было такое.

— Из этих трех одно, разумеется, принадлежит делла Реббиа. Он превосходно владеет им! Сегодня, например, четырнадцать выстрелов — четырнадцать штук дичи.

Сейчас же началась борьба великодушия, в которой Орсо был побежден, к великому удовольствию его сестры, что можно было заметить по выражению детской радости, внезапно заблестевшей на ее за секунду до этого серьезном лице.

— Выбирайте, друг мой, — говорил полковник.

Орсо отказывался.

— Ну, так ваша сестра выберет за вас.

Коломба не заставила его повторять и взяла прощя всех отделанное ружье, это было превосходное ружье Ментона, большого калибра.

— Наверно, хорошо бьет, — сказала она.

Брат не знал, как благодарить полковника; очень кстати подоспевший обед вывел его из затруднения. Мисс Лидия была в восторге, видя, что Коломба, которая оказала некоторое сопротивление, когда ее хотели посадить за стол, и уступила только после взгляда своего брата, как добрая католичка, перекрестилась перед обедом. «Хорошо, — сказала Лидия про себя, — вот первобытная натура». И она решила сделать побольше интересных наблюдений над этой молодой представительницей старых корсиканских нравов. Что касается Орсо, то он, очевидно, был не совсем в своей тарелке; без сомнения, он боялся, как бы его сестра не сказала или не сделала чего-нибудь отдающего деревней. Но Коломба постоянно взглядывала на него и все свои движения соотнобразовывала с движениями брата. Иногда она пристально смотрела на него с каким-то странным печальным выражением, и, если глаза Орсо встречались с ее глазами, он первый отводил их в сторону, как будто бы хотел избегнуть вопроса, который мысленно обращала к нему сестра и который он слишком хорошо понимал. Говорили по-французски, потому что полковник очень плохо изъяснялся по-итальянски. Коломба понимала французский язык и даже недурно произносила те немногие слова, которыми она была вынуждена обмениваться со своими хозяевами.

После обеда полковник, заметивший какую-то принужденность между братом и сестрой, спросил со своей обычной откровенностью, не желает ли Орсо поговорить наедине с Коломбой, и вызвался перейти с дочерью в соседнюю комнату. Но Орсо поспешил поблагодарить его

и сказал, что у них будет много времени для разговоров в Пьетранере. Так называлась деревня, где он должен был жить.

Полковник занял свое привычное место на софе, а мисс Невиль, перепробовав несколько тем для разговора и отчаявшись заставить разговориться прекрасную Коломбу, попросила Орсо прочесть ей какую-нибудь песнь из Данте: это был ее любимый поэт. Орсо выбрал ту песнь из *Ада*, где говорится о Франческе да Римини, и начал старательно декламировать эти изящные терцины, так ясно выражающие опасность читать вдвоем книгу о любви. По мере того, как он читал, Коломба придвигалась к столу, поднимала свою склоненную голову; ее расширенные зрачки блестели необыкновенным огнем; она то бледнела, то краснела; ей не сиделось на месте. Прекрасная итальянская натура понимает поэзию, не нуждаясь в каком-нибудь педанте, который указывал бы на ее красоты.

— Как хорошо! — воскликнула она, когда чтение кончилось. — Брат, кто это написал?

Орсо несколько смутился, а мисс Лидия ответила, улыбаясь, что написал это один флорентийский поэт, умерший много веков назад.

— Я дам тебе читать Данте, когда мы будем в Пьетранере, — сказал Орсо.

— Боже мой, как это хорошо! — повторяла Коломба.

И она сказала три или четыре удержанные ею в памяти терцины сначала потихоньку, а потом, воодушеваясь, продекламировала их громко и с большим выражением, чем то, какое вложил в них, читая, ее брат.

— Вы, кажется, очень любите поэзию, — сказала удивленная мисс Лидия. — Как я завидую вам! Вы будете читать Данте, как новую книгу.

— Видите, мисс Невиль, какую силою обладают стихи Данте! — сказал Орсо. — Они волнуют даже дикарку, знающую только свое «Отче наш»... Но я ошибаюсь. Мне помнится, что Коломба знаток в этом деле. Еще совсем ребенком она занималась стихотворством, и отец писал мне, что она величайшая *voceratrice* в Пьетранере и на две мили кругом.

Коломба умоляющими глазами посмотрела на брата. Мисс Невиль слышала о корсиканских импровизаторах

и умирала от желания послушать одну из них. Поэтому она начала усердно просить Коломбу показать ей образец своего таланта. Орсо вступился, досадуя на себя, затем вспомнил о поэтическом таланте сестры. Он клялся, что нет ничего проще, чем корсиканская *ballata*, уверял, что слушать корсиканские стихи после Данте — значит изменять своей стране, и только раздражил каприз мисс Невиль, так что наконец принужден был обратиться к сестре:

— Ну, хорошо, скажи что-нибудь, но только покороче.

Коломба вздохнула, с минуту внимательно смотрела на скатерть, покрывавшую стол, потом на балки потолка; наконец, закрыв рукой глаза, как те птицы, которые успокаиваются и думают, что их никто не видит, когда они сами ничего не видят, она запела неуверенным голосом следующую *serenata*:

Девушка и горлинка

В долине, далеко за горами, солнце светит только час в день. В той долине есть мрачный дом, и трава растет на его пороге. Двери, окна всегда закрыты. Дым не идет из трубы. Но в полдень, когда туда заглядывает солнце, открывается окно, и девушка-сиротка прядет на прялке. Она прядет и поет за работой печальную песню. Однажды в весенний день горлинка села на соседнее дерево и слушала пение молодой девушки. «Молодая девушка, — сказала она, — ты не одна плачешь. Жестокий ястреб унес у меня друга». — «Горлинка, покажи мне, где ястреб-похититель; если б он даже был под облаками, я сейчас же свалю его на землю. Но мне, бедной, кто мне отдаст моего брата? Мой брат теперь в далекой стране». — «Молодая девушка, скажи мне, где твой брат, и мои крылья снесут меня к нему».

— Вот благовоспитанная горлинка, — воскликнул Орсо, целуя сестру в волнении, противоречившем его деланно шутливому тону.

— Ваша песня прелестна, — сказала мисс Лидия, — мне хочется, чтобы вы написали ее мне в альбом. Я переведу ее на английский язык и положу на музыку.

Храбрый полковник, не понявший ни слова, к комплиментам дочери присоединил и свои. Потом он прибавил:

— Горлинка, о которой вы говорите, мадмуазель Коломба, это та самая птица, которую мы сегодня ели?

Мисс Невиль принесла свой альбом и была немало удивлена, видя, как странно экономит бумагу импровизаторша, записывая свою песню. Стихи, вместо того чтобы стоять отдельными строчками, шли один за другим во всю ширину листа, не соответствуя известному определению поэтического произведения: «Коротенькие строчки неравной длины с пустыми местами с каждой стороны». Сверх того, можно было сделать несколько замечаний по поводу немного капризного правописания Коломбы, которое не раз заставило улыбнуться мисс Невиль и было пыткой для братского тщеславия Орсо.

Когда наступило время сна, молодые девушки пошли в свою комнату. Там, снимая кольца, серьги и браслеты, мисс Лидия заметила, что ее подруга вынула из платья что-то длинное вроде корсетной пластинки, но совсем иной формы. Коломба заботливо и почти украдкой положила это что-то под свой *mezzaro*; потом она стала на колени и начала набожно молиться. Через две минуты она была в постели. Очень любопытная от природы и медленно раздевавшаяся, как все англичанки, мисс Лидия подошла к столу и, притворись, будто ищет булавку, подняла *mezzaro* и увидела довольно длинный стилет в затейливой оправе из серебра с перламутром; он был замечательной работы, и любитель дорого бы дал за такое старинное оружие.

— Разве здесь есть обычай у девушек носить в корсете это маленькое оружие? — спросила мисс Невиль с улыбкой.

— Это необходимо, — ответила, вздыхая, Коломба. — На свете столько злых людей!

— А хватило бы у вас в самом деле духу нанести вот этакий удар?

И мисс Невиль сделала вид, что наносит удар стилетом сверху вниз, как на сцене.

— Да, если бы это понадобилось, чтобы защитить себя или друзей... — сказала Коломба своим нежным и музыкальным голосом. — Но вы не так его держите; вы можете ранить себя, если тот, кого вы хотите ударить, отступит. Посмотрите, вот как, — сказала она и, приподнявшись, показала, как надо бить. — Говорят, такой

удар смертелен. Счастливые люди, кому не нужно такое оружие!

Она вздохнула, опустила голову на подушку и закрыла глаза. Невозможно представить себе более благородную, более невинную головку. Фидий для своей Афины-Паллады не пожелал бы лучшей модели.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По правилу Горация, я сразу приступил *in medias res*¹. Пока все спит, пока спит и прекрасная Коломба, и полковник, и его дочь, я воспользуюсь этим временем и расскажу читателю о некоторых частностях, которые он должен знать, если хочет как следует вникнуть в эту правдивую историю. Читатель уже знает, что полковник делла Реббиа, отец Орсо, был убит. На Корсике убивает не какой-нибудь каторжник, который не нашел лучшего средства утащить ваше серебро, как это водится во Франции, а убивают враги; но сказать, почему у человека есть враги, часто бывает очень трудно. Многие семейства ненавидят друг друга по старой привычке, а предание о первоначальной причине их ненависти совершенно исчезло.

Род, к которому принадлежал полковник делла Реббиа, враждовал со многими другими родами, но особенно с семьей Барричини; некоторые говорили, что в XVI веке один делла Реббиа соблазнил одну Барричини и потом был заколот родственником оскорбленной девицы. Правда, другие рассказывали, что дело было иначе, что соблазнили одну делла Реббиа, а закололи одного Барричини. Словом, между двумя домами, как говорится, *была кровь*. Однако вопреки обычаю это убийство не повлекло за собой других убийств, потому что генуэзское правительство одинаково преследовало и делла Реббиа и Барричини. Молодые люди из обоих семейств находились в изгнании, поэтому и оба рода в течение многих поколений были лишены своих энергических представителей.

В конце прошлого века один делла Реббиа, офицер неаполитанской службы, поспорил в игорном доме с во-

¹ К делу (*лат.*).

енными, которые между прочими оскорблениями называли его корсиканским козопасом; он выхватил шпагу, но так как он был один, а их трое, то ему пришлось бы плохо, если бы какой-то иностранец, тоже игравший в этом доме, не стал на его сторону, закричав: «Я тоже корсиканец!» Этот иностранец был один из Барричини, не знавший своего земляка. При объяснении с обеих сторон было сказано множество любезностей и дано клятв в вечной дружбе, на континенте корсиканцы сходятся легко, совершенно не так, как на своем острове. Это оправдалось и в данном случае, делла Реббиа и Барричини были душевными друзьями, пока жили в Италии, но, вернувшись на Корсику, они стали видеться редко, хотя и жили в одной деревне, а когда они умерли, то ходили толки, что они не здоровались по крайней мере пять или шесть лет до своей смерти. Их сыновья жили точно так же, *по этикету*, как говорят на острове. Один, Гильфуччо, отец Орсо, был военным; другой, Джудиче Барричини, — адвокатом. Когда они оба сделались отцами семейств, то, разлученные своими профессиями, почти не имели случая видеться или слышать что-нибудь друг о друге.

Однако в 1809 году Джудиче, прочтя в бастиийской газете, что капитан Гильфуччо получил орден, сказал при свидетелях, что он вовсе не удивляется этому, потому что генерал *** покровительствует семейству делла Реббиа. Эти слова были переданы в Вену Гильфуччо, и тот сказал одному земляку, что, вернувшись на Корсику, он, наверно, застанет Джудиче богатым, потому что он выручает больше денег за проигранные, чем за выигранные дела. Неизвестно, хотел ли он намекнуть на то, что адвокат изменял своим клиентам, или просто повторил ходячую истину, что дурное дело приносит законнику больше выгоды, чем хорошее. Как бы то ни было, адвокат узнал об остроте и не забыл ее. В 1812 году он начал хлопотать о месте мэра в своей общине и совсем уже надеялся получить его, как вдруг генерал написал префекту, рекомендуя ему родственника жены Гильфуччо; префект поспешил исполнить желание генерала, и Барричини нисколько не сомневался, что обязан своей неудачей интригам Гильфуччо.

После падения императора в 1814 году любимец генерала был обвинен по доносу в бонапартизме, и его заме-

нил Барричини. Последний, в свою очередь, был отрешен во время Ста дней, но после этой бури снова торжественно вступил во владение печатью мэра и метрическими книгами.

С этих пор звезда его счастья заблестела ярче, чем когда-нибудь. Полковник делла Реббиа, уволенный с половинным окладом и приехавший в Пьетранеру, должен был выдерживать глухую борьбу, состоявшую из бесконечных кляуз; то его требовали в суд по делу о потраве, сделанной его лошадьё у господина мэра; то мэр под предлогом починки церковного пола приказывал снять разбитую плиту с гербом делла Реббиа на могиле у одного из членов этого рода. Если козы поехали у полковника всходы, хозяева их находили у мэра защиту; лавочник, содержащий в Пьетранере почтовую контору, и полевой сторож, старый изувеченный солдат, — оба клиенты делла Реббиа, — один за другим были прогнаны и заменены креатурами Барричини.

Жена полковника умерла, выразив желание быть похороненной в том лесу, где она любила прогуливаться; мэр тотчас же объявил, что она должна быть погребена на общественном кладбище, так как он не уполномочен разрешить похоронить ее где-нибудь в другом месте. Взбешенный полковник объявил, что в ожидании этого полномочия он похоронит жену в том месте, которое она выбрала, и приказал вырыть там могилу. Со своей стороны, и мэр приказал вырыть могилу на кладбище и потребовал жандармов затем, как говорил он, чтобы сила осталась на стороне закона. В день похорон явились обе партии, и одно время можно было опасаться, как бы не начался бой из-за останков г-жи делла Реббиа. Полсотни хорошо вооруженных крестьян, приведенных родными покойной, заставили священника, выйдя из церкви, пойти по дороге к лесу; с другой стороны, мэр со своими двумя сыновьями, со своими клиентами и жандармами явился, чтобы оказать противодействие. Когда он приказал похоронному шествию отступить, в ответ раздались свистки и угрозы; численный перевес был на стороне его противников, и они, казалось, решились защищаться.

При виде мэра многие взвели курки своих ружей, и говорят даже, что один пастух уже прицелился в него,

но полковник отвел ружье и сказал: «Не смей стрелять без моего приказа!» Мэр «от природы боялся побоев», как Панург, и, не дав сражения, отступил со своим конвоем, тогда печальное шествие тронулось и выбрало самую длинную дорогу, чтобы пройти перед мэрией. Какой-то идиот, примкнув к шествию, вздумал кричать: «Да здравствует император!» Ему ответили два или три голоса, и реббианисты, воодушевляясь все более и более, предложили убить принадлежащего мэру быка, который случайно загородил им дорогу. К счастью, полковник помешал совершить такую жестокость.

Всякий легко догадается, что был составлен протокол и что мэр послал префекту донесение, написанное самым высоким слогом; в нем он изображал божественный и человеческий закон попраным, достоинство его, мэра, и священника — непризнанным и поруганным, полковника делла Реббиа — ставшим во главе бонапартистского заговора, имевшего целью изменить порядок престолонаследия и возбудить между гражданами вооруженное столкновение: преступления, предусмотренные 86-й и 91-й статьями уголовного кодекса.

Преувеличенность этой жалобы повредила ее действию. Полковник написал префекту, королевскому прокурору; один из родственников его жены приходился родней одному из депутатов острова, другой был кузном председателя судебной палаты. Благодаря этим связям обвинение в заговоре отпало; г-жа делла Реббиа осталась в лесу, а идиот был приговорен к двухнедельному тюремному заключению.

Адвокат Барричини, не удовлетворенный исходом этого дела, повернул свои батареи в другую сторону. Он откопал какой-то старый документ и на основании его начал оспаривать у полковника право на владение ручьем, приводившим в движение мельницу. Начался длинный процесс. В конце года палата уже была готова произнести свой приговор и, по всем признакам, в пользу полковника, как вдруг Барричини вручил королевскому прокурору письмо за подписью некоего Агости-ни, знаменитого бандита, который грозил ему, мэру, пожаром и смертью, если он не откажется от своих претензий. Известно, что на Корсике очень многие добиваются покровительства кого-нибудь из бандитов и что бандиты,

чтобы угодить своим друзьям, нередко вмешиваются в частные распри. Мэр старался извлечь из этого письма пользу; в это время новое обстоятельство усложнило дело. Бандит Агостини написал королевскому прокурору письмо, в котором жаловался на то, что подделали его почерк и тем набросили тень на его нравственные качества, ослабив его человеком, торгующим своим влиянием. «Если я найду поддельвателя, то примерно накажу его», — так кончал он свое письмо.

Было ясно, что Агостини не писал угрожающего письма мэру. Тогда дела Реббиа обвинили в подлоге Барричини и *vice versa*¹. Обе стороны разражались угрозами, и правосудие не знало, где найти виновных.

Тем временем полковник Гильфуччо был убит. Вот факты в том виде, как они были установлены следствием. 2 августа 18** года, под вечер, женщина по имени Маддалена Пьетри, несшая в Пьетранеру пшеницу, услышала два выстрела, быстро следовавшие один за другим и раздавшиеся, как ей показалось, у дороги, ведущей в деревню, шагах в полутораста от того места, где она находилась. Почти тотчас же после этого она увидела человека, бежавшего, согнувшись, по тропинке между виноградниками к деревне. Этот человек на мгновение остановился и обернулся, но расстояние не позволило Пьетри различить его черты, а кроме того, он держал во рту виноградный лист, закрывавший ему почти все лицо. Он сделал знак рукой товарищу, которого свидетельница не видела, и потом исчез в винограднике.

Пьетри, оставив свою ношу, взбежала по тропинке и нашла полковника дела Реббиа плавающим в крови, простреленным двумя пулями, но еще дышавшим. Возле него лежало ружье, заряженное и со взведенным курком: казалось, что он хотел защищаться от кого-то, напавшего на него спереди, а в это мгновение другой поразил его в спину. Он хрипел и боролся со смертью, но не мог выговорить ни слова; врачи объяснили это тем, что у него были ранены легкие. Кровь душила его; она текла медленно и была похожа на алую пену. Напрасно Пьетри приподняла его и начала расспрашивать. Видно было, что он хотел говорить, но не мог произнести ни слова. Заме-

¹ Наоборот (*лат.*).

тив, что он старается поднести руку к карману, женщина поспешила вынуть оттуда маленькую записную книжку и, открыв ее, подала ему. Раненый вытащил из книжки карандаш и попытался что-то написать. Свидетельница ясно видела, что он с трудом написал что-то, но так как она не умела читать, то и не могла понять, что там написано. Устав от напряжения, полковник вложил книжку в руку Пьетри и сильно сжал эту руку, смотря на женщину со странным выражением, как будто бы он хотел сказать ей (таковы подлинные слова свидетельницы): «Это очень важно, это имя моего убийцы!».

У деревни Пьетри встретила г-на мэра Барричини с сыном Винчентелло. Пьетри рассказала им о том, что видела. Мэр взял книжку и побежал в мэрию надеть шарф и позвать секретаря и жандармов. Оставшись одна с Винчентелло, Мадалена Пьетри предложила ему пойти помочь полковнику на случай, если он еще жив, но Винчентелло ответил, что если он приблизится к человеку, который был лютым врагом его семейства, то его непременно обвинят в убийстве. Скоро пришел мэр, нашел полковника мертвым, приказал убрать труп и составил протокол.

Несмотря на свое, естественное в подобном случае смущение, г-н Барричини поспешил опечатать книжку полковника и принять все зависевшие от него меры для расследования дела, но ни одна из них не привела к какому-нибудь важному открытию. Когда приехал следователь, распечатали записную книжку и на окровавленной странице увидели несколько букв, написанных слабеющей рукой, однако довольно разборчиво. Написано было *Agosti...*, и следователь не сомневался, что полковник хотел указать на Агостини как на своего убийцу. Между тем вызванная судьей Коломба делла Реббиа попросила посмотреть записную книжку. Она долго перелистывала ее и наконец, протянув руку к мэру, закричала: «Вот убийца!» И с удивительными при ее отчаянии точностью и ясностью она рассказала, что ее отец несколько дней тому назад получил письмо от сына и сжег его, но перед этим он записал карандашом в своей записной книжке адрес Орсо, который только что перешел в другой гарнизон. Этого адреса теперь в книжке не было, и Коломба заключила из этого, что мэр вырвал ли-

сток, на котором он был написан и на котором ее отец, написал имя своего убийцы; это имя, по словам Коломбы, мэр подменил именем Агостини. Следователь в самом деле увидел, что в той тетрадке, в которой было написано имя, не хватает одного листка, но скоро он заметил, что листков не хватает и в других тетрадках той же книжки, а свидетели показывали, что у полковника была привычка вырывать листки из своей книжки для закуривания сигары; весьма вероятно, что он сжег нечаянно и записанный им адрес. Кроме того, оказалось, что мэр, получив книжку от Пьетри, не мог ничего прочесть, так как было темно; было доказано, что он не оставивался ни на минуту, прежде чем вошел в мэрию, что жандармский бригадир вошел туда вместе с ним и видел, как он зажег лампу, положил книжку в конверт и запечатал у него на глазах.

Когда бригадир дал свое показание, Коломба вне себя бросилась перед ним на колени и заклинала его всем, что у него есть святого, сказать, не оставял ли он на мгновение мэра одного. После некоторого колебания бригадир, видимо, тронутый возбуждением молодой девушки, признался, что он искал в соседней комнате большой лист бумаги, но что он не пробыл там и минуты и что мэр говорил с ним все время, пока он ощупью искал бумагу в выдвижном ящике. Впрочем, он засвидетельствовал, что когда он вернулся, то книжка была на том месте на столе, куда, входя, бросил ее мэр.

Г-н Барричини давал показания совершенно спокойно. Он говорил, что извиняет увлечение синьоры делла Реббиа и соглашается снизить до того, чтобы оправдываться. Он доказал, что целый вечер был в деревне, что его сын Винченделло в момент преступления был вместе с ним подле мэрии, наконец, что его сын Орландуччо, заболевший в этот самый день лихорадкой, не вставал с постели. Он предъявил все ружья, бывшие в его доме: ни одно из них не носило следов недавнего выстрела. Он прибавил, что тотчас же понял важное значение записной книжки, что он запечатал ее и отдал своему помощнику, предвидя, что за его вражду с полковником подозрение может пасть на него. Наконец, он напомнил, что Агостини угрожал смертью тому, кто написал письмо от его имени, и намекнул, что этот него-

дядя убил полковника, вероятно, заподозрив его. Такого рода месть вполне в нравах корсиканских бандитов.

Пять дней спустя после смерти полковника дела Реббиа Агостини, захваченный врасплох отрядом стрелков, после отчаянной схватки был убит. На нем нашли письмо Коломбы, которая заклинала его сказать, виновен он или нет в убийстве ее отца. Бандит не отвечал, и из этого заключили, что у него не хватило духу сказать дочери, что убил он. Однако люди, по их словам, хорошо знавшие характер Агостини, говорили потихоньку, что если бы он убил полковника, то стал бы хвастать этим. Другой бандит, известный под именем Брандолаччо, прислал Коломбе письмо, в котором он *свою честь* ручался за невиновность товарища, но единственным приводимым им доказательством было то, что Агостини никогда не говорил ему, что подозревает полковника.

В конце концов Барричини перестали беспокоить, следователь осыпал мэра похвалами, и мэр завершил свое прекрасное поведение отказом от всех притязаний на ручей, из-за которого он вел процесс с полковником дела Реббиа.

По местному обычаю Коломба сымпровизировала *ballata* перед трупом отца и при собравшихся друзьях. Она вдохнула в нее всю свою ненависть к Барричини и прямо обвинила их в убийстве, грозя им мстостью своего брата. Это была та самая *ballata*, сделавшаяся очень популярной, которую пел матрос при мисс Лидии. Узнав о смерти отца, Орсо, бывший тогда на севере Франции, подал просьбу об отпуске, но не мог получить его. Сначала, по письму сестры, он поверил в виновность Барричини, но скоро получил копию со всех документов следствия, и частное письмо следователя почти убедило его, что единственным виновником был бандит Агостини. Целых три месяца Коломба писала ему, повторяя свои подозрения, называя их доказательствами. Против его воли эти обвинения волновали его корсиканскую кровь, и, случалось, он был почти готов согласиться с сестрой. Однако во всех своих письмах он повторял ей, что ее обвинения не имеют никаких веских доказательств и не заслуживают никакого доверия. Он даже запрещал ей говорить об этом деле, но тщетно. Так прошло два года; его перевели на половинное жалованье, и тогда он

подумал о возвращении на родину; он хотел вернуться не для того, чтобы мстить людям, которых он считал невиновными, а чтобы выдать замуж сестру и продать свое маленькое имение, если за него можно будет выручить сумму, достаточную для жизни на континенте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Оттого ли, что приезд сестры живее напомнил Орсо родной очаг, или оттого, что ему было стыдно в присутствии своих цивилизованных друзей за костюм и дикие манеры Коломбы, он объявил на другой день свое решение покинуть Аяччо и отправиться в Пьетранеру. Однако он взял с полковника обещание, когда тот поедет в Бастию, заехать погостить под его скромным кровом и в награду за это обещал ему охоту на ланей, фазанов, кабанов и прочее.

Накануне отъезда Орсо предложил, вместо того чтобы идти на охоту, прогуляться по берегу залива. Взяв под руку мисс Лидию, он мог разговаривать с нею совершенно свободно, потому что Коломба осталась в городе для покупок, а полковник постоянно оставлял их, чтобы стрелять чаек и глупышей, к великому удивлению прохожих, не понимавших, как можно тратить порох на такую дичь.

Они шли по дороге, ведущей к греческой церкви; отсюда самый лучший вид на залив, но они не обращали на него никакого внимания.

— Мисс Лидия, — сказал Орсо после утомительно долгого молчания, — скажите откровенно, что вы думаете о моей сестре?

— Она мне очень нравится, — отвечала мисс Лидия. — Больше, чем вы, — прибавила она, улыбаясь, — потому что она настоящая корсиканка, а вы чересчур цивилизованный дикарь.

— Цивилизованный! С тех пор, как я вступил на этот остров, я чувствую, что против своей воли снова становлюсь дикарем. Самые ужасные мысли волнуют и мучают меня... мне нужно поговорить с вами, прежде чем я заберусь в свою пустыню.

— Надо быть мужественнее; посмотрите, как покорна судьбе ваша сестра, и берите с нее пример.

— Ах, не обманывайте себя! Не верьте в ее покорность судьбе. Она не сказала мне еще ни слова, но в каждом ее взгляде я читаю, что меня ожидает.

— Чего же она хочет наконец от вас?

— О, ничего ... только чтобы я попробовал, так же ли хорошо ходить с ружьем вашего батюшки на человека, как на куропаток!

— Что за мысль! И вы можете предположить это, когда вы только что признались, что она еще ничего не сказала вам? Но это ужасно с вашей стороны!

— Если бы она не думала о мести, она с самого начала стала бы говорить со мной об отце, чего она не сделала. Она произнесла бы имена тех, кого она считает — ошибочно, конечно, — его убийцами. Но ведь нет! Ни одного слова! Это, видите ли, оттого, что мы, корсиканцы, хитрый народ. Она понимает, что не вполне держит меня в своей власти, и не хочет спугнуть меня, пока я могу еще убежать. Но когда она подведет меня к пропасти и у меня закружится голова, она толкнет меня в бездну.

И Орсо рассказал мисс Невиль подробности смерти своего отца и познакомил ее с главными доказательствами, совокупность которых заставляла его считать убийцей Агостини.

— Ничто, — прибавил он, — не могло убедить Коломбу. Я видел это из ее последнего письма. Она поклялась отомстить Барричини и... — Мисс Невиль! Видите, как я откровенен с вами? — может быть, их уже не было бы на свете, если б вследствие одного из своих предрассудков, извинительных при ее диком воспитании, она не была убеждена, что исполнение мести принадлежит мне, как главе семьи, и что тут задета моя честь.

— Право, вы клеветаете на свою сестру, господин делла Реббиа, — сказала мисс Невиль.

— Нет, вы сами сказали, что она корсиканка... Она думает, как они все... Знаете ли, отчего я был вчера так печален?

— Нет, но с некоторого времени на вас находят эти припадки меланхолии... Вы были лучше в первые дни нашего знакомства.

— Вчера, напротив, я был веселее и счастливее, чем обыкновенно. Я видел, что вы так добры, так снисходительны к сестре!.. Мы с полковником возвращались в лод-

ке. Знаете ли, что сказал мне один из лодочников на своем адском наречии? «Вы набили много дичи, Орс Антон, но вы увидите, что Орландуччо Барричини — охотник лучше вас».

— Что же ужасного в этих словах? Разве вы так уж стремитесь прослыть хорошим охотником?

— Но разве вы не понимаете, что этот негодяй говорил, что у меня не хватит храбрости убить Орландуччо?

— Знаете ли, господин делла Реббиа, вы пугаете меня. Кажется, воздух вашего острова не только приносит лихорадку, но и сводит с ума. Хорошо, что мы скоро уезжаем.

— Не раньше, чем вы побываете в Пьетранере. Вы обещали это сестре.

— И если мы не исполним этого обещания, то должны будем ждать какой-нибудь свирепой мести?

— Помните, что рассказывал как-то ваш батюшка об индусах, которые грозят директорам Компании уморить себя голодом, если те не поступят с ними по справедливости.

— То есть вы уморите себя голодом? Сомневаюсь. Вы не будете есть день, а потом мадмуазель Коломба даст вам такой аппетитный *bruccio*¹, что вы откажетесь от своего намерения.

— Вы жестоки в своих насмешках, мисс Невиль; вы должны были бы пощадить меня. Вы знаете, я здесь одинок. Только вы могли помешать мне сойти с ума, как вы говорите. Вы были моим ангелом-хранителем, а теперь...

— Теперь, — сказала мисс Лидия серьезным тоном, — чтобы поддержать этот ум, который так легко расстраивается, у вас есть человеческое достоинство, и ваша военная честь, и... — продолжала она, оборачиваясь, чтобы сорвать цветок, — если это может что-нибудь значить для вас, воспоминание о вашем ангеле-хранителе.

— Ах, мисс Невиль, смею ли я думать, что вы действительно относитесь с участием...

— Послушайте, господин делла Реббиа, — сказала растроганная мисс Невиль, — так как вы ребенок, то я и буду говорить с вами, как с ребенком. Когда я была ма-

¹ Род вареного сыра из сливок. Национальное корсиканское кушанье (*Прим. автора.*).

ленькой девочкой, мать подарила мне хорошенькое ожерелье, которое мне страшно хотелось иметь, но сказала мне: «Всякий раз, как ты наденешь это ожерелье, вспомни, что ты еще не говоришь по-французски...» Ожерелье потеряло в моих глазах часть своей прелести. Оно стало для меня как бы упреком, но я носила его и выучилась по-французски. Видите это кольцо? Это египетский скарабей, найденный, если хотите знать, в пирамиде. Странная фигура, которую вы, может быть, принимаете за бутылку, — это *человеческая жизнь*. У нас на родине есть люди, которые нашли бы, что иероглиф подобран очень хорошо. Вот этот, следующий, — это щит с рукою, держащей копьё. Это значит битва, борьба. А соединение двух знаков составляет прекрасный, по-моему, девиз: *жизнь есть борьба*. Не подумайте, что я сама бегло перевожу иероглифы; один ученый с фамилией на ус объяснил мне эти знаки. Возьмите, я дарю вам моего скарабея. Когда придет вам в голову какая-нибудь дурная корсиканская мысль, посмотрите на мой талисман и скажите себе, что нужно выйти победителем из боя с дурными страстями... Право, я недурно проповедую.

— Я подумаю о вас, мисс Невиль, и скажу себе ..

— Скажите себе, что у вас есть друг, который будет в отчаянии, если... если узнает, что вы повешены. Кроме того, это очень огорчит господ капралов, ваших предков.

С этими словами она оставила руку Орсо и, подбежав к отцу, сказала:

— Папа, бросьте этих бедных птиц! Пойдемте лучше с нами помечтать в грот Наполеона.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В отъезде всегда есть что-то торжественное, даже если люди покидают друг друга на короткое время. Орсо должен был отправиться со своей сестрой очень рано и попрощался с мисс Лидией накануне, так как не надеялся, что она ради него изменит своим ленивым привычкам. Их прощание было холодно и чинно. Со времени их разговора на берегу моря мисс Лидия боялась показывать Орсо свое, может быть, чересчур живое участие, и Орсо, со своей стороны, принял близко к серд-

цу ее насмешки и особенно ее несерьезное отношение к нему. Одно время он думал, что заметил в обращении молодой англичанки чувство зарождающейся привязанности, теперь же, смущенный ее шутками, он уверял себя, что в ее глазах он не более как простой знакомый, который будет скоро забыт. Велико было его удивление, когда утром, сев за кофе с полковником, он увидел мисс Лидию, вошедшую с его сестрой. Она встала в пять часов, и это усилие было слишком велико для англичанки, особенно для мисс Лидии, чтобы не польстить его самолюбию.

— Я в отчаянии, что вы потревожили себя так рано, — сказал он. — Это, наверно, сестра разбудила вас, несмотря на мои предупреждения, и вы, должно быть, проклинали нас. Может быть, вы теперь уже хотите, чтобы я был повешен?

— Нет, — сказала мисс Лидия очень тихо и по-итальянски, очевидно, для того, чтобы отец не понял ее. — Но вы рассердились на меня вчера за мои невинные шутки, и я не хотела, чтобы вы унесли с собою дурную память обо мне. Какие вы, корсиканцы, ужасные люди! Ну, до свидания, надеюсь, ненадолго.

И она протянула ему руку.

Орсо вместо ответа мог только вздохнуть. Коломба подошла к нему, увела его в амбразуру окна и, показывая ему что-то из-под *меццаро*, несколько времени тихо говорила с ним.

— Сестра хочет сделать вам странный подарок, мисс, — сказал Орсо мисс Невиль, — но нам, корсиканцам, нечем дарить... кроме привязанности, которую не уничтожает время. Сестра сказала мне, что вы с любопытством рассматривали этот стилет. Это фамильная древность. Вероятно, он когда-нибудь висел на поясе одного из тех капралов, которым я обязан честью быть знакомым с вами. Коломба считает его такой драгоценностью, что попросила у меня позволения подарить его вам; а я, право, не знаю, согласиться ли на это, — боюсь, как бы вы не посмеялись над нами.

— Прелестный стилет, — сказала мисс Лидия, — но это — фамильное оружие, и я не могу принять его.

— Этот стилет не моего отца! — воскликнула Коломба. — Он был подарен одному из предков моей матери

королем Теодором¹. Если мадмуазель Лидия примет его, она доставит нам большое удовольствие.

— Видите, мисс Лидия, — сказал Орсо, — не презирайте королевского стилета.

Для любителя вещь короля Теодора бесконечно драгоценнее, чем вещь более могущественного монарха. Искусшение было сильно; мисс Лидия уже видела, какой эффект произведет это оружие на лаковом столике в ее комнате на Сент-Джемс-Плейс.

— Но, милая мадмуазель Коломба, — сказала она, беря стилет с колебанием человека, который хочет принять подарок, и самым любезным образом улыбаясь Коломбе, — я не могу... я не смею оставить вас безоружною в дороге.

— Со мною мой брат, — гордо возразила Коломба, — и у нас славное ружье, что подарил нам ваш отец... Орсо, вы зарядили его?

Мисс Лидия оставила у себя стилет, и Коломба потребовала в уплату за него один су, чтобы отвратить опасность, которой подвергаются дарящие друзьям режущее или колющее оружие.

Наконец нужно было ехать. Орсо пожал еще раз руку мисс Невиль Коломба поцеловала ее, после чего подставила свои розовые губки полковнику, приведенному в совершенное изумление корсиканскою вежливостью. Из окна залы мисс Лидия видела, как брат и сестра сели на лошадей. Глаза Коломбы блестели радостью, которой мисс Лидия до сих пор не замечала. Эта высокая, сильная девушка, фанатично преданная своим варварским понятиям, с надменным челом, увозящая этого молодого человека, вооруженного как будто бы для какого-нибудь страшного дела, напомнила ей опасения Орсо, и ей казалось, что она видит его злого гения, увлекающего его к гибели. Орсо заметил ее, уже сидя на лошади. Потому ли, что он угадал ее мысль, или для того, чтобы послать ей последний прощальный привет, он взял египетский перстень, висевший у него на шнурке, и поднес

¹ Барон Теодор Стефан Нейгоф, родом из Меца, известный авантюрист прошлого века, так называемый «единственный корсиканский король». Ему удалось ненадолго провозгласить себя королем Корсики в 1736 году. Он умер в тюрьме в Лондоне в 1755 году, посаженный туда за долги (*Прим. переводчика*).

его к губам. Мисс Лидия, краснея, отошла от окна, но тут же вернулась и увидела, что корсиканцы галопом мчатся на своих маленьких лошадаках по направлению к горам. Полчаса спустя полковник показал ей в свою зрительную трубу, как они огибают залив, и ей видно было, что Орсо часто оборачивается. Наконец он исчез за болотами, на месте которых теперь прекрасный древесный питомник.

Мисс Лидия, посмотрев в зеркало, нашла, что она бледна.

— Что должен думать обо мне этот молодой человек? — сказала она. — И что я думаю о нем? И отчего я о нем думаю? Дорожное знакомство?.. Зачем я приехала на Корсику? О, я его вовсе не люблю... Нет, нет, да это и невозможно. А Коломба... Я невестка *voceratrice*, которая ходит с большим стилетом!

И тут Лидия заметила, что держит в руке стилет короля Теодора. Она бросила его на свой туалетный столик.

— Коломба в Лондоне, танцующая у Эльмака¹! Великий боже! Это будет настоящая львица²! Она может произвести фурор... Он любит меня, я уверена в этом... Он герой романа, и я прервала его полную приключений карьеру... Но есть ли у него действительно желание отомстить за отца по-корсикански? Это было нечто среднее между Конрадом и денди... Я сделала из него чистого денди — денди, у которого корсиканский портной!..

Она легла и хотела уснуть, но так и не заснула. Я не берусь продолжать ее длинный монолог, в котором она сотни раз повторяла себе, что делла Реббиа был, есть и будет для нее ничто.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тем временем Орсо ехал со своей сестрой. Быстрый бег лошадей сначала мешал им говорить, но когда слишком трудные подъемы заставляли их ехать шагом, они обменивались несколькими словами о только что поки-

¹ Известные в те времена публичные балы в Лондоне. (*Прим. переводчика*).

² В те времена в Англии так называли, людей, отличающихся чем-нибудь необыкновенным. (*Прим. автора*).

нутых друзьях. Коломба с восторгом говорила о красоте мисс Невиль, о ее белокурых волосах, о ее изящных манерах. Потом она спросила, действительно ли полковник так богат, как кажется, и одна ли у него дочь мисс Лидия.

— Это была бы хорошая партия, — говорила она. — Ее отец, кажется, очень расположен к вам...

И так как Орсо ничего не отвечал, то она продолжала:

— Наш род когда-то был богат; и теперь еще он один из самых почтенных на острове; все эти *signori*¹ незаконнорожденные. Если на Корсике есть еще знать, то только в капраловских родах, и ведь вы знаете, Орсо, что вы происходите от первых капралов острова. Вы знаете, что наши предки родом из-за гор² и что войны заставили нас перейти на эту сторону. Если бы я была на вашем месте, Орсо, я не колебалась бы, я просила бы руки мисс Невиль у ее отца... (Орсо пожал плечами.) На ее приданое я купила бы Фальсеттские леса и виноградники под ними; я построила бы прекрасный дом из тесаного камня и надстроила бы на один этаж старую башню, в которой Самбукуччо побил столько мавров во времена графа Арриго Бель Миссере³.

— Коломба, ты с ума сошла! — воскликнул Орсо, продолжая скакать.

— Вы мужчина, Орс Антон, и вы, без сомнения, лучше женщины знаете, что вам делать. Но мне очень хотелось бы знать, что может сказать этот англичанин против вашего союза? Есть ли в Англии капралы?

Разговаривая таким образом, после довольно длинного переезда, брат с сестрою приехали в маленькую де-

¹ *Signori* называются потомки феодальных владетелей Корсики. Они и потомки *caporali* соперничают между собой в знатности. (Прим. автора).

² То есть с восточного берега острова. Это весьма распространенное выражение, *di la monti*, изменяет свой смысл смотря по тому, где его употребляют. Корсика разделена горной цепью, идущей с севера на юг. (Прим. автора).

³ *Филлиппини*, книга II. Граф *Arrigo Bel Missere* умер около 1000 года; говорят, что, когда он умирал, в воздухе раздался голос, пропевший следующие пророческие слова:

E morte il conte Arrigo Bel Missere.

E Corsica sara di male in peggio.

(Умер граф Арриго Бель Миссере, и теперь Корсике придется плохо.) (Прим. автора.)

ревню, недалеко от Боконьяно, где и остановились победать и переночевать у одного из друзей своего дома. Их приняли с корсиканским гостеприимством, которое может оценить только испытавший его. На другой день хозяин, кум г-жи делла Реббиа, проводил их на одну милю от своего дома.

— Видите эти леса и *маки*? — сказал он Орсо на прощание. — Человек, с *которым случилось несчастье*, мирно прожил бы здесь десять лет, и жандармы и стрелки не пришли бы его искать. Эти леса доходят до Виццавонского леса, и если в Боконьяно или в окрестностях есть друзья, то у него ни в чем не будет недостатка. У вас славное ружье; оно должно далеко бить. Клянусь кровью мадонны, какой калибр! Этим можно убить что-нибудь получше кабана.

Орсо холодно ответил, что его ружье — английское и очень хорошо бьет дробью. Они расцеловались и пустились в путь, каждый в свою сторону.

Наши путешественники были уже недалеко от Пьетранеры, когда у въезда в ущелье, через которое им надо было проехать, они увидели шесть или восемь человек с ружьями; одни из них сидели на камнях, другие лежали на траве; некоторые были на ногах и, казалось, караулили. Неподалеку паслись их лошади. Коломба посмотрела на них в зрительную трубу, вынутую ею из большой кожаной сумки, — такие сумки все корсиканцы берут с собой в дорогу.

— Это наши люди! — весело воскликнула она. — Пьеруччо хорошо исполнил поручение.

— Какие люди? — спросил Орсо.

— Наши пастухи, — ответила она. — Третьего дня я послала Пьеруччо собрать этих молодцов, чтобы они проводили вас до дома. Вам было бы неприлично въехать в Пьетранеру без конвоя, а, кроме того, вы должны знать, что Барричини способны на все.

— Коломба, — сказал Орсо строгим тоном, — я много раз просил тебя не говорить мне больше о Барричини и о твоих неосновательных подозрениях. Я, конечно, не буду так смешон, чтобы вернуться домой с этой толпой лентяев, и я очень недоволен тем, что ты собрала их, не предупредив меня.

— Брат, вы забыли свою страну. Если вы неблагодарно подвергаете себя опасности, то я должна вас беречь. Я должна была сделать то, что сделала.

В это время пастухи заметили их, побежали к своим лошадям и прискакали к Коломбе и Орсо.

— *Evviva!* Орсо Антон! — закричал здоровый старик с седой бородой, одетый, несмотря на жару, в дорожный плащ с капюшоном из корсиканского сукна мохнатее козьей шерсти. — Вылитый отец, только он выше и сильнее. Славное ружье! Об этом ружье еще будут разговоры, Орсо Антон.

— *Evviva*, Орсо Антон! — повторили хором все пастухи. — Мы отлично знали, что он вернется!

— Ах, Орсо Антон! — говорил высокий малый с лицом кирпичного цвета. — Как был бы рад ваш отец, если б был здесь, на вашей встрече! Славный человек! Вы бы увидели его, если б он верил мне, если бы он позволил мне разделаться с Джудиче... Храбрый человек! Он не поверил мне, а ведь теперь он хорошо знает, что я был прав.

— Ладно! — вмешался старик. — Джудиче недолго будет ждать.

— *Evviva*, Орсо Антон!

И вместе с этим криком раздались ружейные выстрелы.

Рассерженный Орсо несколько времени не мог заставить слушать себя эту толпу всадников, говоривших разом и теснившихся, чтобы пожать ему руку. Наконец, приняв на себя вид, с каким, бывало, он являлся перед своим взводом, когда делал выговоры и сажал под арест, он сказал:

— Друзья, благодарю вас за любовь ко мне, за любовь к моему отцу; но я требую, я хочу, чтобы никто не давал мне советов. Я знаю, что мне делать.

— Он прав, он прав! — закричали пастухи. — Можете на нас рассчитывать.

— Да, я рассчитываю на вас; но теперь мне не нужно никого, и ничто не грозит моему дому. Начните с того, что сделайте направо кругом и отправляйтесь к

¹ Привет (*итал.*).

своим козам. Я знаю дорогу в Пьетранеру, и мне не нужно провожатых.

— Не бойтесь ничего, Орс Антон, — сказал старик, — они не осмелятся показаться сегодня. Мышь прячется в нору, когда приходит кот.

— Сам ты кот, старая седая борода, — сказал Орсо. — Как тебя зовут?

— Как! Вы не знаете меня, Орс Антон? Меня, того самого, что так часто сажал вас за собой на том муле, что кусался? Вы не знаете Поло Гриффо? Как видите, он молодчина и предан делла Реббиа телом и душой. Скажите слово, и когда ваше большое ружье заговорит, этот старый мушкет, ровесник своему хозяину, не станет молчать. Рассчитывайте на это, Орс Антон.

— Хорошо, хорошо! Но, черт возьми, уходите, дайте дорогу.

Пастухи, наконец, удалились, крупной рысью направляясь к деревне; но от времени до времени они останавливались на всех возвышенных местах, как будто для того, чтобы посмотреть, нет ли какой-нибудь скрытой засады, и все время держались недалеко от Орсо и его сестры, чтобы быть в состоянии помочь им в случае нужды. А старый Поло Гриффо говорил своим товарищам:

— Я понимаю его, я его понимаю. Он не говорит, что хочет делать, но он сделает. Копия своего отца. Ладно! Говори, что ты ни на кого не сердишься! Ты дал обет святой Неге¹. Bravo! Я не дал бы и медного гроша за шкуру мэра. Месяца не пройдет, а из нее уже нельзя будет сделать меха.

Таким образом, с разведчиками впереди, потомок рода делла Реббиа въехал в свою деревню и достиг древнего жилища своих предков-капралов.

Долгое время остававшиеся без вождя реббианисты толпою вышли к нему навстречу, а все нейтральные жители деревни стояли на порогах своих дверей, чтобы видеть, как он проедет. Барричинисты сидели по домам и глядели в щели ставен.

Местечко Пьетранера построено очень неправильно, как и все корсиканские деревни; чтобы увидеть настоящую улицу, надо ехать в Карджезе, селение, построенное

¹ Такой святой нет в католических святцах. Дать обет св. Неге — значит ни в чем не сознаваться. (Прим. автора).

г-ном Марбефом. Дома, рассеянные как бы случайно и без малейшей планировки, занимают вершину небольшого холма или, скорее, горное плато. Недалеко от середины местечка возвышается большой зеленый дуб; возле дуба стоит гранитное корыто; деревянная труба проводит в него воду из соседнего ключа. Это полезное сооружение было построено на общий счет делла Реббиа и Барричини, но жестоко ошибется тот, кто увидит в этом указание на некогда существовавшее согласие между двумя родами. Напротив, тут действовала взаимная зависть. Как-то раз полковник делла Реббиа послал в муниципальный совет небольшую сумму на устройство фонтана; Барричини поспешил предложить такое же пожертвование, и этой борьбе великодушия Пьетранера обязана своей водой. Вокруг зеленого дуба и фонтана — небольшое пустое пространство, называемое площадью; праздные люди собираются здесь по вечерам. Иногда тут играют в карты, а раз в год, во время карнавала, танцуют. На двух противоположных концах площади возвышаются постройки, высокие, но узкие, сделанные из гранита и шифера. Это *башни* двух враждующих семейств — делла Реббиа и Барричини. Они одинаковой архитектуры и равной высоты; видно, что судьба еще не решила соперничества в пользу какого-нибудь одного из враждующих родов.

Может быть, теперь уместно объяснить, что нужно подразумевать под словом *башня*. Это квадратная постройка футов сорока вышины; в другой стране ее называли бы попросту голубятней. Узкая дверь открывается на восемь футов ниже поверхности земли; к ней ведет очень крутая лестница. Над дверью окно; перед ним что-то вроде балкона с пробитым внизу отверстием, похожим на бойницу, через которое можно безнаказанно убить нескромного гостя. Между окном и дверью видны два грубо высеченных щита. На одном когда-то был генуэзский крест, но он весь избит молотом, и только антикварий мог бы разобрать его. На другом щите высечен герб владельцев башни. Прибавьте, чтобы дополнить картину, на щитах и наличниках окна несколько следов пуль, и вы будете иметь понятие о средневековом корсиканском жилище. Я забыл сказать, что жилые постройки примыкают к башням и часто сообщаются с ними изнутри.

Башня и дом делла Реббиа занимают северную сторону площади Пьетранера; башня и дом Барричини — южную. От северной башни до фонтана — вот место прогулки для делла Реббиа; Барричини гуляют на другой стороне. Со времени похорон жены полковника ни разу не видели, чтобы кто-нибудь из членов двух семейств показался не на той стороне площади, которая была назначена ему каким-то молчаливым согласием. Чтобы не делать крюка, Орсо хотел проехать перед домом мэра; Коломба предостерегла его и попросила проехать к дому переулком, не пересекая площади.

— Зачем? — сказал Орсо. — Разве площадь существует не для всех?

И он пришпорил лошадь.

— Храброе сердце! — сказала тихонько Коломба. — Отец, ты будешь отмщен...

Выехав на площадь, Коломба держалась между домом Барричини и своим братом и все время зорко смотрела на вражеские окна. Она заметила, что они с недавнего времени забаррикадированы и что в них устроены *archere*. Так называются узкие отверстия вроде бойниц, открывающиеся между толстыми бревнами, загораживающими нижнюю часть окна. Боясь нападения, люди таким образом укрепляются; тогда можно стрелять в нападающих из-за прикрытия

— Трусые! — сказала Коломба. — Посмотрите, брат, они уже начинают остерегаться. Они загордились, но ведь когда-нибудь придется выйти!

Появление Орсо на южной стороне площади произвело на Пьетранеру большое впечатление и было принято за доказательство смелости, граничащей с дерзостью. Для нейтральных жителей, собравшихся вечером около зеленого дуба, оно послужило темой для бесконечных комментариев.

— Счастлив он, — говорили там, — что еще не вернулись сыновья Барричини; они не так терпеливы, как адвокат, и не пропустили бы врага через свою землю, не заставив его заплатить за дерзость.

— Попомните, что я вам скажу, сосед, — прибавил старик, местный оракул. — Я приглядывался сегодня к Коломбе. У нее что-то есть на уме. В воздухе пахнет порохом. Скоро свежее мясо будет дешево в Пьетранере.

Орсо расстался с отцом в детстве и не успел как следует узнать его. В пятнадцать лет он уехал из Пьетранеры в Пизу учиться, а затем поступил в военную школу. Гильфуччо в это время сражался в Европе под императорскими знаменами. На континенте Орсо виделся с ним редко и только в 1815 году попал в полк, которым командовал отец. Но строго соблюдавший дисциплину полковник обращался с сыном, как и со всеми остальными молодыми поручиками, то есть очень сурово. Орсо вспоминал, как в Пьетранере отец отдавал ему саблю, позволял разрядить ружье, когда возвращался с охоты, или как он в первый раз посадил его, мальчишку, за семейный стол. Потом он представлял себе полковника делла Реббиа, как он посылал его, Орсо, под арест за какой-нибудь необдуманый поступок и не называл иначе, как поручик делла Реббиа: «Поручик делла Реббиа, вы не на своем месте в строю; на трое суток под арест», «Ваши стрелки выдвинулись на пять метров за линию резерва; на пять суток под арест», «Пять минут первого, а вы еще в фуражке; на восемь суток под арест». Один только раз, под Катр-Бра, он сказал ему: «Хорошо, Орсо, но будь осторожнее». Впрочем, Пьетранера возбудила в нем совсем не эти позднейшие воспоминания. Вид мест, где протекло его детство, мебель, на которой сживала его нежно любимая мать, возбудили в его душе тихое, болезненное волнение; мрачное будущее, готовившееся ему, смутное беспокойство, внушавшееся ему сестрой, и над всем этим мысль, что мисс Невиль скоро придет в его дом, казавшийся ему теперь таким маленьким, таким бедным, таким неподходящим для особы, привыкшей к роскоши, презрение, которое, может быть, зародится в ней от этого, — все эти мысли образовали в его голове какой-то хаос и навели на него глубокое уныние.

Он сел ужинать в большое кресло из потемневшего дуба, на котором обыкновенно председательствовал за семейным столом его отец, и улыбнулся, видя, как Коломба колеблется, сесть ли ей за стол вместе с ним или нет. Впрочем, он был очень доволен ее молчанием во время ужина и ее быстрым уходом после него, потому что он чувствовал себя еще слишком растроганным, что-

бы сопротивляться, без сомнения, готовившимся на него атакам. Но Коломба щадила его и хотела дать ему время осмотреться. Опершись головою на руку, он долго оставался неподвижным, перебирая в уме сцены последних двух недель. Он с ужасом думал о том, что все ждут от него каких-то действий по отношению к Барричини. Он уже чувствовал, что мнение Пьетранеры начинает становиться для него общественным мнением. Он должен был мстить под страхом прослыть трусом. Но кому мстить? Он не мог поверить, что Барричини виновны в убийстве. Правда, они были враги его рода, но нужно было разделять грубые предрассудки земляков, чтобы приписывать убийство Барричини. Он смотрел на талисман мисс Невилл и тихо повторял его девиз «Жизнь есть борьба». Наконец он твердо сказал себе: «Я выйду из нее победителем!» С этой прекрасною мыслью он встал и, взяв лампу, хотел подняться в свою комнату, как вдруг кто-то постучался в дверь. Время было не такое, чтобы ждать гостей. Тотчас же явилась Коломба; за ней шла служанка.

— Это свои, — сказала она, подбегая к двери.

Однако, прежде чем отворить, она спросила, кто стучится.

— Это я! — ответил тоненький голос.

Поперечный деревянный засов был тотчас снят, и Коломба опять явилась в столовую, ведя за собой девочку лет десяти, босоногую, в рубище, с головой, покрытой рваным платком, из-под которого выбивались длинные космы черных, как вороново крыло, волос. Девочка была худа, бледна, обожжена солнцем, но в ее глазах сверкал живой ум. Увидя Орсо, девочка робко остановилась и по-деревенски низко поклонилась ему; потом она стала тихо говорить что-то Коломбе и подала ей свежеебитого фазана.

— Спасибо, Кили, — сказала Коломба. — Поблагодаря своего дядю. Он здоров?

— Здоров, барышня. Я не могла прийти раньше, потому что он очень опоздал. Я ждала его в *маки* три часа.

— И ты не ужинала?

— Нет, барышня, мне было некогда.

— Тебе сейчас дадут поужинать. У твоего дяди еще есть хлеб?

— Мало, барышня, но особенно ему нужен порох. Каштаны поспели, и теперь ему нужен только порох.

— Я дам тебе для него хлеба и пороху. Скажи ему, чтобы он берег его, он дорог.

— Коломба, — сказал Орсо по-французски, — кому это ты так покровительствуешь?

— Одному бедному бандиту из нашей деревни, — отвечала Коломба на том же языке. — Эта крошка — его племянница.

— Мне кажется, ты могла бы найти кого-нибудь более достойного. Зачем посылать порох негодяю, который употребит его на преступление? Без этой печальной слабости, которую, кажется, все питают к бандитам, они давно бы уже исчезли на Корсике.

— Самые дурные люди нашей родины вовсе не те, что в поле¹.

— Давай им, если хочешь, хлеб; в нем нельзя отказывать никому, но я не хочу, чтобы их снабжали патронами.

— Брат, — серьезно сказала Коломба, — вы здесь хозяин и все в доме ваше; но предупреждаю вас, что я скорее отдам этой девочке свой *mezzaro*, чтобы она продала его, чем откажу бандиту в порохе. Отказать бандиту в порохе! Да это все равно, что выдать его жандармам! Какая у него от них защита, кроме патронов?

Девочка в это время с жадностью ела хлеб и внимательно смотрела то на Коломбу, то на ее брата, стараясь уловить в выражении их лиц смысл их речей.

— Но что же сделал, наконец, твой бандит? Из-за какого преступления он убежал в *маки*?

— Брандолаччо не совершил никаких преступлений! — воскликнула Коломба. — Он убил Джована Опиццо, который убил его отца, когда сам он был в армии.

Орсо отвернулся, взял лампу и, не отвечая, поднялся в свою комнату. Коломба дала девочке пороху и провизии и проводила ее до двери, повторяя:

— Пусть твой дядя хорошенько бережет Орсо!

¹ Быть в поле (*alla campagna*) — значит быть бандитом. Бандит не бранное слово, оно употребляется в смысле *изгнанный*, это — outlaw английских баллад. (*Прим. автора*).

Орсо долго не мог заснуть и поэтому проснулся очень поздно, по крайней мере для корсиканца. Как только он встал, первое, что бросилось ему в глаза, был дом его врагов и *archere*, которые они устроили. Он спустился и спросил, где сестра.

— Льет на кухне пули, — отвечала ему служанка Саверия.

Итак, он не мог сделать шага, чтобы его не преследовал образ войны.

Он застал ее сидящей на скамейке; вокруг нее лежали только что отлитые пули. Она обрезывала их.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил ее брат.

— У вас совсем нет пуль для ружья полковника, — отвечала она своим нежным голосом. — Я нашла пулелейку такого калибра, и сегодня у вас будет двадцать пять патронов.

— Слава богу, я не нуждаюсь в них.

— Скверно, если вас застигнут врасплах. Вы забыли свой край и окружающих вас людей.

— Если б я и забыл, то ты мне об этом все время напоминаешь. Скажи мне, не пришел ли несколько дней тому назад большой сундук?

— Да, брат. Хотите, я внесу его в вашу комнату?

— Ты внесешь? Да тебе никогда его не поднять... Нет ли здесь для этого какого-нибудь мужчины?

— Я совсем не так слаба, как вы думаете, — сказала Коломба, засучивая рукава и открывая белые и круглые, красивые руки, показывавшие, однако, недюжинную силу. — Пойдем, Саверия, — сказала она служанке, — помоги мне.

И она уже поднимала одна тяжелый сундук, но Орсо поспешил помочь ей.

— В этом сундуке есть кое-что для тебя, моя милая Коломба. Прости меня за такие бедные подарки, но у поручика на половинном жалованье не слишком набит кошелек.

Говоря это, он открыл сундук и вынул из него платья, шаль и еще кое-какие вещи, которые могли пригодиться молодой девушке.

— Какая прелесть! — воскликнула Коломба. — Я сейчас же спрячу их. Я сберегу их к своей свадьбе, — прибавила она с печальной улыбкой, — а то ведь я теперь в трауре.

И она поцеловала у брата руку.

— Так долго носить траур, сестра, — это уж слишком.

— Я поклялась в этом, — твердо сказала Коломба. — Я не сниму траура...

И она посмотрела в окно на дом Барричини.

— ...раньше дня своей свадьбы, — перебил ее Орсо.

— Я выйду замуж, — сказала Коломба, — только за того, кто сделает три вещи.

И она продолжала мрачно смотреть на дом врагов.

— Я удивляюсь, как ты, такая хорошенькая, не вышла до сих пор замуж. Ты должна рассказать мне, кто ухаживает за тобой. Впрочем, я и сам наслушаюсь серенад. Они должны быть хороши, чтобы понравиться такой великой *voceratrice*, как ты.

— Кто захочет взять бедную сироту? А, кроме того, человек, который снимет траур с меня, оденет в траур вон тех женщин.

«Это — помешательство!» — подумал Орсо. Но он не сказал ничего, чтобы избежать спора.

— Брат, — ласково сказала Коломба, — я тоже хочу предложить вам кое-что. Ваше платье слишком хорошо для нашей страны. Ваш нарядный сюртук изорвется в клочки в два дня, если вы будете носить его в *маки*. Его нужно беречь для приезда мисс Невиль. — Потом, открыв шкаф, она достала оттуда полный охотничий костюм. — Я сделала вам бархатную куртку, а вот шапка, какую носят наши щеголи; я ее уже давно вышила. Хотите примерить?

И она заставила его надеть на себя широкую куртку из зеленого бархата с огромным карманом на спине. Она надела ему на голову остроконечную черную бархатную шапку, расшитую черным стеклярусом и шелком, с чем-то вроде кисти на конце.

— Вот *carchera*¹ нашего отца, — сказала она, — его стилет в кармане вашей куртки. Сейчас я достану пистолет.

¹ *Carchera* — пояс, куда вкладывают патроны. С левой стороны к нему привешивают пистолет. (*Прим. автора.*)

— У меня вид настоящего разбойника из театра Амбигю Комик, — говорил Орсо, смотрясь в маленькое зеркальце, которое подала ему Саверия.

— Это потому, что к вам все это так идет, Орс Антон, — говорила старая служанка, — и самый красивый *pinsuto*¹ из Боконьяно или из Бастелики не смотрит таким молодцом.

Орсо завтракал в своем новом платье и за завтраком сказал сестре, что в его сундуке есть книги, что он хочет выписать еще из Франции и Италии и заставить ее учиться.

— Стыдно, Коломба, — прибавил он, — что такая взрослая девушка, как ты, не знаешь вещей, которые на континенте знают чуть не грудные дети.

— Правда, брат, — ответила Коломба, — я хорошо знаю, чего мне недостает, и очень хочу учиться, особенно если вы будете давать мне уроки.

Прошло несколько дней, и Коломба не произносила имени Барричини. Она ухаживала за братом и часто говорила ему о мисс Невиль. Орсо заставлял ее читать итальянские и французские книги и удивлялся то правильности и меткости ее суждений, то ее глубокому невежеству в самых простых вещах.

Однажды утром после завтрака Коломба на минуту вышла и вместо того, чтобы вернуться с книгой и бумагой, явилась со своим *tezzaro* на голове. Она была еще серьезнее, чем обыкновенно.

— Брат, — сказала она, — я прошу вас пойти со мною.

— Куда тебя проводить? — спросил Орсо, предлагая ей руку.

— Мне не нужно вашей руки, брат; возьмите с собой ваше ружье и патронную сумку. Мужчина никогда не должен выходить без оружия.

— Ну что ж! Нужно подчиняться моде. Куда мы идем?

Коломба, не отвечая, обмотала *меццаро* вокруг головы, позвала собаку и вышла. Орсо шел за нею.

Быстро пройдя деревню, она пошла по дороге, извиравшейся между виноградниками, а собаку послала вперед, сделав знак, вероятно, хорошо знакомый ей, пото-

¹ *Pinsuto* (остроконечный, островерхий) зовут тех, кто еще носит остроконечную шапку, *baretta pinsuta*. (Прим. автора.).

му что пес сейчас же принялся делать зигзаги по виноградникам, шагах в пятидесяти от своей хозяйки, иногда останавливаясь посреди дороги, чтобы, виляя хвостом, посмотреть на Коломбу. Видимо, он прекрасно исполнял обязанности разведчика.

— Если Мускетто залает, — сказала Коломба, — взведите курки и не двигайтесь с места.

В полумиле от деревни, после многих извилин, Коломба вдруг остановилась в том месте, где дорога делала крутой поворот. Тут возвышалась небольшая пирамида из веток; некоторые были зелены, другие высохли; они были навалены кучей около трех футов вышины. На верхушке торчал конец деревянного, выкрашенного черной краской креста. Во многих корсиканских округах, особенно в горах, существует весьма древний, может быть, имеющий связь с языческими суевериями обычай — проходя мимо места, где кто-нибудь погиб насильственной смертью, бросать на него камень или ветку. В течение многих лет, пока воспоминание о трагической смерти живет еще в памяти людей, это странное жертвоприношение растет с каждым днем. Оно называется *кучей*, *tucchio* такого-то.

Коломба остановилась перед этой кучей листвы и, оторвав ветку от куста, присоединила ее к пирамиде.

— Орсо! — сказала она. — Здесь умер наш отец. Брат! Помолитесь за его душу!

И она стала на колени. Орсо сделал то же. В эту минуту медленно прозвонил деревенский колокол, потому что в ту ночь кто-то умер. Орсо залился слезами.

Через несколько минут Коломба поднялась с сухими глазами, но с взволнованным лицом; она торопливо перекрестилась большим пальцем, как обыкновенно крестятся ее земляки, сопровождая этим знаком свои торжественные клятвы; потом она пошла к деревне, увлекая брата. Они молча вернулись домой. Орсо поднялся к себе в комнату. Минуту спустя за ним вошла Коломба с маленькой шкатулкой в руках и поставила ее на стол. Она открыла ее и вынула оттуда рубашку, покрытую большими кровавыми пятнами.

— Вот рубашка вашего отца, Орсо. — И она бросила ее к нему на колени. — Вот свинец, поразивший его. — И

она положила на рубашку две ржавые пули. — Орсо, брат мой! — закричала она, кидаясь к нему и сжимая его в объятиях — Орсо, ты отомстишь за него?

Она до боли крепко поцеловала его, коснувшись губами пуль и рубашки и вышла из комнаты; брат ее словно окаменел.

Несколько времени Орсо оставался неподвижным; он не решался убрать эти ужасные реликвии. Наконец, сделав над собой усилие, он положил их в шкатулку и, отбежав в другой конец комнаты, кинулся на свою постель и повернулся к стене, уткнувшись головой в подушку, как будто хотел спрятаться от привидения. Последние слова сестры беспрестанно раздавались в его ушах и казались ему роковым, неизбежным пророчеством, требовавшим от него крови, и невинной крови. Я не пытаюсь передать чувства несчастного молодого человека, они походили на чувства помешанного. Долго он оставался в том же положении, не смея повернуть голову. Наконец он встал, запер шкатулку, быстро вышел из дому и пошел, сам не зная куда.

Мало-помалу чистый воздух освежил его; он успокоился и уже хладнокровнее взглянул на свое положение и на средства выйти из него. Как известно, он совсем не подозревал в убийстве Барричини, но он обвинял их в подделке письма бандита Агостини и думал, что это было причиной смерти его отца. Он сознавал, что невозможно преследовать их за подлог. Когда предрассудки или инстинкты родной страны овладевали им и напоминали ему о легкой мести из-за угла, он с ужасом отгонял от себя эту мысль и вспоминал о своих полковых товарищах, о парижских знакомствах и особенно о мисс Невиль. Потом он думал об упреках сестры, и то, что осталось в его природе корсиканского, оправдывало эти упреки и делало их больнее. У него оставалась одна надежда в этой борьбе между совестью и предрассудками: начать под каким-нибудь предлогом ссору с одним из сыновей адвоката и драться с ним на дуэли. Убить его пулей или ударом кинжала — это примиряло корсиканские и французские понятия Орсо. Найдя средство и думая о его выполнении, он уже чувствовал себя избавленным от тяжелой обузы, а от других, более светлых мыслей успокаивалось его лихорадочное волнение. Цице-

рон, будучи в отчаянии от смерти своей дочери Гуллии, забыл свое горе, перебирая в уме все прекрасные слова, какие он мог сказать по этому поводу. Шенди, потеряв сына, тоже нашел утешение в красноречии. Орсо охладил свою кровь, подумав о том, как он изобразит мисс Невиль свое душевное состояние и какое глубокое участие примет в нем эта прекрасная девушка.

Он уже приближался к деревне, от которой незаметно отошел очень далеко, как вдруг услышал на дорожке, на опушке *маки*, голос девочки, певшей что-то и, без сомнения, думавшей, что она одна. Это был медленный, монотонный похоронный напев.

«Моему сыну, моему сыну в далекой стране сберегите мой крест и окровавленную рубашку...», — пела девочка.

— Что ты поешь, девочка? — гневно спросил внезапно появившийся перед ней Орсо.

— Это вы, Орс Антон? — вскрикнула немного испуганная девочка. — Это песня синьоры Коломбы...

— Я запрещаю тебе петь ее, — грозно сказал Орсо.

Девочка, поворачивая голову то вправо, то влево, казалось, искала, куда бы ей скрыться; она, без сомнения, убежала бы, если бы не забота о довольно большом свертке, лежавшем у ее ног.

Орсо устыдился своей свирепости.

— Что ты несешь, малютка? — спросил он, стараясь говорить как можно ласковее.

И так как Килина колебалась, ответить или нет, то он развернул тряпку и увидел хлеб и другую провизию.

— Кому несешь хлеб, милая? — спросил он.

— Вы сами знаете: моему дяде.

— Да ведь твой дядя бандит!

— Он ваш слуга, Орс Антон.

— Если жандармы встретят тебя, они спросят, куда ты идешь.

— Я скажу им, — не колеблясь ответила девочка, — что несу поесть луккским дровосекам в *маки*.

— А если ты встретишь какого-нибудь голодного охотника, который захочет пообедать на твой счет и отберет у тебя провизию?

— Никто не посмеет. Я скажу, что это моему дяде.

— Это верно, он не такой человек, чтобы позволять отнять у себя обед... Он тебя очень любит?

— О да, Орс Антон! С тех пор как мой папа умер, он заботится о нашей семье: о маме, обо мне и о маленькой сестренке. Перед маминой болезнью он говорил богатым, чтобы они давали ей работу. Мэр каждый год дарит мне платя, а священник учит меня читать и закону божию, с тех пор как дядя попросил их об этом. Но особенно добра к нам ваша сестра.

В это время на дорожке показалась собака. Девочка поднесла ко рту два пальца и резко свистнула; собака сейчас же подбежала к ней и приласкалась; потом она быстро исчезла в *маки*. Вскоре два плохо одетых, но хорошо вооруженных человека выросли за деревом в нескольких шагах от Орсо. Можно было подумать, что они приблизились ползком, как ящерицы, в чаше ладанников и миртов.

— А! Орс Антон! Добро пожаловать! — сказал старший. — Как, вы не узнаете меня?

— Нет, — сказал Орсо, всматриваясь в него.

— Потеха просто, как борода и островерхая шапка меняют человека! Ну, поручик, посмотрите-ка хорошенько. Или вы забыли старых ватерлооских товарищей? Разве вы не помните Брандо Савелли? Не один патрон скусил он около вас в этот несчастный день.

— Как! Это ты? — сказал Орсо. — Ты ведь дезертировал в тысяча восемьсот шестнадцатом году?

— Так точно, поручик. Надоедает, знаете, служба; ну и счет один мне нужно было свести в этой стране. А, Кили! Ты молодец, девчонка. Давай скорее; мы есть хотим. Вы, поручик, понятия не имеете, какой бывает аппетит в *маки*. Кто нам это прислал, синьора Коломба или мэр?

— Нет, дядя, это мельничиха дала мне для вас вот это, а для мамы одеяло.

— Чего ей от меня нужно?

— Она говорит, что луккские дровосеки, которых она наняла расчищать участок, просят с нее тридцать пять су на ее каштанах, потому что в Пьетранере лихорадка.

— Лентяи! Я проверю... Не церемоньтесь, поручик; не хотите ли пообедать с нами? Мы обедали вместе

и похуже во времена нашего бедного земляка, которому дали отставку.

— Спасибо. Мне тоже дали отставку.

— Да, я слышал об этом; но бьюсь об заклад, что вы не очень этим огорчены... Ну, патер, — сказал бандит товарищу, — за стол. Синьор Орсо, позвольте представить вам патера; то есть я не знаю наверно, патер ли он, но он ученый, как патер.

— Бедный студент-богослов, которому помешали следовать своему призванию, — сказал другой бандит. — Как знать, Брандолаччо? Я мог бы быть папой...

— Какая же причина лишила церковь ваших познаний? — спросил Орсо.

— Пустяки. Счет, который нужно было свести, как говорит мой друг Брандолаччо: одна моя сестра наделала глупостей, покуда я зубрил в Пизанском университете. Мне нужно было возвратиться на родину, чтобы выдать ее замуж, но жених поспешил умереть за три дня до моего приезда. Я обратился тогда, как вы бы и сами сделали на моем месте, к брату умершего. Мне говорят, что он женат. Что делать?

— В самом деле, затруднительное положение. Как же вы поступили?

— В таких случаях нужно прибегать к ружейному кремню¹.

— То есть вы...

— Я вlepил ему пулю в лоб, — холодно сказал бандит.

Орсо содрогнулся. Однако любопытство, а также, может быть, желание оттянуть время возвращения домой заставили его остаться на месте и продолжать разговор с этими двумя людьми, у каждого из которых было по крайней мере по убийству на совести.

Пока товарищ говорил, Брандолаччо положил перед ним кусок хлеба и мяса; потом он взял сам; потом оделил своего пса Бруско, которого он отрекомендовал как существо, одаренное удивительным инстинктом узнавать стрелков, как бы они ни переоделись. Наконец он отрезал ломтик хлеба и кусочек сырой ветчины и дал племяннице.

¹ *La scaglia* — очень употребительное выражение. (Прим. автора.).

— Хороша жизнь бандита! — воскликнул студент-богослов, съев несколько кусков. — Вы, милостивый государь, может быть, когда-нибудь изведаете ее, и тогда вы увидите, как отраднo не знать над собой иной власти, кроме своей прихоти. — Тут бандит, говоривший до сих пор по-итальянски, продолжал по-французски: — Корсика для молодого человека страна не очень веселая, но для бандита — совсем другое дело! Женщины от нас с ума сходят. У меня, например, три любовницы в трех разных кантонах. Я везде у себя дома. И одна из них — жена жандарма.

— Вы хорошо знаете языки, милостивый государь, — серьезно сказал Орсо.

— Если я заговорил по-французски, то это, видите ли, потому, что *maxima debetur pueris reverentia*¹. Мы с Брандолаччо хотим, чтобы девочка вела себя хорошо и шла прямой дорогой.

— Когда ей будет пятнадцать лет, я выдам ее за муж, — сказал дядя Килины. — У меня есть уже в виду и жених.

— Ты сам будешь сватать? — спросил Орсо.

— Конечно. Вы думаете, что если я скажу какому-нибудь здешнему богачу: мне, Брандо Савелли, было бы приятно видеть Микелину Савелли за вашим сыном, — вы думаете, что он заставит тащить себя за уши?

— Я бы ему этого не посоветовал, — сказал другой бандит. — У товарища рука тяжеленька: он сумеет заставить себя слушаться.

— Если бы я был, — продолжал Брандолаччо, — плутом, канальей, вымогателем, мне стоило бы только открыть свою сумку, и пятифранковики посыпались бы дождем.

— В твоей сумке есть что-нибудь привлекающее их? — спросил Орсо.

— Ничего нет; но напиши я какому-нибудь богачу, как делают некоторые: мне нужно сто франков, — он сейчас же пришлет мне их. Но я честный человек, поручик.

— Знаете ли, синьор делла Реббиа, — сказал бандит, которого товарищ называл патером, — знаете ли вы, что в этой стране, где живут простодушные люди, все-таки есть мерзавцы, извлекающие выгоду из того уважения,

¹ При детях надо вести себя особенно прилично (*лат.*).

которое мы внушаем нашими паспортами (он указал на свое ружье), и добывающие векселя, подделывая нашу подпись?

— Я это знаю, — отрывисто сказал Орсо, — но какие векселя?

— Полгода тому назад я прогуливался недалеко от Ореццы; подходит ко мне какой-то мужик, издали снимает шапку и говорит: «Ах, господин патер, — они все меня так зовут, — простите меня, дайте мне срок: я мог найти только пятьдесят пять франков, но, право, это все, что я мог собрать». Я в совершенном изумлении говорю ему: «Что это значит, бездельник? Какие пятьдесят пять франков?» «Я хочу сказать, шестьдесят пять, — ответил он мне, — но дать сто, как вы просите, невозможно». «Как, негодяй? Я прошу у тебя сто франков? Да я тебя не знаю!» Тогда он подает мне письмо или, скорее, грязный клочок, в котором ему предлагают положить в указанном месте сто франков, грозя, что в противном случае Джоканто Кастрикони — это мое имя — сожжет его дом и перебьет у него коров. И имели наглость подделать мою подпись! Что меня взбесило больше всего, так это то, что письмо было полно орфографических ошибок; я — и орфографические ошибки! Я, получавший в университете все награды! Я начал с того, что дал мужику такую затрещину, что он два раза перевернулся. «А, ты считаешь меня за вора, мерзавец этакий!» — говорю ему и даю здорового пинка ногой... знаете, куда. Сорвал зло и говорю ему: «Когда ты должен отнести эти деньги в назначенное место?» «Сегодня же». «Ладно, неси!» Положить надо было под сосной; место было точно указано. Он несет деньги, зарывает их под деревом и возвращается ко мне. Я засел неподалеку. Я провел с этим человеком шесть томительных часов. Синьор делла Реббиа, если бы было нужно, я просидел бы там трое суток. Через шесть часов является *bastiaccio*¹, подлый вымогатель. Он наклоняется за деньгами; я стреляю; и я так хорошо прицелился, что он, падая, уткнулся головой прямо в деньги, которые выкапывал. «Теперь, бол-

¹ Корсиканцы, живущие в горах, презирают жителей Бастии и не считают их земляками. Они никогда не говорят о них *bastiese*, а всегда *bastiaccio*; известно, что окончание *accio* обычно употребляется в презрительном смысле. (*Прим. автора*).

ван, — говорю я мужику, — бери свои деньги и не вздумай еще когда-нибудь подозревать Джоканто Кастрикони в низости». Бедняга, дрожа, подобрал свои шестьдесят пять франков и даже не потрудился их вытереть; он благодарит меня, я прибавляю ему на прощание пинок, и он убегает.

— Ах, патер! — сказал Брандолаччо. — Я завидую такому выстрелу. Воображаю, как ты смеялся!

— Я попал *bastiaccio* в висок, — продолжал бандит, — это напоминает мне стихи Вергилия:

*Liquefacto tempora piumbo
Diffidit, ac multa porrectum extendit arenā¹.*

Liquefacto! Верите ли вы, синьор Орсо, что свинцовая пуля расплавляется от быстроты своего полета в воздухе? Вы учились баллистике и, наверно, должны сказать мне: правда это или заблуждение?

Орсо предпочитал разобрать этот вопрос из физики, чем спорить с лицензиатом о нравственности его поступков. Брандолаччо, которого совсем не занимало это научное рассуждение, прервал его замечанием, что солнце скоро сядет.

— Так как вы, Орс Антон, не захотели обедать с нами, то я советую вам не заставлять ждать себя синьору Коломбу. Да и не всегда хорошо... бегать по дорогам, когда солнце село. Однако зачем вы ходите без ружья? В этих местах есть дурные люди, берегитесь! Сегодня вам нечего бояться. Барричини везут к себе префекта; они перехватили его по дороге, и он остановится на один день в Пьетранере, он едет в Корте «закладывать первый камень», как они это называют... Чепуха! Сегодня он ночует у Барричини, но завтра они будут свободны. Один — Винченцелло, негодный повеса, другой — Орландуччо, который нисколько не лучше. Постарайтесь застать их вместе, сегодня одного, завтра другого; но предупреждаю, будьте осторожны.

— Благодарю за совет, — сказал Орсо, — но только нам с ними не о чем спорить; пока они сами не придут ко мне, у меня к ним нет дела.

Бандит высунул язык и шелкнул им с ироническим видом, но не ответил ничего. Орсо встал, чтобы идти.

¹ Он рассек ему расплавленным свинцом висок и распростер на песке (*лат.*).

— Кстати, — сказал Брандолаччо, — я не поблагодарил вас за порох: он пришелся мне очень кстати. Теперь мне ничего не нужно... то есть мне нужны башмаки, но их я на днях сделаю себе из муфлоновой кожи.

Орсо сунул в руку бандита две пятифранковые монеты.

— Порох прислала тебе Коломба, а это тебе на башмаки.

— Без глупостей, поручик! — воскликнул Брандолаччо, отдавая ему деньги. — Что я, нищий? Я беру хлеб и порох, но не хочу ничего другого.

— Я думал, что старым солдатам можно помогать друг другу. Ну, до свидания!

Но перед тем, как уйти, он незаметно положил деньги в сумку бандита.

— До свидания, Орс Антон! — сказал богослов. — Может быть, на днях мы встретимся в *маки* и опять будем штудировать Вергилия.

Уже с четверть часа как оставил Орсо своих почтенных товарищей и вдруг услышал, что кто-то изо всей мочи бежит за ним. Это был Брандолаччо.

— Это уж чересчур, поручик, — закричал он, задыхаясь, — право, чересчур! Вот ваши десять франков. Будь это кто-нибудь другой, я не спустил бы ему эту шалость. Кланяйтесь от меня синьоре Коломбе. Я из-за вас совсем запыхался. Покойной ночи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Орсо нашел Коломбу немного встревоженной его долгим отсутствием, но, увидя его, она опять приняла свое обычное выражение спокойной грусти. За ужином они говорили только о маловажных вещах, и Орсо, ободренный спокойным видом сестры, рассказал ей о своей встрече с бандитами и рискнул даже немного подшутить над нравственным и религиозным воспитанием Килины, о котором заботились ее дядя и его почтенный сотоварищ, синьор Кастрикони.

— Брандолаччо честный человек, — сказала Коломба, — но о Кастрикони я слышала, что он человек без правил.

— Я думаю, что он вполне стоит Брандолаччо, а Брандолаччо стоит его, — сказал Орсо. — Оба ведут открытую войну с обществом. Одно преступление каждый день толкает их на новые. И, однако, они, может быть, виноваты не больше, чем многие из людей, не живущих в *маки*.

Молния радости блеснула на лице его сестры.

— Да, — продолжал Орсо, — у этих несчастных тоже есть честь своего рода. Их обреч на такую жизнь жестокий предрассудок, а не низкая алчность.

Несколько времени длилось молчание.

— Брат, — сказала Коломба, наливая ему кофе, — вы, может быть, знаете, что сегодня ночью умер Карло Баттиста Пьетри? Он умер от болотной лихорадки.

— Кто это Пьетри?

— Это один из здешних, муж Мадалены, той, что взяла записную книжку у нашего умиравшего отца. Она просила меня прийти побыть у мертвого и спеть что-нибудь. Нужно и вам пойти. Они наши соседи, и в этой вежливости нельзя отказать людям в таком маленьком местечке, как наше.

— Черт возьми! Я не желаю, чтобы моя сестра выступала в роли плакальщицы.

— Орсо, — возразила Коломба, — каждый чтит своих покойников по-своему. *Ballata* досталась нам от предков, и мы должны ценить ее, как древний обычай. У Мадалены нет дара, а старая Фьордиспина, наша лучшая *voceratrice*, больна. Нужно же кому-нибудь спеть *ballata*.

— Ты думаешь, Карло Баттиста не найдет дороги на тот свет, если кто-нибудь не споет над его гробом скверных стихов? Иди туда, если хочешь, Коломба; я пойду с тобой, если ты считаешь это нужным; но прошу тебя, сестра, не импровизируй, это неприлично в твои годы.

— Брат, я обещала. Вы знаете, что здесь такой обычай, и я повторяю вам, что, кроме меня, импровизировать некому.

— Глупый обычай!

— Мне самой тяжело петь. Это напоминает мне все наши несчастья. Завтра я заболую от этого, но идти нужно. Позвольте мне пойти, брат. Вспомните, что в

Аяччо вы заставили меня импровизировать для забавы этой англичанки, смеющейся над нашими старыми обычаями. Неужели теперь мне нельзя сделать того же для бедных людей, которые будут мне за то благодарны и которым это поможет перенести их горе?

— Ну, делай, как знаешь! Держу пари, что ты уже сочинила свою *ballata* и не хочешь, чтобы она пропала даром.

— Нет, брат, я не могу сочинять заранее. Я становлюсь перед покойником и думаю о тех, что остались. У меня навертываются слезы, и я пою, что придет мне в голову.

Все это было сказано так просто, что невозможно было заподозрить в синьоре Коломбе ни тени авторского самолюбия. Орсо уступил и отправился вместе с сестрой в дом Пьетри. Покойник с непокрытым лицом лежал на столе в самой большой комнате. Двери и окна были отворены; множество свечей горело вокруг стола. В головах у покойника стояла вдова; толпа женщин занимала половину комнаты; на другой стороне с обнаженными головами стояли мужчины, пристально глядя на покойника и храня глубокое молчание. Каждый новый посетитель подходил к столу, целовал мертвого¹, кивал головой его вдове и сыну и, не говоря ни слова, занимал место в толпе. От времени до времени, однако, кто-нибудь из присутствующих нарушал молчание, обращаясь к покойнику с несколькими словами.

— Зачем ты покинул свою добрую жену? — говорила одна из женщин. — Разве она не заботилась о тебе? Чего тебе было нужно? Зачем ты не подождал еще месяц? Твоя сноха подарила бы тебе внука.

Высокий молодой человек, сын Пьетри, пожимая холодную руку отца, воскликнул:

— О, зачем ты умер не от *male morte*²? Мы бы отомстили за тебя!

Это были первые слова, которые услышал Орсо при входе. При виде его толпа раздалась, и слабый шепот любопытства показал, что приход *voceratrice* выз-

¹ Этот обычай и сейчас еще существует в Боконьяно (1840), (Прим. автора.).

² *La male morte* — насильственная смерть. (Прим. автора.).

вал нетерпеливое оживление у собравшихся. Коломба поцеловалась с вдовой, взяла ее за руку и оставалась несколько минут погруженной в себя, с опущенными глазами. Потом она откинула *меццаро*, устремила на мертвого пристальный взгляд и, наклонясь над покойником, бледная, почти как он, начала:

Карло Баттиста! Христос пусть примет твою душу! Жить — значит страдать. Ты идешь в страну, где нет ни солнца, ни холода. Тебе не нужно больше ни топора, ни твоей тяжелой мотыги. Тебе не нужно больше работать. Все дни для тебя с этих пор воскресенье. Карло Баттиста! Христос да упокоит твою душу! Твой сын хозяйничает в твоём доме. Я видела, как упал дуб, высушенный *libeccio* (южный ветер). Я думала, что он мертв. Я пришла в другой раз, и его корень пустил отпрыск. Отпрыск сделался дубом, широколиственным дубом. Отдыхай, Маделе, под его мощными ветвями и думай о том дубе, которого уж нет.

Тут Мадалена начала громко рыдать, а два или три человека, способные при случае загубить христианскую душу так же хладнокровно, как куропатку, принялись утирать крупные слезы со своих загорелых щек.

Коломба несколько времени продолжала в том же роде, обращаясь то к покойнику, то к его семье, заставляя иногда посредством употребительной в надгробных *ballata* прозопопеи самого мертвеца утешать своих друзей или давать им советы. По мере того, как она импровизировала, ее лицо приняло восторженное выражение и покрылось легким румянцем, от которого еще резче выступили белизна ее зубов и огонь расширившихся зрачков. Это была пифия на своем треножнике. Не считая нескольких вздохов и подавленных рыданий, в теснившейся вокруг нее толпе не было слышно ни малейшего шепота. Хотя на Орсо эта дикая поэзия не могла так действовать, но скоро и он почувствовал себя охваченным общим волнением. Отойдя в темный угол, он плакал, как и сын Пьетри.

Внезапно слушатели встрепенулись, толпа расступилась, и вошло несколько посторонних. По уважению, какое им оказывали, по торопливости, с какою им сейчас же очистили место, было видно, что это важные лица и что их присутствие делало дому особую честь. Однако

из уважения к *ballata* никто не сказал им ни слова. Первому из вошедших было лет сорок. По черному фраку, красной ленточке в петлице, по внушительному и уверенному виду в нем сразу можно было угадать префекта. За ним шел сгорбленный старик с желчным лицом; он плохо скрывал за зелеными очками свой боязливый и беспокойный взгляд. На нем был черный, слишком широкий для него фрак, хотя и совсем еще новый, но, очевидно, сделанный много лет назад. Он держался около префекта, и о нем можно было бы сказать, что он хочет спрятаться в его тени. После него вошли двое молодых людей высокого роста, с загорелыми лицами, со щеками, обросшими густыми бакенбардами, с гордыми, надменными глазами, выражавшими наглое любопытство. У Орсо было довольно времени, чтобы забыть лица людей своей деревни, но вид старика в зеленых очках тотчас же пробудил в нем старые воспоминания. Уже одно то, что старик держался все время около префекта, говорило о том, кто он. Это был адвокат Барричини, мэр Пьетранеры, пришедший вместе со своими двумя сыновьями, чтобы дать префекту случай послушать *ballata*. Трудно определить, что происходило в эту минуту в душе Орсо, но присутствие врага возбудило в нем какое-то отвращение, и он больше, чем когда-нибудь, почувствовал себя доступным для подозрений, с которыми долго боролся.

При виде человека, в смертельной ненависти к которому Коломба поклялась, подвижное лицо ее тотчас же приняло зловещее выражение. Она побледнела; ее голос стал хриплым, начатый стих замер у нее на устах... Но скоро она с новой силой возобновила свою *ballata*:

Когда ястреб жалобно кричит над своим пустым гнездом, скворцы вьются вокруг, насмехаясь над его горем.

Тут послышался сдавленный смех; это смеялись только что пришедшие молодые люди, вероятно, найдя метафору слишком смелой.

Ястреб проснется, он расправит крылья, он омочит клюв в крови. А ты, Карло Баттиста, — пусть твои друзья скажут тебе последнее прости. Довольно текли их слезы. Одна только бедная сирота не будет плакать. Зачем ей плакать о тебе? Ты уснул

во цвете лет, среди своей семьи, готовый явиться перед Всемогущим. Сирота плачет о своем отце, застигнутом подлыми убийцами, пораженном в спину, — об отце, чья кровь краснеет под кучей зеленых листьев. Но она собрала его кровь — благородную и невинную кровь, она разлила ее по Пьетранере, чтобы она стала смертельным ядом. И Пьетранера будет заклеена, пока виновенная кровь не смоет следа невинной.

С этими словами Коломба упала на стул, спустила *mezzaro* на лицо и зарыдала. Женщины в слезах теснились вокруг импровизаторши. Многие из мужчин бросали свирепые взгляды на мэра и его сыновей, некоторые старики роптали на то, что они сюда пришли. Сын покойного протиснулся сквозь толпу и хотел просить мэра как можно скорее уйти, но тот не стал дожидаться этого предложения. Когда он добрался до двери, его сыновья были уже на улице. Префект сказал молодому Пьетри несколько слов соболезнования и почти тотчас же вышел вслед за ними. Орсо приблизился к сестре, взял ее за руку и увлек из залы.

— Проводите их, — сказал молодой Пьетри своим друзьям, — смотрите, чтобы с ними ничего не случилось!

Двое или трое молодых людей быстро сунули свои стилеты в левые рукава курток и проводили Орсо и его сестру до дверей их дома.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Задыхающаяся, измученная Коломба была не в состоянии вымолвить ни слова. Голова ее лежала на плече брата; она крепко сжимала ему руку. Несмотря на то, что Орсо сердился на нее за конец *ballata*, он был слишком встревожен, чтобы сделать ей хотя бы малейший упрек. Он молча ждал конца ее нервного припадка, как вдруг отворилась дверь, и перепуганная Саверия вошла и объявила: «Господин префект!» При этом возгласе Коломба, как бы стыдясь своей слабости, встала, опираясь на стул; видно было, как он дрожал под ее рукой.

Префект начал с нескольких банальных извинений за свой несвоевременный визит, выразил сочувствие синьоре Коломбе, упомянул об опасности сильного волнения,

высказал порицание обычаю погребальных причитаний, заметил, что талант *voceratrice* усиливает мрак в душе присутствующих, и ловко ввернул легкий упрек содержанию последней импровизации. Потом, изменив тон, он сказал:

— Господин делла Реббиа, я должен передать вам множество приветствий от ваших английских друзей. Мисс Невиль кланяется синьоре Коломбе. У меня есть для вас от нее письмо.

— Письмо от мисс Невиль? — воскликнул Орсо.

— К несчастью, оно не со мной; но оно будет у вас через пять минут. Ее отец был болен. Одно время мы боялись, что он не выдержит наших ужасных лихорадок. К счастью, теперь он вне опасности, в чем вы убедитесь сами, так как, я думаю, вы скоро увидите с ним.

— Мисс Невиль, вероятно, очень беспокоилась?

— К счастью, она узнала об опасности, когда та была уже далека. Господин делла Реббиа, мисс Невиль много говорила мне о вас и о вашей сестре. — Орсо слегка поклонился. — Она очень расположена к вам обоим. Под внешностью, полной грации, под видимою ветреностью в ней кроется весьма здравый ум.

— Это прелестная особа, — сказал Орсо.

— Я здесь почти по ее просьбе. Никто не знает лучше меня роковой истории, о которой мне не хотелось бы напоминать вам. Так как господин Барричини все еще мэр Пьетранеры, а я префект департамента, то мне не нужно говорить вам, как я смотрю на известные подозрения, которые, если справедливо то, что мне передавали, внушали вам некоторые неблагоразумные лица и которые вы, как мне известно, отвергли с негодованием, какого и следовало ожидать от вашего звания и нрава.

— Коломба, — сказал Орсо и задвинулся на стуле, — ты устала. Пойди ляг.

Коломба отрицательно покачала головой. Она успела принять свой обычный, спокойный вид, не отводя, однако, горящих глаз от префекта.

— Господин Барричини, — продолжал префект, — стремится прекратить эту, как бы сказать, вражду... то есть это неопределенное положение, в каком вы оба находитесь. Что касается меня, то я буду в восторге, если между вами возникнут отношения, какие должны

быть между людьми, созданными, чтобы уважать друг друга.

— Господин префект, — взволнованно перебил Орсо, — я никогда не обвинял адвоката Барричини в убийстве моего отца, но он совершил поступок, который всегда будет мешать мне иметь с ним какие бы то ни было отношения. Он написал подложное угрожающее письмо от имени известного бандита или по крайней мере негласно приписал его моему отцу. Наконец, милостивый государь, это письмо, вероятно, было косвенной причиной смерти отца.

Префект некоторое время собирался с мыслями.

— Что ваш отец верил этому, когда, увлекаемый живостью своего характера, он подал жалобу на Барричини, — это было извинительно, но нельзя допустить подобное ослепление с вашей стороны... Я не говорю о характере Барричини... Вы его совсем не знаете, вы предубеждены против него, но не думайте, чтобы человек, хорошо знающий законы...

— Но, милостивый государь, — сказал Орсо, вставая, — примите в соображение, что сказать: «Это письмо не есть дело рук господина Барричини», — значит приписать его моему отцу. Его честь — моя честь.

— Никто не уверен так, как я, в чести полковника делла Реббиа, — продолжал префект, — но... автор этого письма теперь известен...

— Кто? — воскликнула Коломба, подступая к префекту.

— Один негодяй, виновный во многих преступлениях, которых вы, корсиканцы, не прощаете, вор, некто Томмазо Бьянки, содержащийся теперь в тюрьме в Бастии, показал, что он автор этого рокового письма.

— Я не знаю этого человека, — сказал Орсо. — Какая у него могла быть цель?

— Это здешний, — сказала Коломба, — брат нашего прежнего мельника. Это негодяй и лгун, не внушающий доверия.

— Вы увидите, — продолжал префект, — почему он в этом заинтересован. Мельник, о котором говорит ваша сестра, — его звали, кажется, Теодоро — арендовал у полковника мельницу, стоящую на том самом ручье, права на который оспаривал Барричини. Полковник

по свойственному ему великодушию не извлекал из мельницы почти никакой выгоды. Томмазо и подумал, что если Барричини завладеет ручьем, то заставит платить значительную аренду; известно, что Барричини любит деньги. Словом, чтобы сделать одолжение брату, Томмазо подделал письмо бандита, вот и вся история! Вы знаете: на Корсике семейные узы так сильны, что иногда толкают человека на преступление... Не угодно ли вам познакомиться вот с этим письмом ко мне от помощника генерального прокурора? Оно подтвердит вам только что сказанное мною.

Орсо пробежал письмо, подробно излагавшее признание Томмазо; Коломба читала его из-за плеча брата.

Прочитав, она закричала:

— Орландуччо Барричини ездил в Бастию месяц тому назад, когда стало известно, что мой брат скоро вернется. Он виделся с Томмазо и купил у него эту ложь.

— Синьора, — с нетерпением в голосе сказал префект, — вы объясняете все гнусными подлогами; разве это — средство узнать истину? Вы, господин делла Реббиа, вы благоразумнее: скажите мне, что вы теперь думаете? Верите ли вы, как верит синьора, что человек, которому грозит нестрогое наказание, с легким сердцем возведет на себя обвинение в подлоге, чтобы сделать одолжение кому-то, кого он не знает?

Орсо внимательно перечитал письмо помощника прокурора, взвешивая каждое слово, потому что с тех пор, как он увидел адвоката Барричини, он почувствовал что теперь ему труднее убедить себя, чем несколько дней назад. Наконец он был вынужден сознаться, что объяснение кажется ему удовлетворительным. Но Коломба решительно воскликнула:

— Томмазо Бьянки — обманщик! Он не будет осужден или убежит из тюрьмы, я уверена.

Префект пожал плечами.

— Я передал вам, господин делла Реббиа, полученные мною сведения, — сказал он. — Я удаляюсь и советую вам подумать. Я буду ждать, что ваш здравый смысл просветит вас, и надеюсь, что он окажется сильнее догадок вашей сестры.

Орсо, сказав несколько слов в оправдание Ко-

ломбы, повторил, что теперь он верит, что единственный виновник — Томмазо.

Префект встал, чтобы уйти.

— Если бы не было так поздно, — сказал он, — я предложил бы вам пойти вместе со мною за письмом мисс Невиль. Вы могли бы сказать Барричини то, что вы только что сказали мне, и все было бы кончено.

— Никогда Орсо дела Реббиа не войдет в дом Барричини! — гневно воскликнула Коломба.

— Ваша сестрица, как видно, *tintinajo*¹ своей семьи? — с насмешливым видом спросил префект.

— Милостивый государь, — твердым голосом сказала Коломба, — вас обманывают. Вы не знаете адвоката. Это самый хитрый, самый лукавый человек на свете. Заклинаю вас, не заставляйте Орсо совершить поступок, который покроет его позором.

— Коломба! — закричал Орсо. — Ты совсем с ума сошла!

— Орсо, Орсо! Ради шкатулки, которую я вам дала, умоляю вас: выслушайте меня! Между нами и Барричини кровь; вы не пойдете к ним!

— Сестра!

— Нет, брат, вы не пойдете, или я уйду из этого дома, и вы никогда не увидите меня... Орсо, сжальтесь надо мной!

И она упала на колени.

— Я в отчаянии, — сказал префект, — что синьора Коломба так неблагоприятна. Я уверен, что вы убедите ее.

Он отворил дверь и остановился, ожидая, что Орсо пойдет за ним.

— Я не могу оставить ее теперь, — сказал Орсо. — Завтра, если...

— Я еду очень рано, — сказал префект.

— По крайней мере, брат, подождите до завтрашнего утра! — воскликнула Коломба, сложив руки. — Дайте мне пересмотреть бумаги отца... Вы не можете отказать мне в этом.

¹ Так называется баран с колокольчиком, вожак стада; так же в переносном смысле называют того из членов семьи, кто руководит ею во всех важных делах. (*Прим. автора* .).

— Хорошо, ты посмотришь их сегодня вечером, но по крайней мере не будешь мучить меня потом этой сумасбродной ненавистью... Простите, господин префект... Я и сам чувствую себя так дурно... Лучше завтра.

— Утро вечера мудренее, — сказал префект, уходя. — Я надеюсь, что завтра вся ваша нерешительность пройдет.

— Саверия! — закричала Коломба. — Возьми фонарь и проводи господина префекта. Он отдаст тебе письмо для моего брата.

Она прибавила несколько слов, которые услышала только Саверия.

— Коломба, — сказал Орсо, когда префект ушел, — ты очень огорчила меня. Доколе ты будешь возражать против очевидности?

— Вы дали мне срок до завтра, — ответила она. — У меня очень мало времени, но я еще не теряю надежды.

Она взяла связку ключей и побежала в одну из комнат верхнего этажа. Слышно было, как она стремительно выдвигала ящики и рылась в конторке, в которую полковник делла Реббиа запирает свои важные бумаги.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Саверия долго не возвращалась, и нетерпение Орсо достигло крайнего предела, когда она явилась с письмом, ведя за собой маленькую Килину, протиравшую себе глаза, потому что ее разбудили, когда она только-только успела заснуть.

— Девочка, — сказал Орсо, — что ты так поздно?

— Барышня за мной послала, — ответила Килина.

«Зачем она ей?» — подумал Орсо, но поторопился распечатать письмо мисс Лидии. Килина поднялась к его сестре.

Мой отец был немного болен, — писала мисс Невиль, — а кроме того, он так ленив на письма, что я должна служить ему секретарем. Вы знаете, что тогда на морском берегу он промочил себе ноги, вместо того чтобы восхищаться с нами видом, а этого на Вашем прекрасном острове совершенно достаточно, чтобы схватить лихорадку. Я отсюда вижу Вашу мину: Вы, без сомнения, ищете свой стидет, но я надеюсь, что другого у вас нет. Итак, у отца была небольшая лихорадка, а я была в большом волне-

нии, префект — я упорно продолжаю находить его очень любезным — прислал нам тоже очень любезного доктора, который в два дня избавил нас от беспокойства: приступ не возобновился, и отец опять мечтает об охоте, но я ему еще не позволяю. Как Вы нашли свой горный замок? На месте ли Ваша северная башня? Много ли там привидений? Я спрашиваю Вас обо всем этом потому, что отец помнит, что Вы обещали ему ланей, кабанов, муфлонов — так зовут это странное животное? Отправляясь в Бастию, мы рассчитываем просить Вашего гостеприимства, и я надеюсь, что замок дела Реббиа, хотя и старый и разрушенный, как Вы говорите, не рухнет на нас. Хотя префект так любезен, что, говоря с ним, никогда не чувствуешь недостатка в предметах для разговора (*by the by*¹, мне кажется, что я вскружила ему голову), мы говорили о Вас, господин Орсо. Бастийские юристы прислали ему показание какого-то плута, которого они держат под замком; это показание такого свойства, что может уничтожить Ваши последние подозрения; Ваша вражда, которая иногда меня беспокоила, должна теперь кончиться. Вы не можете представить себе, какое это доставило бы мне удовольствие. Когда Вы отправились с прекрасной *voceratrice*, с ружьем в руках и с мрачным взглядом, Вы показались мне больше корсиканцем, чем всегда... даже слишком корсиканцем. *Basta*², я пишу Вам об этом так подробно, потому что скучаю. Префект, увы, уезжает. Мы пошлем к Вам нарочного, когда поедем в Ваши горы, и я осмелюсь написать синьоре Коломбе и попросить ее приготовить нам *braccio, ma solenne*³. Покуда передайте ей от меня душевный привет. Я нашла отличное применение ее стилету: я разрезаю им привезенный с собою роман; но это ужасное оружие негодует на такое употребление и самым безжалостным образом рвет мою книгу. Прощайте, отец посылает Вам *his best love*⁴. послушайте префекта, он даст Вам добрый совет и, мне кажется, свернет с дороги ради Вас; он едет на закладку в Кorte; я думаю, что это должно быть очень внушительное зрелище, и мне очень жаль, что я не могу присутствовать при нем. Господин префект в вышитом мундире, в шелковых чулках, в белом шарфе, с лопаткой каменщика в руках!.. И речь!.. Церемония кончится тысячу раз повторенными криками. «Да здравствует король!». Вы будете очень тшеславиться тем, что заставили меня заполнить четыре страницы, но я, милостивый государь, еще раз повторяю: мне скучно, и поэтому я позволяю Вам писать мне весьма пространно. Кстати, я очень удивлена, что Вы до сих пор не сообщили мне о своем благополучном прибытии в Пьетранера-Кэстл.

Лидия.

Р. С. Прошу Вас, слушайте префекта и делайте то, что он Вам скажет. Мы вместе решили, что Вы должны так действовать, — доставьте мне удовольствие.

¹ Между прочим (англ.). (Прим. переводчика.).

² Довольно (итал.).

³ Сыр по всем правилам искусства (итал.).

⁴ Свой сердечный привет (англ.). (Прим. переводчика..).

Орсо перечитал это письмо три или четыре раза, всякий раз сопровождая его бесчисленными комментариями, потом написал длинный ответ и приказал Саверии отнести его к одному из жителей деревни, который в ту же ночь ехал в Аяччо. Он уже совсем не думал разбирать с сестрой действительные или воображаемые обиды Барричини: письмо мисс Лидии окрасило для него все в розовый цвет, в его сердце не было больше места ни для подозрений, ни для ненависти.

Подождав несколько времени, не сойдет ли вниз сестра, и так и не дождавшись, он ушел спать с таким облегчением, какого давно не испытывал. Коломба, отпустив Килину с тайными приказаниями, провела большую часть ночи в чтении старых бумаг. Незадолго до рассвета кто-то бросил несколько маленьких камешков в ее окно; по этому сигналу она сошла в сад, отворила потайную калитку и ввела в дом двух человек очень подозрительной наружности; прежде всего она позаботилась отвести их на кухню и дать им поесть. Кто были эти люди — сейчас узнаем.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Утром около шести часов слуга префекта постучался у дома Орсо. Принятый Коломбою, он сказал, что префект сейчас едет и ждет ее брата. Коломба, не колеблясь, ответила, что ее брат только что упал с лестницы и вывихнул себе ногу, что, не будучи в состоянии ступить шагу, он умоляет г-на префекта извинить его и будет очень признателен ему, если он будет так добр, что потрудится прийти. Вскоре после этого Орсо спустился вниз и спросил у сестры, не присылал ли за ним префект.

— Он просил вас подождать здесь, — ответила она самым уверенным тоном.

Прошло полчаса, но в доме Барричини не было заметно ни малейшего движения; тем временем Орсо спросил у сестры, не сделала ли она какого-нибудь открытия; она ответила, что все расскажет префекту. Она была очень спокойна, но цвет лица и глаза выдавали лихорадочное волнение.

Наконец отворилась дверь в доме Барричини; префект в дорожном платье вышел первым; за ним шел мэ

со своими двумя сыновьями. Велико было изумление пьетранерских обывателей, карауливших с восхода солнца отъезд первого чиновника в департаменте, когда они увидели, как он в сопровождении троих Барричини пересек площадь и вошел в дом дела Реббиа.

— Они мирятся! — закричали деревенские политики.

— Я говорил вам, — прибавил один старик. — Орсо Антонио слишком долго жил на континенте, чтобы поступить решительно.

— Однако, — возразил один реббианист, — заметьте, что ведь Барричини идут к нему. Они просят прощения.

— Это префект одурачил их всех, — отвечал старик, — теперь уже нет мужества в людях, и юноши так же мало заботятся об отцовской крови, как если бы все они были незаконными детьми.

Префект был немного удивлен, увидя, что Орсо на ногах и ходит совершенно свободно. Коломба созналась в своей лжи и попросила извинения.

— Если бы вы остановились в другом месте, господин префект, — сказала она, — то брат еще вчера пошел бы засвидетельствовать вам свое почтение.

Орсо рассыпался в извинениях, уверяя, что он ни при чем в этой нелепой хитрости, которая его глубоко оскорбила. Префект и старик Барричини, казалось, верили искренности его сожалений, доказывавшейся и его смущением и упреками, обращенными к сестре, но сыновья мэра не были удовлетворены.

— Над нами издеваются! — сказал Орландуччо настолько громко, чтобы его услышали.

— Если бы моя сестра сыграла со мной подобную шутку, — сказал Винченделло, — я скоро отбил бы у нее охоту повторить ее.

Эти слова и тон, которым они были произнесены, не понравились Орсо и испортили ему настроение. Он обменялся с молодыми Барричини взорами, отнюдь не выражавшими благосклонности.

Тем временем все сели, кроме Коломбы, которая стояла у дверей в кухню. Префект заговорил и после нескольких общих фраз о предрассудках страны напомнил, что в большинстве случаев самая закоренелая вражда основана только на недоразумении. Потом, обращаясь к мэ-

ру, он сказал ему, что господин делла Реббиа никогда не верил, что семейство Барричини принимало прямое или косвенное участие в плачевном событии, лишившем его отца; что, правда, он питал некоторые сомнения относительно одной частности процесса, шедшего между двумя семействами, что эти сомнения объяснялись долгим отсутствием г-на Орсо и характером полученных им известий; что, убежденный последними показаниями, он считает себя совершенно удовлетворенным и желал бы вступить с г-ном Барричини и его семейством в дружеские и добрососедские отношения.

Орсо принужденно поклонился; Барричини пробормотал несколько слов, которых никто не расслышал, его сыновья смотрели в потолок. Префект готов был обратиться к Орсо с продолжением речи, которую он начал, обращаясь к Барричини, как вдруг Коломба, вынув из-под косынки несколько бумаг, важно подошла и стала между договаривающимися сторонами.

— Я с искренним удовлетворением увижу конец войны между нашими двумя семействами, — сказала она, — но чтобы примирение было полным, нужно объясниться и ничего не оставлять под сомнением... Господин префект, я имела полное право считать показание Томмазо Бьянки подозрительным, так как оно исходит от человека с такой дурной славой... Я сказала, что сыновья синьора Барричини, может быть, видели этого человека в Бастии, в тюрьме...

— Это ложь, — перебил Орландуччо, — я его не видел.

Коломба бросила на него презрительный взгляд и продолжала, по-видимому, очень спокойно:

— Вы обьяснили цель, с какой Томмазо угрожал синьору Барричини желанием сберечь для своего брата Теодора мельницу, которую мой отец отдавал ему внаем за дешевую цену.

— Это ясно, — сказал префект.

— От такого негодяя, как этот Бьянки, всего можно ожидать! — сказал Орсо, обманутый наружным спокойствием своей сестры.

— Подлинное письмо помечено одиннадцатым июля, — продолжала Коломба, и глаза ее заблестели ярче. — Томмазо тогда был у своего брата на мельнице.

— Да, — сказал мэр с некоторым беспокойством.

— Какая же выгода была Томмазо Бьянки? — воскликнула Коломба торжествующе. — Срок аренды его брата истек первого июля, мой отец не возобновил с ним договора. Вот запись моего отца, вот расторжение, вот письмо одного делового человека из Аяччо, предлагавшего нам нового мельника.

И, говоря это, она подала префекту бумаги.

Все были удивлены. Мэр заметно побледнел. Орсо, нахмутив брови, подошел, чтобы посмотреть бумаги, которые префект очень внимательно читал.

— Над нами издеваются! — воскликнул снова Орландуччо, вставая в гнев. — Пойдем отсюда, отец, нам не нужно было приходить сюда.

Барричини довольно было мгновения, чтобы успокоиться. Он попросил посмотреть бумаги, префект, не говоря ни слова, подал их ему. Тогда, подняв на лоб свои зеленые очки, он пробежал бумаги с довольно равнодушным видом. Коломба в это время смотрела на него глазами тигрицы, видящей, как лань приближается к логовищу ее детенышей.

— Но... — сказал Барричини, опуская свои очки и передавая бумаги префекту, — зная доброту покойного полковника, Томмазо подумал... Он, должно быть, надеялся... что господин полковник передумает отбирать мельницу... И действительно, он удержал за собой мельницу, следовательно...

— Это я оставила ее за ним, — сказала Коломба презрительным тоном. — Мой отец умер, и мне в моем положении нужно было беречь клиентов.

— Однако, — сказал префект, — этот Томмазо признался, что он написал письмо. Это ясно ...

— Для меня ясно то, — перебил Орсо, — что во всем этом деле кроется много всяких подлостей.

— У меня есть еще кое-что, противоречащее уверениям этих господ, — сказала Коломба.

Она отворила дверь в кухню, и тотчас же в залу вошли Брандолаччо, лицензиат богословия и пес Бруско. Оба бандита были безоружны, по крайней мере с виду; на поясах у них были одни патронташи без пистолетов, составляющих их необходимое дополнение. Войдя в залу, они почтительно сняли шапки.

Невозможно представить себе эффект, произведенный их внезапным появлением. Мэр едва не упал навзничь; его сыновья храбро заслонили его, опустив руки в карманы за стилетами. Префект шагнул к двери, а Орсо схватил Брандолаччо за ворот, крича:

— Чего тебе здесь нужно, подлец?

— Это засада! — кричал мэр, пытаясь отворить дверь, но, как потом оказалось, Саверия по приказанию бандитов заперла ее снаружи.

— Добрые люди! — сказал Брандолаччо. — Не бойтесь меня: я вовсе не такой черт, каким кажусь с виду. У нас нет никакого злого умысла. Господин префект, я ваш покорнейший слуга... Осторожнее, поручик, а то вы меня задушите... Мы пришли сюда как свидетели. Ну, патер, говори ты: у тебя язык без костей.

— Господин префект, — сказал лицензиат, — я не имею чести быть с вами знакомым. Я Джоканто Кастрикони, более известный под именем патера. Теперь вы понимаете, с кем имеете дело? Синьора, которую я также не имел счастья знать, передала мне просьбу сообщить ей, что мне известно о некоем Томмазо Бьянки, вместе с которым я сидел три недели тому назад в тюрьме в Бастии. Вот что я могу вам сказать...

— Не трудитесь, — сказал префект, — я не желаю слушать такого человека, как вы... Господин делла Реббиа, я все еще хотел бы думать, что вы ни при чем в этом гнусном заговоре. Но хозяин ли вы в своем доме? Прикажете отпереть эту дверь. Вашей сестре, может быть, придется отдать отчет в ее странных сношениях с бандитами.

— Господин префект! — воскликнула Коломба. — Устойте выслушать, что скажет этот человек. Вы здесь затем, чтобы оказать всем правосудие, и искать правду — ваша обязанность. Говорите, Джоканто Кастрикони.

— Не слушайте его! — закричали хором трое Барричини.

— Если все будут говорить разом, — сказал бандит, улыбаясь, — то мы друг друга не пойдем... Этот Томмазо, о котором идет речь, был в тюрьме моим товарищем — не другом. Его часто там посещал синьор Орландуччо.

— Это ложь! — закричали разом оба брата.

— Два отрицания равны утверждению, — холодно заметил Кастрикони. — У Томмазо были деньги; он ел и пил в свое удовольствие. Я всегда любил хорошо поесть (это еще не худший из моих недостатков), и, несмотря на то, что мне было противно общаться с этим негодяем, я много раз позволял себе обедать с ним. В благодарность я предложил ему бежать со мною... Одна малютка... к которой я был благосклонен... доставила мне средства для этого ... Я не хочу никого компрометировать... Томмазо отказался, он объявил мне, что он за себя не боится, что адвокат Барричини просил за него всех судей, что он выйдет из тюрьмы белее снега и с деньгами в кармане. Что касается до меня, то я решил подышать свежим воздухом. *Dixi*¹.

— Все, что сказал этот человек, от первого до последнего слова, ложь, — решительно повторил Орландуччо. — Если бы мы были в чистом поле, каждый со своим ружьем, он не говорил бы так.

— Вот это уж глупо! — воскликнул Брандолаччо. — Не ссорьтесь с патером, Орландуччо.

— Да выпустите ли вы меня наконец отсюда, господин делла Реббиа? — сказал префект, топая от нетерпения ногами.

— Саверия, Саверия! — кричал Орсо. — Отвори дверь, черт тебя возьми!

— Минутку, — сказал Брандолаччо. — Уходить надо сперва нам. Господин префект, когда люди встречаются у общих друзей, то, по обычаю, дают друг другу полчасика перемирия.

Префект бросил на него презрительный взгляд.

— Слуга всей честной компании, — сказал Брандолаччо. И, вытянув горизонтально руку, он приказал своей собаке:

— Ну, Бруско, прыгни в честь господина префекта.

Пес прыгнул, бандиты проворно забрали на кухне свое оружие, убежали через сад, и по резкому свистку дверь залы отворилась как будто волшебством.

— Синьор Барричини, — сказал Орсо со скрытой яростью, — я считаю вас за мошенника. Сегодня же я пошлю на вас королевскому прокурору жалобу с обвине-

¹Я кончил (*лат.*).

нием в подлоге и сообщничестве с Бьянки. Может быть, у меня найдется против вас и более тяжкая улика.

— А я, синьор делла Реббиа, подам на вас жалобу с обвинением в засаде и сообщничестве с бандитами. А куда господин префект прикажет жандармам задерживать вас.

— Префект исполнит свой долг, — сказал префект строгим тоном. — Он будет следить, чтобы в Пьетранере не был нарушен порядок; он позаботится, чтобы правосудие совершилось. Я говорю это вам всем, господа!

Мэр и Винченделло уже вышли из зала, а Орландуччо пятился к дверям. Орсо сказал ему тихо:

— Ваш отец — старик, и я раздавил бы его пощечинной. Я назначаю ее вам и вашему брату.

Вместо ответа Орландуччо выхватил стилет и, как бешеный, бросился на Орсо, но прежде, чем он мог пустить в дело свое оружие, Коломба схватила его за руку и скрутила ее, а Орсо, ударив его кулаком по лицу, отбросил на несколько шагов, так что тот сильно стукнулся о косяк двери. Стиллет выпал из руки Орландуччо, но у Винченделло был свой, и он вернулся в комнату. Коломба, схватив ружье, доказала ему, что борьба неравна. Префект стал между врагами.

— До скорого свидания, Орсо Антон! — закричал Орландуччо. И, яростно хлопнув дверью, он запер ее на ключ, чтобы дать себе время уйти.

Орсо и префект с четверть часа молча сидели в разных концах зала. Коломба с торжеством победителя смотрела то на того, то на другого, опираясь на ружье, решившее исход дела.

— Какой край! Какой край! — воскликнул, стремительно вставая, префект. — Господин делла Реббиа, вы виноваты. Дайте мне честное слово в том, что вы воздержитесь от всякого насилия и будете ждать, пока суд не решит этого проклятого дела.

— Да, господин префект, я виноват, я ударил этого негодяя. Но раз я его ударил, я не могу отказать ему в удовлетворении, которого он потребует.

— О нет, он не захочет драться с вами... Но если он вас убьет... вы сделали для этого все.

— Мы будем беречься, — сказала Коломба.

— Орландуччо, мне кажется, храбрый малый, — ска-

зал Орсо, — и я думаю о нем лучше, господин префект. Он выхватил свой стилет, но на его месте я, может быть, сделал бы то же, и счастлив я, что у сестры не дамская ручка.

— Вы не будете драться! — воскликнул префект. — Я запрещаю вам!

— Позвольте сказать вам, милостивый государь, что в деле чести я не признаю никакого авторитета, кроме своей совести.

— Я говорю вам, что вы не будете драться.

— Вы можете арестовать меня, господин префект... то есть если я дамся. Но и в этом случае вы только отсрочите неизбежное дело. Вы понимаете, что такое честь, господин префект, и хорошо знаете, что иначе и быть не может.

— Если вы прикажете арестовать брата, — прибавила Коломба, — то половина деревни вступится за него, и у нас будет славная перестрелка.

— Предугреждаю вас, господин префект, и умоляю вас не думать, что это пустая угроза, предупреждаю вас, что, если Барричини злоупотребит своею властью мэра и прикажет меня арестовать, я буду защищаться.

— С этого дня, — сказал префект, — Барричини некоторое время не будет исполнять свои обязанности. Я надеюсь, что он оправдается... Послушайте, господин делла Реббиа, я принимаю в вас участие. Я прошу у вас очень немного: не выходите из дома до моего возвращения из Корте; я проезжу только три дня; я возвращусь с королевским прокурором, и мы разберем это печальное дело. Обещаете ли вы до тех пор воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий?

— Я не могу обещать вам этого, — я думаю, что Орландуччо вызовет меня на дуэль.

— Как, вы, французский офицер, вы будете драться с человеком, которого вы подозреваете в подлоге?

— Я ударил его, милостивый государь.

— Но если б вы ударили каторжанина и он стал бы требовать от вас удовлетворения, неужели вы бы дрались с ним? Полноте, господин Орсо! Ну хорошо, я прошу у вас еще меньшего: не ищите встречи с Орландуччо... Я позволю вам драться, если он вызовет вас.

— Я несколько не сомневаюсь в том, что он меня вызовет, но я обещаю, что не дам ему еще пощечины, чтобы побудить его драться.

— Какой край! — повторял префект, расхаживая большими шагами. — Когда же я вернусь во Францию?

— Господин префект сказала Коломба самым нежным голосом, — уже поздно; не сделаете ли вы нам честь позавтракать с нами?

Префект не мог удержаться от смеха.

— Я здесь уже слишком долго; это будет похоже на пристрастие... И этот проклятый «первый камень»!.. Мне нужно ехать... Синьора делла Реббиа, виновницей скольких несчастий вы, может быть, стали сегодня.

— По крайней мере, господин префект, вы должны отдать сестре справедливость в том, что ее доказательства вески, и я уверен, вы согласитесь, что они хорошо обоснованы.

— До свидания, господин делла Реббиа, — сказал префект, делая ему прощальный знак рукой. — Предупреждаю вас, что я прикажу жандармскому бригадиру следить за каждым вашим шагом.

Когда префект вышел, Коломба сказала:

— Орсо, вы здесь не на континенте. Орландуччо ничего не смыслит в ваших дуэлях, да, кроме того, этот негодяй и не должен умереть смертью храбрых.

— Коломба, милая моя, ты сильная женщина. Я обязан тебе спасением от доброго удара ножом. Дай мне твою маленькую ручку, я ее поцелую, но, видишь ли, я буду действовать сам. Есть вещи, которых ты не понимаешь. Дай мне позавтракать и, как только уедет префект, прикажи позвать ко мне маленькую Килину, которая, кажется, чудесно исполняет поручения. Мне она нужна, чтобы снести одно письмо.

Пока Коломба присматривала за приготовлениями к завтраку, Орсо поднялся в свою комнату и написал следующую записку:

Вы, вероятно, с нетерпением ждете нашей встречи, точно так же, как и я. Завтра утром мы можем встретиться в долине Аквавива. Я очень хорошо владею пистолетом и не предлагаю Вам этого оружия. Говорят, что Вы хорошо стреляете из ружья; возьмем каждый по двустольному ружью. Я приду с кем-нибудь из де-

ревни. Если Ваш брат пойдет с Вами, то возьмите другого свидетеля и предупредите меня. Только в этом случае у меня тоже будут два свидетеля.

Орсо Антонио делла Реббиа.

Префект, пробыв около часа у помощника мэра и зайдя на несколько минут к Барричини, отправился в Кортэ в сопровождении только одного жандарма. Четверть часа спустя Килина отнесла письмо, только что прочитанное читателем, и передала его Орландуччо в собственные руки.

Ответа долго не было; он пришел только вечером. Он был подписан Барричини-отцом, который навещал Орсо, что он препроводит письмо с угрозами его сыну к королевскому прокурору. «Я жду с чистой совестью, — прибавлял он в конце, — что скажет правосудие о Вашей клевете».

Между тем пять или шесть пастухов, призванных Колломбой, пришли и заняли башню делла Реббиа. Несмотря на протесты Орсо, в его окнах, выходящих на площадь, устроили *archere*, и целый вечер к нему являлись жители местечка с предложением услуг. Пришло письмо даже от бандита-богослова, который от своего имени и от имени Брандолаччо обещал вступить, если мэр призовет на помощь жандармов. Он кончал письмо следующим постскриптумом: «Осмелюсь спросить Вас, что думает господин префект о превосходном воспитании, которое дал мой друг псу Бруско. После Килины я не знаю ученика, более послушного и более способного».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Следующий день прошел без враждебных действий. Обе стороны придерживались оборонительной тактики. Орсо не выходил из своего дома, и дверь Барричини была постоянно заперта. Пятеро жандармов, оставленных в Пьетранере в качестве гарнизона, прогуливались по площади или вокруг деревни в сопровождении полевого сторожа, единственного представителя местной стражи. Помощник мэра не снимал с себя шарфа; но, кроме *archere*, в окнах враждующих домов ничто не указывало на вой-

ну. Только корсиканец заметил бы, что на площади около зеленого дуба были одни женщины.

Перед ужином Коломба с радостью показала Орсо следующее письмо, только что полученное ею от мисс Невиль:

Дорогая синьора Коломба, я с большим удовольствием узнала из письма Вашего брата, что Ваша вражда окончилась. Поздравляю Вас. Мой отец не может выносить Аяччо с тех пор, как здесь нет Вашего брата, и ему не с кем говорить о войне и охотиться. Мы отправляемся сегодня и будем ночевать у Вашей родственницы, к которой у нас есть письмо. Послезавтра в одиннадцать часов я буду у Вас, и Вы угостите меня вашим горным *bruccio*, который, как Вы утверждаете, намного лучше городского.

До свидания, дорогая синьора Коломба. Ваш друг
Лидия Невиль

— Значит, она не получила моего второго письма! — воскликнул Орсо.

— Видно по дате письма, что мисс Лидия должна была быть в дороге, когда ваше письмо пришло в Аяччо. Разве вы писали, чтобы она не приезжала?

— Я писал ей, что мы на осадном положении. По-моему, нам теперь совсем не до гостей.

— Ничего! Эти англичане — странные люди. Она говорила мне в последнюю ночь, когда я спала в ее комнате, что она была бы недовольна, если бы уехала из Корсики, так и не увидев хорошенькой вендетты. Если бы вы захотели, Орсо, можно было бы доставить ей любопытное зрелище: пусть бы она посмотрела, как берут приступом дом наших врагов.

— Знаешь ли, Коломба,— сказал Орсо, — природа ошиблась, сделав из тебя женщину. Из тебя вышел бы отличный военный.

— Может быть. Во всяком случае, я пойду делать *bruccio*.

— Не нужно. Надо послать к ним кого-нибудь предупредить их и остановить, прежде чем они тронутся в путь.

— Да? Вы хотите послать в такую погоду, чтобы какой-нибудь поток унес посланного вместе с вашим письмом? Как мне жаль бедных бандитов в такую грозу! Хо-

рошо еще, что у них хорошие *piloni*¹. Знаете что, Орсо? Если гроза кончится, поезжайте завтра пораньше и постарайтесь приехать к нашей родственнице, прежде чем ваши друзья пустятся в путь. Это вам легко будет сделать, потому что мисс Лидия всегда встает поздно. Вы расскажете им, что у нас случилось, а если они будут настаивать на своем приезде, мы будем очень рады принять их.

Орсо поспешил изъявить свое согласие, а Коломба после некоторого молчания заговорила снова:

— Вы, Орсо, может быть, думаете, что я шутила, говоря о нападении на дом Барричини? Вам известно, что мы сильнее — по крайней мере двое на одного? С тех пор, как префект отставил мэра, все здешние за нас. Мы могли бы искрошить их. Завязать дело очень нетрудно. Если бы вы захотели, я пошла бы к фонтану и начала бы насмехаться над их женщинами — они бы вышли. Может быть... потому что они такие подлецы... они стали бы стрелять в меня из своих *archere*. Они бы промахнулись. Ну, вот и довольно. Нападающие они. Тем хуже для побежденных. В суматохе не разберешь, чей выстрел оказался более метким. Поверьте сестре, Орсо. Эти судейские, что приедут, напортят бумаги, наговорят множество ненужных слов. Из этого ничего не выйдет. Старая лисица найдет средство сделать белое черным. Ах, если бы префект не заслонил Винчентелло, одним из них было бы меньше!

Все это она говорила с таким же хладнокровием, с каким за минуту до того говорила о приготовлении *bruscio*.

Ошеломленный Орсо смотрел на сестру с удивлением, смешанным со страхом.

— Моя кроткая Коломба, — сказал он, вставая из-за стола, — я боюсь, что ты сам сатана. Но будь покойна. Если я не добьюсь того, что Барричини повесят, я найду средство достигнуть цели другим путем. Горячая пуля или холодная сталь!². Видишь: я еще не разучился говорить по-корсикански.

¹ Плащ из очень толстого сукна с капюшоном (*Прим. автора*).

² *Palla calda* и *farru freddu* — весьма распространенное выражение. (*Прим. автора*).

- Чем скорее, тем лучше! — сказала Коломба, вздыхая. — На какой лошади вы завтра поедете, Орс Антон?
— На вороной. Зачем ты спрашиваешь меня об этом?
— Чтобы дать ей ячменя.

Когда Орсо ушел в свою комнату, Коломба отослала Саверию и пастухов спать и осталась одна в кухне, где готовился *bruccio*. От времени до времени она прислушивалась и, казалось, нетерпеливо ожидала, когда ляжет спать брат. Наконец решив, что он заснул, она взяла нож, попробовала, остер ли он, надела на свои маленькие ножки толстые башмаки и совершенно бесшумно вышла в сад.

Сад, обнесенный стеною, примыкал к довольно обширному огороженному пространству, куда загоняли лошадей: корсиканские лошади не знают, что такое конюшня. Большой частью их пускают в поле и рассчитывают на их смышленность в отыскании себе пищи и убежища от холода и дождя.

Коломба так же осторожно отворила садовую калитку, вошла в загон и, тихонько свистнув, подозвала к себе лошадей, которым она часто давала хлеб с солью. Как только вороная лошадь подошла к ней настолько, что она могла ее достать, она крепко схватила ее за гриву и ножом разрежала ей ухо. Лошадь сделала страшный скачок и убежала, испустив резкий крик, как иногда кричат лошади от острой боли. После этого Коломба вошла в сад; в это мгновение Орсо открыл свое окно и закричал:

- Кто там?

Одновременно она услышала, как он взводил курки. К счастью для нее, садовую калитку прикрывало большое фиговое дерево. Вскоре по вспыхивавшему в комнате брата свету она догадалась, что он старается зажечь лампу. Тогда она поспешила запереть калитку и, скользя вдоль стен, так что ее черная одежда сливалась с темной листвой шпалерника, успела войти в кухню на несколько секунд раньше Орсо.

- Что там такое? — спросила она.

— Мне показалось, что кто-то отворял садовую калитку, — сказал Орсо.

— Не может быть. Собака бы залаяла. Впрочем, пойдем, посмотрим.

Орсо обошел сад и, убедившись, что калитка хорошо заперта, и немного стыдясь этой ложной тревоги, решил вернуться в свою комнату.

— Я рада, брат, — сказала Коломба, — что вы делаетесь осторожнее, как и следует в вашем положении.

— Это я тебя слушаю, — отвечал Орсо. — Покойной ночи.

На другой день Орсо встал с рассветом и был готов к отъезду. В его костюме можно было видеть и стремление к изяществу, свойственное человеку, который хочет понравиться женщине, и осторожность корсиканца во время вендетты. Сверх ловко облежавшего его стан сюртука он надел через плечо жестяную лядунку на зеленом шнурке, в которой были патроны; в боковом кармане у него был стилет, а в руках — превосходное ментоновское ружье, заряженное пулями. Пока он торопливо пил кофе, налитый Коломбой, один из пастухов пошел оседлать и взнуздать лошадь. Потом и Орсо с Коломбой пошли в загон. Пастух поймал лошадь, но уронил седло и узду и, казалось, был в ужасе, а лошадь, помнившая рану прошлой ночи и боявшаяся за свое другое ухо, становилась на дыбы, лягалась, ржала и бесилась.

— Ну, торопись! — крикнул ему Орсо.

— Ах, Орс Антон! Ах, Орс Антон! Клянусь кровью мадонны! — кричал пастух и сыпал бесчисленными и бесконечными, по большей части непереводаемыми ругательствами.

— Да что случилось? — спросила Коломба.

Все подошли к лошади, и когда увидели ее в крови и с рассеченным ухом, то разом вскрикнули от неожиданности и негодования. Нужно сказать, что изувечить лошадь врага у корсиканцев означает и месть, и вызов, и угрозу. Только ружейным выстрелом можно отплатить за такое преступление. Орсо, долго живший на континенте, меньше, чем кто-нибудь другой, чувствовал огромное значение обиды, но, если бы в это время ему попался один из барричинистов, он сейчас же заставил бы его искупить обиду, которую приписывал им.

— Подлые труссы! — воскликнул он. — Вымещать на бедном животном свою злобу, а встретиться лицом к лицу со мной не смеют!

— Чего мы ждем? — воскликнула Коломба. — Они оскорбляют нас, калечат наших лошадей, и мы не ответим им? Мужчины ли вы?

— Мщение! — отвечали пастухи. — Проведем лошадь по деревне и возьмем приступом их дом.

— К их башне примыкает овин под соломенной крышей, — сказал старый Поло Гриффо, — он запыляет у меня с одного маху.

Другой предлагал идти за лестницей от церковной колокольни; третий — высадить двери дома Барричини бревном, лежавшим на площади и предназначенным для какой-то постройки. Среди всех этих бешеных голосов слышен был голос Коломбы, объявлявшей своим телохранителям, что перед тем, как приняться за дело, каждый получит от нее большую чарку анисовки.

К несчастью, или, скорее, к счастью, эффект, на который она рассчитывала, поступив так жестоко с бедной лошастью, не достиг цели. Орсо не сомневался, что это варварское увечье было делом рук его врагов, и особенно подозревал Орландуччо; но он не думал, что этот молодой человек, которого он ударил и вызвал на дуэль, решит, что он стер свой позор, разрезав ухо у лошади. Напротив, эта мелкая и низкая месть усиливала его презрение к противникам, и теперь он мысленно соглашался с префектом, что подобные люди не стоят того, чтобы с ними драться. Как только он смог заставить слушать себя, он объявил своим смущенным сторонникам, что им следует отказаться от своих воинственных намерений и что суд накажет того, кто разрезал ухо его лошади.

— Я здесь хозяин, — строго прибавил он, — и я требую, чтобы мне повиновались. Первого, кто осмелится заговорить еще об убийстве или поджоге, я самого подожгу. Оседлать мне серую лошадь!

— Как, Орсо, — сказала Коломба, отведя его в сторону, — вы терпите, чтобы нас так оскорбляли? При жизни отца никогда Барричини не посмели бы изувечить нашу лошадь.

— Обещаю тебе, что им еще придется раскаяться, но наказывать негодяев, у которых хватает храбрости только для нападения на животных, должны жандармы и тюремщики. Я сказал тебе: суд отомстит им за меня ...

или в противном случае тебе не придется напоминать мне, чей я сын.

— Терпение! — сказала Коломба со вздохом.

— Помни, сестра, — продолжал Орсо, — что, если я, вернувшись, узнаю, что против Барричини была допущена какая-нибудь выходка, я тебе этого никогда не прощу. — Потом он прибавил мягче. — Весьма возможно, даже весьма вероятно, что я вернусь с полковником и его дочерью; постарайся, чтобы их комнаты были в порядке, чтобы завтрак был хорош и вообще, чтобы гостям у нас было как можно лучше. Очень хорошо быть храброй, Коломба, но нужно, кроме того, чтобы женщина умела быть хозяйкой в доме. Ну, поцелуй меня! Серую лошадь уже оседлали.

— Орсо, — сказала Коломба, — вы не поедете один!

— Мне никого не нужно, — возразил Орсо, — я ручаюсь, что не дам отрезать себе ухо.

— О, я ни за что не пушу вас одного, когда идет война! Эй, Поло Гриффо! Джан Франче! Меммо! Возьмите ружья! Вы проводите брата.

После довольно жаркого спора Орсо согласился, чтобы его сопровождал конвой. Он взял из своих пастухов самых сердитых, тех, которые громче всех советовали начать войну, и, повторив свое приказание, пустился в путь, на этот раз сделав объезд, чтобы избежать дома Барричини.

Они были уже далеко от Пьетранеры и быстро подвигались вперед, когда при переезде через ручеек, терявшийся в болоте, старый Поло Гриффо заметил несколько свиней, комфортабельно улегшихся в грязи и наслаждавшихся солнцем и холодной водой. Он сейчас же прицелился в самую толстую, выстрелил ей в голову и уложил на месте. Подруги убитой поднялись и побежали с удивительной легкостью, и, несмотря на то, что и другой пастух тоже выстрелил, они целыми и невредимыми добежали до чащи, где и исчезли.

— Глупцы! — закричал Орсо. — Вы принимаете домашних свиней за диких.

— Все нет, Орс Антон, — отвечал Поло Гриффо, — это адвокатово стадо: пусть знает, как калечить наших лошадей.

— Как, негодяи! — закричал Орсо вне себя от ярости. — Вы делаете такие же подлости, как и наши враги? Прочь от меня, презренные! Вы мне не нужны. Вы годны только со свиньями драться! Клянусь богом, я разобью вам головы, если вы осмелитесь ехать за мной.

Пастухи переглянулись в смущении. Орсо пришпорил лошадь и ускакал галопом.

— Вот тебе и раз! — сказал Поло Гриффо. — Стоит любить людей, если они так обращаются с тобой! Его отец, полковник, рассердился на тебя за то, что ты однажды прицелился в адвоката.. Дурак, что не выстрелил... А сынок... ты видел, что я для него сделал... хочет разбить мне голову, как кубышку, в которой больше нет вина. Вот, Меммо, чему учатся на континенте!

— Да, а если узнают, что ты убил свинью, тебя потянут в суд, и Орс Антон не заступится за тебя и не заплатит адвокату. Счастье, что никто не видел, святая Нега выручит тебя из беды.

После краткого обсуждения они пришли к заключению, что самое благоразумное — бросить свинью в овраг, и привели этот проект в исполнение, само собою разумеется, предварительно вырезав каждый по несколько кусков свинины из невинной жертвы взаимной ненависти семей дела Реббиа и Барричини.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Избавившись от своего недисциплинированного конвоя, Орсо продолжал путь, более занятый предстоящим удовольствием увидеться с мисс Невиль, чем боязнь встречи со своими врагами. «Из-за процесса с этими негодными Барричини, — думал он, — мне придется ехать в Бастию. Отчего бы мне не провредить мисс Невиль? Отчего бы из Бастии нам не проехать вместе на воды в Орещу?» И тотчас воспоминания детства ясно представили его воображению это живописное место. Он мысленно перенесся на зеленый лужок, под вековые платаны. На глянцевитой траве, усеянной голубыми цветами, похожими на улыбавшиеся ему глаза, около него сидела мисс Лидия. Она сняла шляпу, и светлые, тонкие и нежные, как шелк, волосы блестели, как золото, на проникавшем

сквозь листву солнце. Ее глаза казались ему синее небесного свода. Опершись щекою на руку, она мечтательно слушала слова любви, которые он трепетно шептал ей. На ней было то самое муслиновое платье, в котором она была в последний раз, когда он видел ее в Аяччо. Из-под складок этого платья выглядывала маленькая ножка в черном атласном башмачке, Орсо считал бы себя счастливым, если бы мог поцеловать эту ножку, но одна рука мисс Лидии была без перчатки, и в этой руке она держала маргаритку. Орсо взял у нее эту маргаритку, рука мисс Лидии пожала его руку, и он поцеловал маргаритку, а потом руку, и на него не сердились... Все эти мысли мешали ему смотреть на дорогу, по которой он ехал, а между тем он ехал рысью. Он уже готов был во второй раз поцеловать в своем воображении белую ручку мисс Невиль, как вдруг едва не поцеловал в действительности голову своей вдруг остановившейся лошади. Маленькая Килина загородила ей дорогу и схватила ее за повод.

— Куда вы едете, Орс Антон? — говорила она. — Разве вы не знаете, что ваш враг здесь?

— Мой враг! — воскликнул Орсо, рассерженный тем, что его прервали на самом интересном месте. — Где он?

— Орландуччо близко. Он ждет вас. Вернитесь, вернитесь!

— А! Он ждет меня? Ты видела его?

— Да, Орс Антон, я лежала в папоротнике, когда он прошел. Он смотрел во все стороны в свою зрительную трубку.

— Откуда он шел?

— Он спустился оттуда, откуда вы едете.

— Спасибо,

— Орс Антон, не лучше ли вам подождать моего дядю? Он сейчас придет, и с ним вы будете в безопасности.

— Не бойся, Кили, мне не нужен твой дядя.

— Если хотите, я пойду перед вами.

— Спасибо, спасибо.

И Орсо, погоняя лошадь, быстро двинулся в ту сторону, куда показала ему девочка.

Его первым душевным движением был порыв слепой ярости, и он решил, что судьба предоставляет ему удобный случай наказать негодяя, который калечит лошадь из

места за пощечину. Но по мере того, как он подвигался вперед, обещание, данное им префекту, и особенно страх пропустить свидание с мисс Невиль изменили его настроение, и он почти желал избежать встречи с Орландуччо. Потом воспоминание об отце, увечье, нанесенное его лошади, угрозы врагов снова воспламенили его гнев и подстрекали найти обидчика и заставить его драться. Волнуемый, таким образом, противоположными чувствами, он продолжал подвигаться вперед, но теперь уже с предосторожностями: он осматривал кусты, изгороди и иногда даже останавливался, прислушиваясь к смутному шуму полей. Через десять минут после встречи с маленькой Килиной (тогда было около девяти часов утра) он очутился на краю очень крутого холма. Дорога, или, лучше сказать, едва проложенная тропинка, по которой он ехал, проходила по только что выгоревшему *маки*. В этом месте земля была покрыта беловатым пеплом; кое-где кустарники и несколько толстых деревьев, почерневших от огня и совершенно лишенных листьев, стояли прямо, несмотря на то, что уже перестали жить. Вид сожженного *маки* переносит в северный зимний ландшафт, и контраст между выгоревшими местами, по которым прошел огонь, и роскошной растительностью вокруг делает его еще более печальным и унылым. Но в этом ландшафте Орсо бросилось сейчас в глаза одно обстоятельство, правда, в его положении очень важное: голая земля не предоставляла возможности устроить засаду, а тому, кто боится каждую минуту увидеть в чаще дуло ружья, направленное ему в грудь, ровная местность, где ничто не останавливает взгляда, кажется чем-то вроде оазиса. За сожженным *маки* следовали обработанные поля, обнесенные по местному обыкновению каменной оградой вышиною человеку по грудь. Тропинка шла между этими загороженными местами; огромные каштановые деревья, росшие там в беспорядке, издали казались густым лесом.

Крутизна спуска заставила Орсо спешиться, и, бросив поводья на шею лошади, он быстро спускался, скользя по пеплу, и был уже не больше как в двадцати пяти шагах от одного из этих огороженных мест, с правой стороны дороги, как вдруг заметил как раз перед собою сначала дуло ружья, а потом голову, высунувшуюся из-за

гребня стены. Ружье опустилось, и в то же мгновение он узнал Орландуччо, готового выстрелить. Орсо быстро занял оборонительное положение, и оба противника, прицелившись, несколько секунд смотрели друг на друга с тем острым волнением, которое испытывает самый храбрый человек в минуту, когда нужно убить или быть убитым.

— Подлый трус! — закричал Орсо.

Он не успел договорить, как вдруг увидел вспышку, и почти в то же время другой выстрел раздался слева, с другой стороны тропинки, — выстрел, сделанный человеком, которого Орсо совсем не заметил и который целил в него из-за другой стены. Обе пули попали в него; пуля Орландуччо пробила ему левую руку, выставленную вперед во время прицела; другая ударила ему в грудь, разорвала платье, но, к счастью, встретила клинок стилета, сплющилась об него и только легко контузила Орсо. Его левая рука бессильно упала вдоль бедра, и на мгновение дуло его ружья опустилось, но он тотчас же поднял его и, целясь одной рукой, выстрелил в Орландуччо. Лицо его врага — он видел только глаза его — исчезло за стеной; Орсо, повернувшись налево, пустил свою другую пулю в едва видного ему за дымом человека. И эта фигура исчезла. Четыре выстрела следовали один за другим с невероятной быстротой; обученные солдаты никогда не сделали бы в беглом огне таких коротких интервалов. После последнего выстрела Орсо все смолкло. Дым, вылетевший из его ружья, медленно поднимался к небу; за стеной не было никакого движения, ни малейшего шума. Если б не боль, которую он чувствовал в руке, он мог бы подумать, что люди, в которых он только что стрелял, — призраки, явившиеся его воображению.

Ожидая новых выстрелов, Орсо сделал несколько шагов, чтобы стать за одно из обгорелых деревьев, еще стоявших стоймя в *маки*. За этим прикрытием он поставил ружье между колен и торопливо зарядил его. Левая рука причиняла ему жестокие страдания, и ему казалось, что он держит ею огромную тяжесть. Что случилось с его противниками, он не мог понять; если бы они убежали, если бы были ранены, он, наверно, услышал бы какой-нибудь шум, какое-нибудь движение в листве. Не были ли они убиты, или, скорее, не ждали ли они за

своими прикрытиями нового случая стрелять по нему? В состоянии неизвестности, чувствуя, что силы его уменьшаются, он стал на правое колено, положил на левое раненую руку, а ружье приставил к суку обгорелого дерева. Держа палец на спуске, зорко смотря на стену и прислушиваясь к малейшему шуму, он не двигался несколько минут, показавшихся ему целым веком. Наконец позади него раздался далекий крик, и тотчас же какая-то собака с быстротою стрелы спустилась с холма и остановилась около него, махая хвостом: это был Бруско, ученик и товарищ бандитов, без сомнения, предвещавший появление своего хозяина, и никогда никто не ждал этого почтенного человека с большим нетерпением, чем теперь Орсо. Собака, подняв морду и повернув ее в сторону ближайшей ограды, беспокойно нюхала воздух; вдруг она глухо зарычала, одним прыжком перескочила через стену и почти сейчас же снова показалась над ее гребнем и оттуда пристально смотрела на Орсо, так ясно выражая своими глазами удивление, как только может сделать это собака; потом она снова понюхала воздух, на этот раз по направлению другой ограды, и опять перескочила через стену. Спустя мгновение она появилась над стеной с тем же удивленным и беспокойным видом; наконец она спрыгнула в *маки*, поджала хвост и, все время посматривая на Орсо, стала медленно уходить от него, пока не отошла на некоторое расстояние. Тогда она снова пустилась бежать и почти так же скоро, как спустилась с холма, взлетела на него, навстречу человеку, который быстро шел, несмотря на крутизну спуска.

— Ко мне, Брандо! — закричал Орсо, как только у него появилась надежда, что тот его услышит.

— Эй, Орс Антон! Вы ранены? — спросил его Брандолаччо, подбежав и почти задыхаясь. — В грудь или в руку?

— В руку.

— В руку? Ну, иичего А тот?

— Кажется, я его задел.

Брандолаччо, идя за своей собакой, подошел к ближайшей ограде, наклонился и заглянул. Затем он снял шапку и сказал:

— Здравствуйте, господин Орландуччо.

Потом он повернулся к Орсо и важно приветствовал и его.

— Вот это, что называется, чистая работа, — сказал он.

— Жив ли он еще? — тяжело дыша, спросил Орсо.

— Да! Будешь жив с пулей, всаженной в глаз! Кровь мадонны! Какая дыра! Ей-богу, славное ружье! Что за калибр! С таким калибром можно разнести голову! Слушайте, Орс Антон: когда я услышал пиф! паф! ну, думаю, черт возьми, ухлопали они моего поручика. Потом слышу: бум! бум! А, думаю себе, вот это говорит английское ружье; он отвечает... Бруско, чего ж тебе еще от меня надо?

Собака привела его к другой ограде.

— Вот тебе раз! — закричал изумленный Брандолаччо. — Двойной выстрел! Черт возьми! Правда, что порох дорогой: вы его бережете

— Что там, скажи, бога ради? — спросил Орсо.

— Ну ладно! Не ломайтесь, поручик! Вы набросали на землю дичи и хотите, чтобы я ее вам подбирал... Ну, сегодня будет плохое угощение одному человечку, адвокату Барричини. Не хочешь ли сырого мяса? Вон оно. Однако какому же дьяволу достанется наследство?

— Винчентелло! Тоже убит?

— Наповал. *Будем здоровы!*¹ Что хорошо с вашей стороны, так это то, что вы не заставили их мучиться. Посмотрите-ка на Винчентелло. Он еще стоит на коленях, прислонившись головой к стене. Точно спит. Вот про этот сон говорят: свинцовый сон. Бедняга!

Орсо с ужасом отвернулся.

— Уверен ли ты, что он мертв?

— Вы как Сампьеро Корсо, который никогда не трагил больше одного выстрела. Видите, тут... в грудь с левой стороны; вот так и Винчилеоне попало под Ватерлоо. Держу пари, что пуля недалеко от сердца. Двойной выстрел!.. Ах, куда уж мне теперь стрелять! Двоих с двух выстрелов!.. По пуле на брата! Если б была третья, он убил бы и папашу... Ну, до следующего раза... Что за выстрел, Орс Антон!.. И ведь никогда такому бра-

¹ *Salute a noi!* Обычное восклицание, заменяющее выражение «Он умер». (Прим. автора.).

вому парню, как я, не удастся сделать двойного выстрела по двум жандармам!

Говоря это, бандит осматривал руку Орсо и разрезал своим стилетом рукав.

— Ничего! — сказал он. — Вот этот сюртук задаст работу синьоре Коломбе... Это что такое? Вот этот разрыв на груди?.. Сквозь него туда ничего не вошло? Нет, а то вы не были бы таким молодцом. Посмотрим; попробуйте двигать пальцами... Чувствуете мои зубы, когда я кусаю вам мизинец?.. Не очень?.. Ничего, это пустяки. Дайте я сниму вам галстук и возьму платок... Пропал ваш сюртук... На кой черт так франтить? Разве вы ехали на свадьбу? Вот, хлебните немного вина... Отчего вы не берете с собой фляжки? Разве можно корсиканцу ходить без фляжки?

Во время перевязки он приостанавливался и восклицал:

— Двойной выстрел! Оба сразу насмерть!.. Посмеется-таки патер... Двойной выстрел!.. А, вот наконец эта маленькая черепаха Килина!

Орсо не отвечал. Он был бледен, как мертвец, и дрожал всем телом.

— Кили! — закричал Брандолаччо. — Посмотри за эту стенку. Ну что?

Девочка, действуя и руками и ногами, вскарабкалась на стену и, увидя труп Орландуччо, сейчас же перекрестилась.

— Это ничего, — продолжал бандит, — пойди посмотри дальше, вон там.

Девочка снова перекрестилась.

— Это вы, дядя? — робко спросила она.

— Я! Да ведь я старик никуда не годный, Кили; это работа этого господина. Поздравь его.

— Синьора будет очень рада, — сказала Килина, — и она будет очень огорчена, когда узнает, что вы ранены, Орс Антон.

— Едем, Орс Антон! — сказал бандит, кончив перевязку. — Вот Килина поймала вашу лошадь. Садитесь, и поедем со мной в Стадзонский *маки*. Хитер будет тот, кто вас там съест. Мы примем вас самым лучшим манером. Когда будем у креста святой Христины, придется слезть с лошади. Вы отдадите ее Килине; она поедет

уведомить вашу сестру; дорогой вы можете дать ей поручения. Вы можете сказать малютке все, Орс Антон. Она скорее даст себя изрубить, чем выдаст своих друзей. Пошла, шельма, чтоб тебя от церкви отлучили, будь ты проклята, плутовка! — говорил он нежным голосом, потому что, будучи суеверным как многие бандиты, боялся взглянуть ребенка, благословляя или хваля его; известно, что враждебные силы *аннокьятуры*¹ имеют дурную привычку делать нам наперекор.

— Куда ты меня хочешь вести, Брандо? — сказал Орсо слабым голосом.

— Черт возьми! Выбирайте: в тюрьму или в *маки*. Но делла Реббиа не знают дороги в тюрьму. В *маки*, Орс Антон.

— Прощайте, все мои надежды! — печально воскликнул раненый.

— Ваши надежды? Какого ж вы еще черта надеялись сделать с двуствольным ружьем? Ах, да! Как они могли вас задеть? Должно быть, эти молодцы живучее кошек.

— Они первые стреляли в меня, — сказал Орсо.

— Правда, я и забыл.. Пиф! Паф! Бум! Бум!.. Двойной выстрел одной рукой!..² Пусть меня повесят, если кто-нибудь сделает лучше... Ну, вот вы и в седле... Перед отъездом взгляните на свою работу. Невежливо уезжать, не простившись.

Орсо пришпорил лошадь; ни за что на свете он не стал бы смотреть на несчастных, которых только что убил.

— Слушайте, Орс Антон, — сказал бандит, взяв поводья лошади, — хотите, я скажу вам откровенно? Ладно! Я не хочу вас обижать, но мне жаль этих бедных молодых людей. Прошу вас, извините меня... Такие красавцы .. такие силачи... такие молодые... С Орландуччо я сколько раз охотился!.. Дня четыре тому назад он дал

¹ *Annocchiatura* — невольное колдовство, производимое взглядом или словами. (Прим. автора.)

² Если какой-нибудь недоверчивый охотник усомнится в двойном выстреле, сделанном г-ном делла Реббиа, я ему могу посоветовать отправиться в Сартене, там ему расскажут, как один из самых достойных и любезных жителей этого города спасся один, с перебитой левой рукой, находясь в положении, по меньшей мере столь же опасном. (Прим. автора.)

мне пачку сигар... Винчентелло всегда был такой весельчак!.. Это правда, вы сделали то, что должны были сделать... а, кроме того, выстрел слишком хорош, чтобы жалеть о нем... Но мне нет дела до вашей мести... Я знаю, что вы правы: когда есть враг, то нужно от него избавиться. Но Барричини — это был старинный род... И вот он выбыл из строя. И еще от двойного выстрела! Это замечательно!

Произнося надгробное слово Барричини, Брандолаччо поспешно вел Орсо, Килину и собаку Бруско в Стадзонский *маки*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Между тем Коломба с той минуты, как, вскоре после отъезда Орсо, она узнала от своих шпионов, что Барричини отправились в поле, была охвачена сильным беспокойством. Она бегала по всему дому, из кухни в комнаты, приготовленные для гостей; она ничего не делала и в то же время чем-то была озабочена; она беспрестанно останавливалась, прислушиваясь, нет ли в деревне какого-нибудь необычного шума. Около одиннадцати часов в Пьетранеру въехала довольно многочисленная кавалькада: полковник с дочерью, со слугами и проводником. Встречая их, Коломба прежде всего спросила:

— Вы видели моего брата?

Потом она спросила у проводника, по какой дороге они ехали, и по его ответам не могла понять, как они не встретили Орсо.

— Может быть, ваш брат ехал верхней дорогой, — сказал проводник, — мы ехали низом.

Но Коломба покачала головой и возобновила свои расспросы. Несмотря на природную твердость — гордость и нежелание выказать слабость перед посторонними еще более увеличивали эту твердость, — ей не удалось скрыть тревогу, которая тотчас же сообщилась полковнику и особенно мисс Невиль, когда Коломба рассказала им о попытке примирения, имевшей такой печальный конец. Мисс Невиль волновалась, требовала, чтобы послали нарочных по всем направлениям, а ее отец вызвался снова сесть на лошадь и ехать с проводником на

поиски Орсо. Опасения гостей напомнили Коломбе ее обязанности, как хозяйки дома. Она заставила себя улыбнуться, попросила полковника сесть за стол и шла двадцать правдоподобных причин для того, чтобы объяснить отсутствие брата. Полковник, считая, что он, как мужчина, должен попытаться успокоить женщин, тоже предложил свое объяснение.

— Держу пари, что дела Реббиа нашел дичь; он не мог устоять против искушения, и мы скоро увидим его с полным ягдташем. Да, — прибавил он, — мы слышали дорогой четыре ружейных выстрела. Два из них были громче, чем два других, и я сказал дочери: «Держу пари, что это дела Реббиа охотится; только мое ружье может бить так громко».

Коломба побледнела, и внимательно смотревшая на нее мисс Лидия без труда поняла, какие подозрения возбуждала в ней догадка полковника. После нескольких минут молчания Коломба неожиданно задала вопрос, первыми или последними были два громких выстрела. Но ни полковник, ни его дочь, ни проводник не обратили внимания на это важное обстоятельство.

Через час ни один из посланных Коломбою еще не вернулся, и она, собравшись с духом, заставила гостей сесть за стол; но, кроме полковника, никто не мог есть. При малейшем шуме на площади она подбегала к окну, потом печально садилась снова и еще печальнее пыталась продолжать с друзьями незначительный разговор, который никого не интересовал и который прерывался долгими паузами.

Вдруг раздался топот лошади, скачущей галопом.

— Ах, на этот раз это брат! — сказала Коломба, вставая.

Но, увидя Килину, сидевшую на лошади Орсо, она закричала душераздирающим голосом:

— Мой брат убит!

Полковник уронил свой стакан, мисс Лидия вскрикнула, все бросились к двери. Прежде чем Килина успела соскочить с лошади, Коломба схватила ее, как перышко, и чуть не задушила, сжимая. Девочка поняла ее ужасный взгляд, и первое, что она сказала, было начало хора из *Отелло*: «Он жив!» Коломба перестала ее душить, и девочка легко, как котенок, упала на землю.

— А те? — спросила Коломба хриплым голосом.

Килина перекрестилась указательным к средним пальцами. Тотчас же смертная бледность на лице Коломбы сменилась живым румянцем. Она бросила огненный взгляд на дом Барричини и, улыбаясь, сказала своим гостям:

— Пойдем пить кофе.

Ириде бандитов пришлось рассказывать долго. Ее корсиканская речь, кое-как переводившаяся Коломбой на итальянский, а мисс Лидией на английский язык, вырвала не одно проклятие у полковника и не один вздох у мисс Лидии, но Коломба слушала бесстрастно; она только так крутила свою камчатную салфетку, как будто бы хотела порвать ее на куски. Она раз пять или шесть прерывала девочку, чтобы заставить ее повторить слова Брандолаччо, что рана не опасна и что он видел и не такие. В заключение Килина передала, что Орсо настоятельно просил бумаги для письма и что он велел сестре умолить даму, которая, может быть, сейчас у них в доме, чтобы она не уезжала, не получив от него письма.

— Это его больше всего мучило, — прибавила девочка, — и я уже поехала, а он снова вернул меня, чтобы еще раз приказать мне передать это поручение. Это он повторял мне уже третий раз.

Узнав об этом приказании брата, Коломба слегка улыбнулась и сжала руку англичанки; та залилась слезами и решила, что лучше не переводить отцу этой части рассказа.

— Да, вы останетесь со мной, дорогая моя, — воскликнула Коломба, обнимая мисс Невиль, — и вы можете нам.

Потом она достала из шкафа кучу старого белья и принялась резать его на бинты и корпию. Трудно было решить, видя ее блестящие глаза, румянец, ее то задумчивое, то спокойное выражение, что сильнее ее волновало: рана Орсо или смерть врагов. Она то наливала полковнику кофе и хвалилась своим искусством варить его, то раздавала полотно мисс Невиль и Килине и учила их сшивать бинты и свертывать их; она в двадцатый раз спрашивала, не очень ли страдает Орсо от своей раны. Беспреестанно прерывая свою работу, она говорила полковнику:

— Двое, такие ловкие, такие страшные!.. Он один, раненый, с одной только рукой... он убил их обоих. Какое мужество, полковник! Разве это не герой? Ах, мисс Невиль! Какое счастье жить в такой спокойной стране, как ваша!.. Я уверена, что вы еще не знаете брата!.. Я говорила: ястреб расправит свои крылья!.. Вы обманывались его кротким видом... Это потому, что когда он с вами, мисс Невиль... Ах, если бы он видел, как вы стараетесь для него!.. Бедный Орсо!

Мисс Лидия совсем не старалась и не могла сказать ни слова. Ее отец спрашивал, почему до сих пор не подали жалобу судье. Он говорил о следствии, о коронере и о многих других тому подобных и совершенно неизвестных на Корсике вещах. Наконец он пожелал узнать, далеко ли от Пьетранеры усадьба этого доброго г-на Брандолаччо, который оказал помощь раненому, и нельзя ли ему самому отправиться туда, чтобы повидаться со своим другом.

Коломба ответила со своим обычным спокойствием, что Орсо в *маки*, что ухаживает за ним один бандит, что для него было бы большим риском показаться, прежде чем выяснятся намерения префекта и судей; наконец, что она распорядилась, чтобы искусный хирург тайно отправился к нему.

— Главное, помните, полковник, что вы слышали четыре выстрела и что вы мне сказали, что Орсо стрелял вторым.

Полковник ничего не понимал, а его дочь только вздыхала и утирала слезы.

Было уже не рано, когда в деревню вошла печальная процессия. Адвокату Барричини привезли трупы его детей; они лежали каждый поперек мула, которого вел крестьянин. Толпа клиентов и праздных зрителей шла за печальным шествием. С ними были жандармы, являющиеся всегда слишком поздно, и помощник мэра, который поднимал руки к небу, то и дело повторяя: «Что скажет господин префект!» Несколько женщин, в том числе и кормилица Орландуччо, рвали на себе волосы и дико глосили. Но их шумное горе не производило такого впечатления, как немое отчаяние человека, привлекавшего к себе все взоры. Это был несчастный отец; переходя от одного трупа к другому, он подымал их головы, испачкан-

ные землю, целовал их в синие губы, поддерживал их окоченевшие члены, как будто бы хотел уберечь их от толчков дороги. Иногда видно было, как он открывал рот, но из его уст не вылетело ни одного крика, ни одного слова; уставив глаза на трупы, он наткнулся на камни, на деревья, на все встречавшиеся ему препятствия

В виду дома Орсо вопли женщин и проклятия мужчин усилились. Когда несколько пастухов-реббианистов осмелились издать торжествующий крик, их противники не могли сдержать негодование «Мщение! Мщение!» — вопило несколько голосов. Полетели камни, и две ружейные пули, пущенные в окна залы, где была Коломба со своими гостями, пробили ставни, и щепки посыпались на стол, за которым сидели обе девушки. Мисс Лидия подняла страшный крик, полковник схватился за ружье, а Коломба, прежде чем он мог удержать ее, бросилась к двери и стремительно отворила ее. Стоя на высоком пороге и вытянув руки, как бы проклиная своих врагов, она воскликнула:

— Подлецы! Вы стреляете в женщин, в чужеземцев! Корсиканцы ли вы? Мужчины ли вы? Презренные! Вы умеете только убивать из-за угла! Нападайте! Я презираю вас! Я одна, мой брат далеко. Убейте меня, убейте моих гостей; это достойно вас... Вы не смеете, трусы, вы знаете, что мы мстим за себя. Ступайте, плачьте, как бабы, и будьте благодарны, что мы не требуем от вас еще крови.

В голосе и позе Коломбы было что-то величественное и страшное; при виде ее испуганная толпа отступила, как при появлении одной из злых фей, о которых на Корсике в зимние вечера рассказывают страшные истории. Помощник мэра, жандармы и несколько женщин воспользовались этим движением толпы и бросились между двумя станами, потому что пастухи-реббианисты уже схватились за оружие, и можно было опасаться, что на площади начнется схватка. Но обе партии были лишены своих вождей, а корсиканцы, дисциплинированные в своей ярости, редко отдаются ей в отсутствие главных зачинщиков междоусобных войн. К тому же Коломба, которую успех сделал благоразумнее, удержала свой маленький гарнизон.

— Дайте поплакать этим бедным людям, — говорила она, — дайте старику унести своих сыновей. Зачем убивать эту старую лисицу, когда у нее уже нет зубов, чтобы кусаться? Джудиче Барричини! Вспомни второе августа! Вспомни окровавленную книжку, в которой ты писал своей вероломной рукой! Мой отец вписал туда свой долг; твои сыновья уплатили его. Я даю тебе расписку, старый Барричини!

Коломба со скрешенными руками, с презрительной улыбкой на устах смотрела, как уносили трупы в дом ее врагов, как потом толпа медленно рассеивалась. Она заперла дверь и, вернувшись в столовую, сказала полковнику:

— Я прошу у вас извинения за своих земляков, полковник. Я никогда не поверила бы, что корсиканцы могут стрелять в дом, где есть чужеземцы, и я стыжусь за свою родину.

Вечером, когда мисс Лидия уходила в свою комнату, полковник пошел за нею и спросил ее, не лучше ли им будет завтра же уехать из этой деревни, где каждую минуту подвергаешься опасности поручить пулю в лоб, и как можно скорее уехать из страны, где только и есть, что убийства да измены.

Мисс Невиль несколько времени не отвечала; было ясно, что предложение отца привело ее в немалое смущение. Наконец она сказала:

— Как мы можем оставить эту несчастную девушку в такое время, когда ей так нужно утешение? Не находите ли вы, папа, что это было бы жестоко с нашей стороны?

— Я о тебе забочусь, дитя мое, — сказал полковник, — и если бы я знал, что ты в безопасности в гостинице Аяччо, уверяю тебя, мне было бы досадно уехать с этого проклятого острова, не пожав руки славному делла Реббиа.

— Ну, так останемся, папа. Давайте уедем, только когда убедимся, что им ничем уже не поможешь.

— Доброе сердце! — сказал полковник, целуя дочь в голову. — Мне нравится, что ты жертвуешь собой, чтобы облегчить чужое горе. Останемся, никогда никто еще не раскаивался в хорошем поступке.

Мисс Лидия не могла заснуть и металась на постели. То она слышала смутный шум, и ей казалось, что это го-

товятся брать приступом дом, то, успокоившись за себя, она думала о бедном раненом, который, должно быть, лежит теперь на холодной земле, и ему нет иной помощи, кроме той, какую он мог ждать от милосердия бандита. Она представляла его себе в крови, тяжело страдающим, и — странное дело — всякий раз, как образ Орсо являлся в ее воображении, он являлся таким, каким она видела его в минуту отъезда, когда он прижимал к своим губам данный ею талисман. Потом она думала о его храбрости. Она говорила себе, что он подверг себя страшной опасности, от которой только что избавился, из-за нее, для того чтобы скорее ее увидеть. Она почти убедила себя, что Орсо дал прострелить себе руку, защищая ее. Она упрекала себя за его рану, но из-за этой раны он еще больше нравился ей. И если знаменитый двойной выстрел не имел в ее глазах той цены, какую имел он в глазах Брандолаччо и Коломбы, то все-таки она находила, что немногие из героев романов проявили бы в такой опасный момент столько бесстрашия и хладнокровия.

Она занимала комнату Коломбы. Над дубовым аналогом рядом с освященной пальмовой ветвью висел на стене миниатюрный портрет Орсо в мундире подпоручика. Мисс Лидия сняла этот портрет, долго рассматривала его и наконец, вместо того чтобы повесить на место, положила около своей постели. Она заснула только на рассвете, и солнце было уже очень высоко, когда она проснулась. У своей постели она увидела Коломбу, которая неподвижно ожидала, когда она откроет глаза.

— Не очень ли вам было скверно в нашем бедном доме? — спросила Коломба. — Я боюсь, что вы совсем не спали.

— Милая моя! Знаете ли вы что-нибудь о нем? — спросила мисс Невиль, приподнявшись на постели.

Она заметила портрет Орсо и, чтобы закрыть его, поспешила бросить на него платок.

— Да, знаю, — ответила Коломба, улыбаясь.

Взяв портрет, она сказала:

— Похож он, по-вашему? Он лучше, чем здесь.

— Боже мой! — сказала совершенно пристыженная мисс Лидия. — Я сняла... в рассеянности ... этот портрет...

Это мой недостаток ... все трогать и ничего не класть на место... Что ваш брат?

— Ничего, все хорошо. Джоканто пришел сюда утром в четвертом часу. Он принес мне письмо для вас, мисс Лидия; Орсо мне не пишет. Правда, в адресе стоит: «Коломбе», но пониже: «для мисс Н...» Сестры совсем не ревнивы. Джоканто говорил, что ему было очень больно, но он все-таки дописал. Джоканто, у которого превосходный почерк, предлагал ему, что он будет писать под его диктовку. Орсо не захотел. Он писал карандашом, лежа на спине. Брандолаччо держал бумагу. Каждую минуту брат старался приподняться, и тогда при малейшем движении в его руке начинались ужасные боли. «Жалко было смотреть», — говорит Джоканто. Вот его письмо.

Мисс Невиль прочла письмо, написанное, без сомнения, для большей предосторожности по-английски. Вот его содержание:

Мадмуазель!

Меня увлекла несчастная судьба; я знаю, что скажут мои враги, какую они выдумают клевету. Мне это безразлично, только бы Вы не поверили ей. С тех пор, как я увидел Вас, я убаюкивал себя безрассудными мечтами. Нужна была эта катастрофа, чтобы показать мне мое безумие; теперь я отрезвел. Я знаю, какое будущее ждет меня я покорен судьбе. Кольцо, которое Вы дали мне и которое я считал счастливым талисманом, я не смею оставить у себя. Я боюсь, мисс Лидия, чтобы Вы не пожалели о том, что отдали его человеку недостойному; вернее, боюсь, что оно будет напоминать мне мое безумие. Коломба передаст Вам его. Прощайте! Вы покидаете Корсику, и я больше никогда не увижу Вас; скажите сестре, что Вы еще уважаете меня; я — говорю это с уверенностью — все еще стою этого уважения.

О д р.

Мисс Лидия, отвернувшись, читала это письмо, а Коломба, внимательно наблюдавшая за нею, подала ей египетский перстень, спрашивая ее взглядом, что это значит. Но мисс Лидия не смела поднять голову и печально смотрела на перстень, то надевая его на палец, то снимая.

— Милая мисс Невиль, — сказала Коломба, — можно мне узнать, что вам пишет мой брат? Пишет он о своем здоровье?

— Нет... об этом он ничего не пишет, — сказала, краснея, мисс Лидия. — Он пишет по-английски. Он просит

меня сказать отцу... он надеется, что префект может устроить...

Коломба, улыбнувшись, села на постель, взяла мисс Невиль за обе руки и, смотря на нее своими пронизательными глазами, сказала:

— Вы будете добры? Ведь вы ответите брату? Вы доставите ему такую радость! Когда пришло его письмо, я думала одно время разбудить вас, но не посмела.

— Напрасно, — сказала мисс Лидия. — Если одно мое слово ему...

— Теперь я не могу послать письмо. Префект приехал, и вся Пьетранера полна его людьми. Потом мы посмотрим. Ах, если бы вы знали моего брата, мисс Невиль, вы бы любили его, как я... Подумайте только, что он сделал! Один против двоих, да еще раненый!

Префект вернулся. Извещенный нарочным помощника мэра, он вернулся в сопровождении жандармов и стрелков, привезя с собой королевского прокурора, секретаря и прочих, чтобы расследовать новую страшную катастрофу, которая усложняла или, пожалуй, завершила вражду соперничавших родов Пьетранеры. Вскоре после приезда он повидался с полковником Невилем и его дочерью и не скрыл от них, что боится, как бы дело не приняло дурного оборота.

— Вы знаете, что бой был без свидетелей, — сказал он, — а за этими бедными молодыми людьми так прочно утвердилась репутация ловкости и храбрости, что никто не хочет верить, чтобы делла Реббиа мог убить их без помощи бандитов, у которых, говорят, он нашел себе приют.

— Это невозможно! — воскликнул полковник. — Орсо делла Реббиа — благородный юноша; я за него рвусь.

— Я верю, — сказал префект, — но королевский прокурор (эти господа всех подозревают) расположен, кажется, не в его пользу. У него в руках бумага, весьма неприятная для вашего друга. Это — угрожающее письмо к Орландуччо, в котором он назначает ему час и место... и это место кажется прокурору засадой.

— Орландуччо отказался драться — так порядочные люди не поступают, — сказал полковник.

— Здесь это не в обычае. Здесь устраивают засады, убивают друг друга из-за угла; вот как делается в этой стране. За него только одно благоприятное показание: одна девочка утверждает, что слышала четыре выстрела, и из них два последних были громче других, словно из ружья крупного калибра, как у делла Реббиа. К несчастью, эта девочка — племянница одного из бандитов, подозреваемых в сообщничестве, и она ответила заученный урок.

— Господин префект, — перебила мисс Лидия, краснея до ушей, — мы были в дороге, когда раздалась выстрелы, и слышали то же самое.

— В самом деле? Это важно. А вы, полковник, вы, без сомнения, заметили то же самое?

— Да, — живо ответила мисс Невиль, — мой отец — знаток оружия, и он сказал: «Вот господин делла Реббиа стреляет из моего ружья».

— И эти выстрелы, которые вы узнали, были именно последними?

— Ведь последними, папа, не правда ли?

У полковника память была не очень хороша, но он всегда боялся противоречить дочери.

— Нужно сейчас же сказать об этом королевскому прокурору, полковник. Впрочем, сегодня вечером мы ждем хирурга, который вскрыет трупы и удостоверит, действительно ли раны нанесены тем оружием, о котором идет речь.

— Я сам дал его Орсо и узнал бы его на дне моря, — сказал полковник. — Храбрый малый!.. Я очень рад, что оно было у него в руках, — не знаю, как бы он выкрутился без моего «Ментона».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Хирург немного запоздал. Дорогой с ним случилось приключение. Его встретил Джоканто Кастрикони и крайне учтиво попросил его помочь одному раненому; его привели к Орсо, и он наложил на рану первую повязку. Потом бандит проводил его довольно далеко и вел с ним весьма почтительный разговор, рассказывая о знамени-

тых пизанских профессорах, которые, по его словам, были его близкими друзьями.

— Доктор, — сказал на прощанье богослов, — вы внушили мне слишком большое уважение, чтобы я считал необходимым напоминать вам, что врач должен быть так же скромным, как и духовник. (Он играл курком своего ружья.) Вы забыли место, где мы имели честь видеться с вами. До свиданья, весьма рад с вами познакомиться.

Коломба умоляла полковника присутствовать при вскрытии трупов.

— Вы знаете, как никто, ружье моего брата, — сказала она, — и ваше присутствие необходимо. Кроме того, здесь столько дурных людей, что мы подвергнемся большому риску, если не будет никого для защиты наших интересов.

Оставшись одна с мисс Лидией, она стала жаловаться на сильную головную боль и предложила ей прогуляться неподалеку от деревни.

— Чистый воздух поможет мне, — говорила она, — я так давно не дышала им!

Во время прогулки она рассказывала мисс Лидии о своем брате, и мисс Лидия, для которой эта тема представляла особый интерес, не заметила, как они удалились на большое расстояние от Пьетранеры.

Солнце уже садилось, когда она обратила на это внимание и попросила Коломбу вернуться. Коломба знала дорогу, значительно, по ее словам, сокращавшую обратный путь, и, оставив тропинку, по которой они шли, двинулась по другой, по которой, по-видимому, ходили гораздо реже. Скоро им пришлось взбираться на такую крутую гору, что она должна была, чтобы удержаться, постоянно цепляться одной рукой за ветви, а другой тащила за собой свою подругу. Через четверть часа такого трудного подъема они очутились на маленькой площадке, поросшей миртами и толокнянкой, между которыми со всех сторон вырастали из земли большие гранитные глыбы. Мисс Лидия очень устала, деревни все еще было видно, вокруг становилось все темнее.

— Знаете, милая Коломба, — сказала она, — я боюсь, как бы мы не заблудились.

— Не бойтесь, — отвечала Коломба. — Пойдем! Идите за мной.

— Но уверяю вас, что вы ошибаетесь: деревня не может быть с этой стороны. Я готова держать пари, что мы от нее удаляемся. Смотрите, видите эти далекие огни? Наверно, это Пьетранера.

— Дорогая моя, — сказала Коломба взволнованно, — вы правы, но в двухстах шагах отсюда... в этом *маки*...

— Ну?

— Там мой брат; я могла бы повидаться с ним и обнять его, если бы вы захотели...

Мисс Невиль посмотрела на нее с удивлением.

— Я ушла из Пьетранеры, не обратив на себя внимания, потому что я была с вами... — продолжала Коломба, — иначе за мной следили бы... Быть около него так близко, и не увидеть его?.. Отчего бы вам не пойти со мной к моему бедному брату? Вы доставили бы ему такую радость!

— Но, Коломба... это было бы неприлично с моей стороны.

— Я понимаю! Вы, городские женщины, вы всегда заботитесь о том, что прилично, а мы, деревенские, думаем только о том, что хорошо.

— Но ведь так поздно!.. И что подумает обо мне ваш брат?

— Он подумает, что его друзья не оставили его, и это даст ему твердость переносить страдания.

— А мой отец! Он будет беспокоиться.

— Он знает, что вы со мной. Ну же! Решайтесь... Вы ведь смотрели сегодня на его портрет, — прибавила она с лукавой улыбкой.

— Нет.. Право, Коломба, я не смею... Там эти бандиты...

— Ну и что ж такого? Эти бандиты не знают вас. Какое вам до них дело? Тем более, вам самой хотелось на них посмотреть.

— Боже мой!

— Послушайте, сударыня, решайтесь. Оставить вас здесь одну я не могу. Неизвестно, что может случиться. Пойдем к Орсо или вернемся вместе в деревню... Я увижусь с братом... бог знает, когда... никогда, быть может ..

— Что вы говорите, Коломба?.. Ну хорошо, пойдёмте, но только на одну минуту, и сейчас же вернемся.

Коломба пожала ей руку и, не отвечая, пошла так

быстро, что мисс Лидия с трудом попевала за ней. К счастью, Коломба скоро остановилась и сказала своей подруге:

— Дальше не пойдем, не предупредив их, а то, пожалуй, еще попадем под пулю.

Она вложила два пальца в рот и свистнула; вскоре после этого послышался лай собаки и не замедлил появиться часовой бандитов. Это был наш старый знакомый пес Бруско, который сейчас же узнал Коломбу и стал служить ей проводником. Долго шли они по узкой тропинке, извивавшейся в *маки*, и наконец увидели двух двигавшихся им навстречу мужчин, вооруженных до зубов.

— Это вы, Брандолаччо? — спросила Коломба. — Где мой брат?

— Там! — ответил бандит. — Идите потихоньку: он спит, а это он первый раз заснул после того происшествия. Слава богу! Вот уж правда, что где пройдет черт, там отлично пройдет и баба.

Девушки осторожно подошли и около огня, благоразумно огороженного стенкой из камней, увидели Орсо, лежавшего на куче папоротника и укрытого *piloni*. Он был очень бледен; слышно было, как он тяжело дышал. Коломба села около него и смотрела на него молча, со сложенными руками, как будто бы молясь. Мисс Лидия, закрыв лицо платком, прижалась к ней, но от времени до времени поднимала голову, чтобы через плечо Коломбы посмотреть на раненого. Прошло четверть часа, и никто не вымолвил ни слова. По знаку патера Брандолаччо вместе с ним углубился в *маки*, к великому удовольствию мисс Лидии, которая впервые нашла, что в бородах и одежде бандитов слишком много местного колорита.

Наконец Орсо шевельнулся. Тотчас же Коломба склонилась над ним и начала целовать его, засыпая вопросами о ране, о боли, о том, не нужно ли ему чего-нибудь. Ответив, что он чувствует себя отлично, Орсо, в свою очередь, спросил у нее, в Пьетранере ли еще мисс Невиль и написала ли она ему. Коломба, нагнувшись над братом, совершенно закрывала от него свою подругу, кроме того, Лидию трудно было узнать в темноте. Ко-

ломба одной рукой держала ее за руку, а другой слегка приподнимала голову раненого.

— Нет, она не дала мне письма к вам.. А вы все думаете о мисс Невиль? Вы, значит, ее очень любите?

— Люблю ли я ее, Коломба?.. Но она... она, может быть, презирает меня теперь.

Мисс Невиль попыталась вырвать руку, но нелегко было заставить Коломбу выпустить добычу: ее маленькая изящная ручка обладала изрядной силой, в чем читатель уже имел случай удостовериться.

— Презирать вас! — воскликнула Коломба. — После того, что вы сделали... Напротив, она так хорошо говорит о вас!.. Ах, Орсо, у меня есть много кое-чего порассказать вам о ней!

Рука хотела вырваться, но Коломба притягивала ее все ближе и ближе к Орсо.

— Но почему же она не отвечает мне? — сказал раненый. — Одной только строчки с меня было бы довольно.

Коломба все тянула руку мисс Невиль и, наконец, вложила ее в руку своего брата; потом она вдруг отодвинулась и рассмеялась.

— Орсо! — воскликнула она. — Не говорите дурно о мисс Невиль, — она отлично понимает по-корсикански.

Мисс Лидия сейчас же отняла руку и пробормотала несколько невнятных слов. Орсо подумал, что он бредит.

— Вы здесь, мисс Невиль! Боже мой, как вы решились? Какое счастье для меня!

С трудом поднявшись, он попытался придвинуться к ней.

— Я провожала вашу сестру, чтобы не догадались, куда она идет... а кроме того.. я тоже хотела... увериться. Ах, как вам здесь плохо!

Коломба сидела у изголовья Орсо. Она осторожно приподняла его и положила его голову к себе на колени. Она обвила его шею руками и знаком подозвала мисс Невиль.

— Ближе, ближе, — говорила она, — больному вредно напрягать голос.

И так как мисс Лидия колебалась, то она опять взяла ее за руку и насильно усадила так близко, что ее платье касалось Орсо, а рука, которую Коломба продолжала держать, лежала на плече раненого.

— Вот так очень хорошо, — весело сказала Коломба. — Не правда ли, Орсо, хорошо в *маки* на биваке в такую прекрасную ночь?

— Да, ночь прекрасная, — сказал Орсо. — Я ее никогда не забуду.

— Как вам, должно быть, больно! — сказала мисс Невиль.

— Мне уже не больно, я хотел бы умереть здесь.

Его правая рука потянулась к руке мисс Лидии, которую Коломба все время держала в плену.

— Вас непременно нужно перенести куда-нибудь, где бы за вами был уход, господин делла Реббиа, — сказала мисс Невиль. — Я не усну после того, как видела, что вам плохо здесь... под открытым небом...

— Если бы я не боялся встретить вас, мисс Невиль, я попробовал бы вернуться в Пьетранеру и дал бы себя арестовать.

— Отчего ж это вы боялись встретиться с нею, Орсо? — сказала Коломба.

— Я не послушался вас, мисс Невиль... и теперь я не посмел бы встретиться с вами.

— Знаете ли, мисс Лидия, вы можете заставить моего брата делать все, что вам угодно! — со смехом сказала Коломба. — Я не позволю вам видеться с ним.

— Я надеюсь, что эта мрачная история выяснится, и скоро вам нечего будет бояться... — сказала мисс Невиль. — Я была бы очень рада, если бы знала, уезжая, что ваша невиновность доказана и... что ваше благородство оценено так же высоко, как и ваша храбрость.

— Вы уезжаете, мисс Невиль? О, не говорите этого слова!

— Что ж делать... Нельзя же отцу вечно охотиться. Он собирается уезжать.

Орсо уронил свою руку, касавшуюся руки мисс Невиль, и все замолчали.

— Ну, вот! — начала Коломба. — Мы вас не пустим. У нас в Пьетранере найдется что показать вам. Кроме того, вы обещали мне нарисовать мой портрет, а вы еще его и не начинали. И потом я обещала вам *serenata* в семьдесят пять куплетов. И потом... Но чего это рычит Бруско? Вон Брандолаччо бежит за ним. Посмотрим, что там такое.

Она сейчас же встала и, без церемонии положив голову Орсо на колени к мисс Невиль, побежала к бандитам.

Немного удивленная тем, что очутилась в *маки* наедине с молодым человеком, голова которого лежала у нее на коленях, мисс Невиль не знала, что ей делать — она боялась неловким движением причинить раненому боль. Но Орсо сам оставил нежную опору, которую только что нашла для него сестра, и, опершись на правую руку, сказал:

— Итак, вы скоро уезжаете, мисс Лидия? Я никогда и не думал, чтобы вам можно было оставаться в этом несчастном краю... и однако... с той минуты, как вы пришли сюда, я во сто раз больше страдаю от мысли, что нужно проститься с вами... Я бедный поручик... без будущего ... теперь беглец... Сейчас не время говорить, что я вас люблю... но ведь это единственная возможность высказать вам это, и мне кажется, что теперь, когда я облегчил свое сердце, я не так несчастлив.

Мисс Лидия отвернулась, как будто бы темнота не скрывала краски, проступившей на ее лице.

— Господин делла Реббиа, — сказала она дрожащим голосом, — разве я пришла бы сюда, если бы не... — И, говоря это, она вложила в руку Орсо египетский талисман. Потом, сделав страшное усилие, заговорила своим обычным шутливым тоном:

— С вашей стороны, господин Орсо, очень дурно говорить такие вещи. Вы знаете, что в *маки*, среди ваших бандитов, я никогда бы не посмела рассердиться на вас.

Орсо сделал движение, чтобы поцеловать руку, отдававшую ему талисман, и так как мисс Лидия отняла ее слишком быстро, то он потерял равновесие и упал на раненую руку. Он не мог удержаться от болезненного стоны.

— Милый мой, вам больно? — вскрикнула она, поднимая его. — Это я виновата! Простите меня.

Они несколько времени говорили очень тихо и находились очень близко друг от друга. Прибывавшая Колomba застала их в том же положении, в каком оставила.

— Стрелки! — закричала она. — Орсо, попробуйте встать и идти, я помогу вам.

— Оставьте меня, — сказал Орсо. — Скажите бандитам, пусть они спасаются... Пусть меня возьмут, мне все равно; только уведи мисс Лидию, бога ради, прошу тебя, — чтобы ее не застали здесь.

— Я не покину вас, — сказал Брандолаччо, прибежавший вслед за Коломбой. — Сержант стрелков — крестник адвоката; вместо того, чтобы взять вас, он вас убьет, а потом скажет, что сделал это нечаянно.

Орсо попробовал встать, он даже сделал несколько шагов, но скоро остановился.

— Я не могу идти, — сказал он, — а вы бегите. Прощайте, мисс Невиль, дайте мне руку и прощайте!

— Мы не бросим вас! — закричали обе девушки.

— Если вы не можете идти, — сказал Брандолаччо, — значит, мне нужно вас нести. Ну, поручик, подбодритесь. Мы успеем ускользнуть вон через тот овраг. Господин патер отвлечет их.

— Нет, оставьте меня, — сказал Орсо, ложась на землю. — Коломба, бога ради, уведи мисс Невиль!

— Вы сильная, синьора Коломба, — сказал Брандолаччо, — берите его за плечи, а я возьму за ноги. Ладно! Вперед, марш!

Они быстро понесли Орсо, несмотря на его протесты; мисс Лидия в смертельном страхе поспевала за ними; вдруг раздался выстрел, на который ответило сразу несколько. Мисс Лидия вскрикнула, Брандолаччо выругался, но пошел вдвое быстрее; по его примеру и Коломба бежала сквозь *маки*, не обращая внимания на ветви, хлеставшие ее по лицу и рвавшие ее платье.

— Нагнитесь, нагнитесь, дорогая, — говорила она подруге, — в вас может попасть пуля.

Так они шли или, вернее, бежали шагов пятьсот, пока Брандолаччо не объявил, что он больше идти не в силах, и свалился на землю, несмотря на увещевания и упреки Коломбы.

— Где мисс Невиль? — спрашивал Орсо.

Мисс Невиль, перепуганная выстрелами, останавливаясь каждую минуту в зарослях *маки*, скоро потеряла след беглецов и осталась одна во власти смертельного страха.

— Она отстала, — сказал Брандолаччо. — Ну, да она не пропадет! Женщина всегда сыщется. Слышите, Орсо

Антон, какую трескотню поднял патер из вашего ружья? Беда только, что ни зги не видно, от ночной перестрелки никакого толку.

— Тише! — сказала Коломба. — Слышите, лошадь? Мы спасены!

— Мы спасены! — повторил Брандолаччо.

Подбежать к лошади, схватить ее за гриву, вдеть ей в рот вместо удил веревочную петлю было минутным делом для бандита, которому помогала Коломба.

— Теперь предупредим патера, — сказал он.

Он свистнул два раза; далекий свист отозвался на этот сигнал, и выстрелы ментоновского ружья перестали раздаваться. Брандолаччо вскочил на лошадь; Коломба положила брата перед бандитом, — тот одной рукой обхватил его, а другой стал править лошадь. Поощренная двумя здоровыми пинками в брюхо, лошадь, несмотря на двойную тяжесть, проворно тронулась, а затем пустилась вскачь с обрыва — там, где сто раз убились бы любая не корсиканская лошадь.

Коломба воротилась и стала изо всей мочи звать мисс Невиль, но никто не отвечал ей. Несколько времени она шла наудачу, стараясь найти прежнюю дорогу, и на узкой тропинке встретила двух стрелков, крикнувших ей:

— Кто идет?

— А, господа! — сказала она насмешливым тоном. — Вот так перестрелка! Сколько убитых?

— Вы были с бандитами, — сказал один из солдат. — Вы пойдете с нами.

— Охотно, — ответила она, — но у меня здесь подруга, нам сначала нужно найти ее.

— Ваша подруга уже задержана, и вы пойдете с ней в тюрьму.

— В тюрьму? Ну, это мы еще посмотрим! А куда ведите меня к ней.

Стрелки отвели ее на стоянку бандитов, и они подобрали трофеи своего похода, то есть *piloni*, которым был покрыт Орсо, старый котел и кружку с водой. Тут же была и мисс Невиль; солдаты нашли ее полумертвую от страха, и она отвечала слезами на все их расспросы о числе бандитов и о направлении, по которому они ушли.

Коломба бросилась к ней в объятия и сказала ей на ухо:

— Они спасены!

Потом она обратилась к сержанту:

— Господин сержант, вы видите, что барышня ничего не знает о том, что вы у нее спрашиваете. Отпустите нас в деревню: там нас ждут с нетерпением.

— Вас, моя милочка, отведут туда даже скорей, чем вы хотите, — сказал сержант, — и вам придется объяснить, что вы делали в такое время в *маки* с этими разбойниками, что сейчас убежали. Я не знаю, каким образом колдуют эти плуты, но они, наверно, заговаривают девочек, потому что где бандиты, там и красотки.

— Вы очень любезны, господин сержант, — сказала Коломба, — но я советую вам быть осторожнее. Эта барышня — родня префекту, с ней не шутите.

— Родня префекту! — шепнул один из стрелков своему начальнику. — И то! Она в шляпке.

— Шляпка ничего не значит, — сказал сержант. — Они обе были с патером, а он первый сердцеед во всей стране. Мой долг отвести их. Да и делать нам здесь больше нечего. Не будь этого проклятого капрала Топена... этот пьяница-француз показался прежде, чем я оцепил *маки*... Не будь его, мы захватили бы их, как в сетку.

— Вас семеро? — спросила Коломба. — Знаете ли, господа, что если бы братья Гамбини, Сарокки и Теодоро Поли были с Брандолаччо и патером у креста святой Христины, они могли бы задать вам жару. Если б вам пришлось толковать с *начальником полей*¹, я постаралась бы при этом не присутствовать. Ночью пуля не разбирает.

Возможность встречи с названными Коломбой страшными бандитами, казалось, произвела на стрелков впечатление. Продолжая ругать эту французскую собаку, капрала Топена, сержант приказал отступить, и маленькое войско двинулось по дороге к Пьетранере, захватив с собой *piloni* и котел. С кружкой разделались ударом ноги. Один из стрелков хотел взять мисс Лидию за руку, но Коломба оттолкнула его.

— Не смейте трогать ее, — сказала она. — Вы думаете, мы хотим убежать? Пойдемте, Лидия, милая, обопритесь на меня и не плачьте, как девочка. Ну, случилось при-

¹ Такое прозвище было у Теодоро Поли. (Прим. автора).

ключение, но ведь оно не кончилось дурно; через полчаса мы сможем поужинать. Я просто умираю от голода.

— Что обо мне подумают? — тихо говорила мисс Лидия.

— Подумают, что вы заблудились в *маки*, вот и все.

— Что скажет префект? А главное, что скажет мой отец?

— Префект?.. Вы посоветуете ему заниматься своей префектурой. Ваш отец?.. По тому, как вы говорили с Орсо, я заключаю, что у вас найдется, что сказать вашему отцу.

Мисс Лидия молча пожала ей руку.

— Не правда ли? — шептала ей на ухо Коломба. — Мой брат стоит того, чтобы его любить? Ведь вы любите его немножко?

— Ах, Коломба, — отвечала мисс Лидия, улыбаясь, несмотря на свое смущение. — Вы выдали меня, а я так доверяла вам!

Коломба обняла ее за талию и поцеловала в лоб.

— Моя маленькая сестричка, — сказала она тихонько, — вы меня прощаете?

— Приходится простить, моя строгая сестра, — ответила Лидия, возвращая ей поцелуй.

Префект и королевский прокурор остановились у помощника мэра, и полковник, сильно беспокоясь за дочь, в двадцатый раз пришел к ним узнать, нет ли о ней какого-нибудь известия, когда стрелок, отряженный сержантом в качестве вестового, доложил о лютой битве с бандитами, битве, в которой, правда, не было ни убитых, ни раненых, но зато были захвачены котел, *piloni* и две девушки, по уверению стрелков, любовницы или шпионки бандитов. С такой рекомендацией появились под конвоем две пленницы. Можно представить себе сияющее лицо Коломбы, стыд ее подруги, удивление префекта, радость и изумление полковника. Королевский прокурор не мог лишить себя злорадного удовольствия учинить мисс Лидии нечто вроде допроса и прекратил его, только приведя ее в совершенное смущение.

— Мне кажется, что мы можем выпустить их на свободу, — сказал префект. — Эти девицы прогуливались в хорошую погоду — ничего не может быть естественнее;

случайно они встретили очень милого молодого раненого — тоже ничего нет естественнее.

Потом он обратился к Коломбе:

— Синьора, вы можете уведомить вашего брата, что его дело приняло лучший оборот, чем я надеялся. Вскрытие трупов и показание полковника доказывают, что он только защищался и что во время схватки он был один. Все уладится, но нужно, чтобы он скорее покинул *маки* и дал себя арестовать.

Было около одиннадцати часов, когда полковник, его дочь и Коломба сели за остывший ужин. Коломба ела с большим аппетитом, насмехаясь над префектом, королевским прокурором и стрелками. Полковник ел молча, все время смотря на дочь, которая не поднимала глаз от тарелки. Наконец мягко, но серьезно он спросил по-английски:

— Лидия, ты дала слово делла Реббиа?

— Да, папа, сегодня, — ответила она краснея, но твердо.

Потом она подняла глаза и, не замечая на лице отца никаких признаков гнева, кинулась к нему в объятия и поцеловала его, как делают в подобных случаях благовоспитанные девицы.

— В добрый час! — сказал полковник. — Он славный малый; но, черт возьми, мы не будем жить на его проклятой родине, или я не дам своего согласия.

— Я не понимаю по-английски, — сказала Коломба, смотревшая на них с крайним любопытством, — но я держу пари, что угадала, о чем вы говорите.

— Мы говорим, — отвечал полковник, — что заставим вас уехать в Ирландию.

— Хорошо, я согласна; и я буду *surella Colomba*¹. Так, полковник? Ударим по рукам?

— В таких случаях целуются, — сказал полковник.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Через несколько месяцев после двойного выстрела, повергшего в смятение общину Пьетранеры (так писали газеты), молодой человек с левой рукой на перевязи вы-

¹ Сестрица Коломба (*корсик.*). (Прим. автора.).

ехал после полудня из Бастии и направился к деревне Кардо, известной своим фонтаном, который летом доставляет превосходную воду изнеженным жителям города. Его сопровождала молодая женщина, высокого роста и замечательной красоты, верхом на маленькой вороной лошадке, которая привела бы знатока в восторг своей резвостью и своими статями, но у которой, к несчастью, по странной случайности, было разрезано одно ухо. В деревне молодая женщина проворно спрыгнула на землю, помогла своему спутнику слезть с лошади и отвязала от луки своего седла довольно тяжелые переметные сумки. Лошади были отданы на попечение крестьянину; женщина, пряча сумки под своим *mezzaro*, и молодой человек с двуствольным ружьем направились в горы по очень крутой тропинке, которая, казалось, не вела ни к какому жилью. Дойдя до одного из уступов горы Кверчо, они остановились и оба сели на траве. Казалось, они кого-то ждали, потому что беспрестанно окидывали взглядом гору, а молодая женщина часто смотрела на хорошенькие часы, может быть, столько же для того, чтобы полюбоваться недавно приобретенной вещицей, сколько для того, чтобы знать, не пришел ли час свидания. Они ждали недолго. Из *маки* вышла собака и на кличку «Бруско», произнесенную молодой женщиной, бросилась к ним ласкаться. Немного времени спустя показались двое бородатых мужчин с ружьями в руках, с патронными сумками на поясах с пистолетами сбоку. Их порванная, вся в заплатках одежда составляла контраст с великолепным оружием известной европейской марки. Несмотря на видимое неравенство положения, все четыре действующих лица этой сцены встретились, как старые друзья.

— Ну, Орс Антон, — сказал старший из бандитов молодому человеку, — вот и кончилось ваше дело за отсутствием состава преступления. Поздравляю. Мне жаль, что адвоката нет на острове, а то я посмотрел бы, как он бесится. А ваша рука?

— Мне сказали, что через две недели можно будет снять повязку, — сказал молодой человек. — Добрый мой Брандо, завтра я еду в Италию, и мне хотелось попроситься с тобой, так же как и с господином патером. Вот почему я просил вас прийти.

— Вы очень торопитесь, — сказал Брандолаччо. — Вчера вас оправдали, а завтра вы уже едете.

— Есть дела, — весело сказала молодая девушка. — Господа, я принесла вам ужин: кушайте и не забудьте моего друга Бруско.

— Вы, синьора Коломба, балуете Бруско, но он благодарный пес, вы это сейчас увидите. Ну, Бруско, — сказал он, горизонтально протягивая ружье, — прыгни в честь Барричини!

Собака не тронулась с места и, облизываясь, смотрела на хозяйина.

— Прыгни в честь делла Реббиа!

И тут Бруско прыгнул на два фута выше, чем от него требовалось.

— Слушайте, друзья, — сказал Орсо, — вы занимаетесь дурным ремеслом, и если вам не придется кончить свое поприще вон на той площади внизу, что видна отсюда¹, то самое лучшее, что может случиться с вами, — это пасть в *маки* от жандармской пули.

— Ну что ж! — сказал Кастрикони. — И это смерть, не хуже всякой другой; лучше умереть так, чем от лихорадки, которая убьет вас в постели среди более или менее искренних рыданий ваших наследников.

— Я был бы рад, если б вы покинули эту страну, — продолжал Орсо, — и стали бы вести более спокойную жизнь. Например, отчего бы вам не устроиться в Сардинии, как сделали многие из ваших товарищей? Я мог бы вам в этом помочь.

— В Сардинии! — воскликнул Брандолаччо. — *I stos sardos*², чтоб их черт побрал вместе с их наречием. Это для нас слишком дурная компания.

— В Сардинии нечем жить, — прибавил богослов. — Что до меня, я презираю сардинцев. Для охоты за бандитами у них есть конная милиция; это кладет пятно и на бандитов и на всю страну³. Провались она, Сардиния!

¹ Площадь в Бастии, на которой совершаются казни. (*Прим. автора.*)

² Ах, эти сарды! (*лат.*)

³ Это критическое замечание о Сардинии принадлежит одному моему приятелю, бывшему бандиту, всецело за него ответственному. Он хочет сказать, что бандиты, позволяющие захватить себя всадникам, очень глупы и что милиционер, преследующий бандитов верхом, ни за что бы их не настиг. (*Прим. автора.*)

Меня удивляет, синьор делла Реббиа, как это вы, человек образованный и со вкусом, раз попробовав пожить с нами в *маки*, не остались у нас.

— Но ведь когда я был вашим нахлебником, сказал, улыбаясь, Орсо, — я был совсем не в таком состоянии, чтобы оценивать прелесть вашего положения: у меня до сих пор болят бока, когда вспомню, как в одну прекрасную ночь друг мой Брандолаччо скакал на лошади без седла, перекинув меня поперек, как какой-нибудь тюк.

— А удовольствие уйти от погони? — возразил патер. — Вы его ни во что ставите? Как вы можете оставаться нечувствительным к прелести полной свободы в таком прекрасном климате, как наш? С этим надежным товарищем в руках (он показал на свое ружье) вы король всюду, куда достаёт его пуля. Вы повелеваете, вы наказываете виновных... Это весьма нравственное и весьма приятное развлечение, синьор делла Реббиа, и мы никогда не отказываем себе в нем. Какая жизнь может сравниться с жизнью странствующего рыцаря, у которого и оружие и здравый смысл лучше, чем у Дон Кихота? Слушайте: однажды я узнал, что дядя маленькой Лиллы Луиджи, этот старый скряга, не хочет давать ей приданого; я написал ему — без угроз, это не в моем вкусе — ну и сейчас же убедил человека: он выдал ее замуж. Я составил счастье двух существ. Поверьте мне, синьор Орсо: ничто не может сравниться с жизнью бандита. Эх!.. Вы, может быть, были бы нашим, если б не одна англичанка, которую я видел только мельком, но о которой там, в Бастии, все говорят с восторгом.

— Моя будущая невестка не любит *маки*, — сказала, смеясь, Коломба, — ее там напугали.

— Итак, вы хотите остаться здесь, — сказал Орсо. — Пусть будет по-вашему. Скажите, могу я сделать что-нибудь для вас?

— Помните о нас немножко, вот и все, — отвечал Брандолаччо. — Вы и так много для нас сделали. Кили-а теперь с приданым, и чтобы пристроить ее, стоит только моему другу патеру написать несколько писем без угроз. Мы знаем, что ваш фермер будет давать нам хлеба и пороху сколько нам понадобится. Итак, до

свиданья. Надеюсь еще увидиться с вами когда-нибудь на Корсике.

В черный день несколько золотых будут очень кстати, — сказал Орсо. — Мы старые знакомые, не откажитесь принять от меня этот маленький сверток: он пригодится вам.

— Никаких денег, поручик, — решительно возразил Брандолаччо.

— В городах деньги — это все, — добавил Кастрикони, — а в *маки* дороги только смелое сердце да ружье без осечки.

— Я не хотел бы расстаться с вами, не оставив вам что-нибудь на память, — возразил Орсо. — Ну, Брандо, что бы тебе дать?

Бандит почесал голову и искоса посмотрел на ружье Орсо.

— Знаете, поручик... Если б я посмел... да нет, вы им слишком дорожите.

— Чего тебе хочется?

— Ничего, сама штука-то ничего не значит. Нужно уметь обращаться с нею. Я все думаю об этом чертовском двойном выстреле одной рукой... Нет, такие вещи не повторяются.

— Ты хочешь это ружье? Я отдам тебе его, но пусть оно служит тебе как можно реже.

— Я не обещаю стрелять из него так же метко, как вы, но будьте покойны: когда оно попадет в руки кого-нибудь другого, тогда вы смело сможете сказать, что Брандо Савелли не умел держать в руках ружье.

— А что мне дать вам, Кастрикони?

— Так как вы непременно хотите оставить мне о себе какую-нибудь вещественную память, то я без церемонии попрошу вас прислать мне Горация возможно меньшего формата. Это доставит мне развлечение и не даст мне забыть латыни. В Бастии на пристани одна там... продает сигары, отдайте ей, а она передаст мне...

— Я пришлю вам эльзевир, господин ученый; у меня есть один экземпляр среди книг, которме я хотел увезти с собой... Ну, друзья мои, пора. Пожмем друг другу руки. Если вы вздумаете уехать в Сардинию, напишите мне. Адвокат Н. даст вам мой адрес на континенте.

— Поручик, — сказал Брандо, — завтра, когда вы вый-

дете из гавани, смотрите на гору, на это место: мы будем здесь и помахаем вам платками.

И они расстались. Орсо с сестрой двинулись по направлению к Кардо, а бандиты ушли в горы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В прекрасное апрельское утро полковник сэр Томас Невиль, его дочь, несколько дней тому назад вышедшая замуж, Орсо и Коломба выехали в коляске из Пизы, чтобы побывать в недавно открытом этрусском подземелье, которое ездили смотреть все иностранцы. Спустившись в подземелье, Орсо с женой вынули карандаши и сочли своим долгом зарисовать роспись стен; полковник же и Коломба, оба довольно равнодушные к археологии, оставили их вдвоем и пошли гулять по окрестностям.

— Милая Коломба, — сказал полковник, — мы не успеем вернуться в Пизу к нашему *luncheon*¹. Вам хочется есть? Орсо с женой увлеклись древностями; уж как примутся рисовать вместе, до завтра не кончат.

— Да, — сказала Коломба, — а между тем они еще не принесли ни одного рисунка.

— По моему мнению, нам следует зайти вон на ту маленькую ферму. Там мы найдем хлеб, может быть, *алетико*. И — кто знает? — может быть, даже сливки и землянику. И будем терпеливо ждать наших рисовальщиков.

— Ваша правда, полковник. Вы и я — рассудительные люди в семье, и нам не следует делать себя мучениками из-за этих влюбленных, которые живут одной поэзией. Дайте мне руку. Не правда ли, я совершенствуюсь? Я хожу под руку, ношу шляпы, модные платья; у меня есть золотые безделушки, я научилась многим прекрасным вещам, я больше не дикарка. Посмотрите, с какой грацией я ношу шаль... Этот блондин, этот офицер вашего полка, что был на свадьбе... Боже мой, я не могу запомнить его фамилии... Высокий, кудрявый; я сбила бы его с ног одним ударом кулака...

— Четворт? — спросил полковник.

¹ Завтрак (англ). (Прим. переводчика.).

— Кажется, так, только этого я никогда не выговорю. Ну, так он влюблен в меня без памяти

— Ах, Коломба! Вы становитесь кокеткой... У нас скоро будет другая свадьба.

— Чтобы я вышла замуж! А кто же будет воспитывать моего племянника, когда мне подарит его Орсо? Кто же научит его говорить по-корсикански? И чтобы вас взбесить, я сделаю ему остроконечную шапку.

— Сначала подождем, пока у вас будет племянник, а там уж научите его играть стилетом, если вам это нравится.

— Прощайте, стилеты! — весело сказала Коломба. — Теперь у меня есть веер, чтобы бить вас по пальцам, когда вы будете говорить дурно о моей родине.

Разговаривая таким образом, они вошли на ферму, — там было и вино, и земляника, и сливки. Коломба помогала фермерше рвать землянику, а полковник в это время пил *алеатико*. На повороте аллеи Коломба заметила старика, сидевшего на солнце в соломенном кресле; казалось, он был болен, потому что его щеки ввалились, глаза впали; он был необыкновенно худ, и его неподвижность, бледность, остановившийся взгляд делали его похожим скорее на мертвеца, чем на живое существо. Несколько минут Коломба рассматривала его с таким любопытством, что привлекла к себе внимание фермерши.

— Этот бедный старик, — сказала она, — ваш земляк, — я ведь вижу по вашему выговору, что вы корсиканка, синьора. С ним на родине случилось несчастье: его дети умерли ужасной смертью. Простите меня, синьора, но говорят, что ваши земляки не очень милостивы к своим врагам. Этот человек остался один; он приехал оттуда в Пизу к своей дальней родственнице, владелице этой фермы. Бедняга с горя и печали немножко рехнулся... Это стесняло барыню, у нее бывает много гостей, она и отослала его сюда. Он очень смирен, никому не мешает, за целый день и трех слов не скажет. Тронулся! Доктор ездит каждую неделю и говорит, что он долго не протянет.

— Он безнадежен? — спросила Коломба. — В его положении это счастье.

— Поговорите с ним по-корсикански, синьора, он, может быть, немного подбодрится, если услышит родной язык.

— Посмотрим, — сказала Коломба с иронической улыбкой и подошла к старику так, что закрыла собою солнце. Бедный слабоумный поднял голову и стал пристально смотреть на Коломбу, которая тоже смотрела на него, все время улыбаясь. Мгновение спустя он провел рукой по лбу и закрыл глаза, как будто желая избежать ее взгляда. Потом он открыл их, но уже совсем широко; его губы дрожали; он хотел протянуть руку, но, завороченный Коломбой, остался прикованным к своему креслу, не будучи в состоянии ни говорить, ни двигаться. Наконец крупные слезы потекли по его щекам и из груди вырвались рыдания.

— В первый раз я вижу его таким, — сказала садовница. — Эта синьора — ваша землячка; она приехала познакомиться с вами, — обратилась она к старику.

— Сжался! — воскликнул он хриплым голосом. — Сжался! Неужели тебе еще мало? Листок этот... что я сжег... Как ты сумела его прочесть? Но за что же обоих? Орландуччо... Ты ничего не могла о нем прочесть... Нужно было оставить мне одного... только одного... Орландуччо... Ты не прочла его имени.

— Мне нужны были оба — тихо сказала Коломба по-корсикански. — Ветви обрезаны, и если бы ствол не сгнил, я вырвала бы и его... Не жалуйся — тебе недолго страдать! А я страдала два года!

Старик вскрикнул, и голова его упала на грудь. Коломба повернулась к нему спиной и медленно пошла к дому, невнятно напевая слова *ballata*: «Мне нужна рука, что стреляла, глаз, что целился, сердце, что думало...»

Пока садовница хлопотала, помогая старику, Коломба с разгоревшимся лицом и блестящими глазами села за стол напротив полковника.

— Что с вами? — спросил он. — Вы теперь такая же, как были в Пьетранере в тот день, когда в нас стреляли во время обеда.

— Я вспомнила Корсику. Но это все в прошлом. Я буду крестной, не правда ли? О, какие славные имена я ему дам: Гильфуччо-Томмазо-Орсо-Леоне.

В это время вошла садовница.

— Ну, что? — совершенно спокойно спросила Коломба. — Он умер или только в обмороке?

— Сейчас уже ничего, синьора, но странно, как ваш вид подействовал на него.

— И доктор сказал, что он недолго протянет?

— Месяца два.

— Потеря небольшая, — заметила Коломба.

— О ком вы говорите? — спросил полковник.

— Об одном слабоумном из нашего края, — равнодушно сказала Коломба, — он живет здесь. Я буду справляться о нем. Послушайте, полковник, оставьте же земляники брату с Лидией!

Когда Коломба вышла, чтобы сесть в коляску, фермера несколько времени провожала ее взглядом.

— Посмотри на эту хорошенькую синьору, — сказала она своей дочери. — Я уверена, что у нее дурной глаз.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 159. ... *пелазгических или циклопических ворот в Сеньи...* — Остатки гигантских сооружений каменного века в итальянском городе Сеньи, километрах в пятидесяти от Рима.

Стр. 160. *Тердесьен* — один из сортов темно-красной краски (так называемая «сиенская земля»).

Стр. 161. *Сент-Джемс-Плейс* — площадь в одном из аристократических районов Лондона.

Стр. 162. *Бульбаес* — рыбный суп.

Тот — имеется в виду Наполеон I.

Стр. 165. *Меня оставили с половинным жалованьем.* — Правительство Бурбонов так обычно поступало со всеми наполеоновскими офицерами.

Стр. 167. ...*под Витторией...* — В этом сражении в Северной Испании соединенные англо-испанские войска под командой Веллингтона нанесли поражение французам (1813).

Стр. 168. *Санто Санто.* — Так в Италии и Испании называют украшенные надгробиями и памятниками городские кладбища.

Наклонная башня — сооружение XII века с семью ярусами аркад романского стиля. В результате опускания почвы эта башня немного наклонилась, но уже больше не меняла своего положения.

Орканья, Андреа ди Чьоне Арканьоло (ок. 1308—1368) — флорентийский художник и скульптор.

Стр. 169. *Веллингтон*, *Артур* (1769—1852), герцог — англий-

ский полководец, участник войн с Наполеоном, командовал войсками союзников в битве при Ватерлоо (1815).

Блюхер, Геггард (1742—1819) — немецкий генерал; подход его корпуса во время битвы при Ватерлоо окончательно решил исход сражения в пользу союзников.

Стр. 170. *Филиппини*, Антонио-Пьетро (ок. 1529—1594) — французский историограф, корсиканец по рождению; его пятитомная «История Корсики» была переиздана в 1827—1832 годах; Мериме пользовался этим изданием.

Стр. 171. *Сампьеро* д'Орнано (1498—1567) — корсиканский военачальник и патриот, прославившийся своей борьбой с Генуей.

Стр. 173. *Фьеско*, Джан Луиджи, граф Лаванья (1522—1547) — глава заговора против генуэзского кондотьера Андреа Дориа.

Стр. 175. *Аттила* — вождь гуннов; в 452 году н. э. вторгся в Италию и опустошил ее.

Стр. 178. *Маркиз Маскариль*. — Это имя и титул присвоил себе слуга в комедии Мольера «Смешные жеманницы», по указанию своего господина изображающий знатного вельможу и выходящий изысканно и запутанно.

Стр. 182. *Ментон* — город в Англии (графство Рэтленд), на заводах которого изготовлялось огнестрельное оружие высокого качества.

Стр. 183. *Франческа да Римини*. — В «Аде» Данте (песнь V) рассказывается о любви Франчески да Римини и Паоло Малатеста, брата ее мужа. Они открылись друг другу в любви, читая рыцарский роман о любовных похождениях Ланселота.

Стр. 186. *Фидий* (ок. 490—430 до н. э.) — скульптор Древней Греции.

По правилу Горация... — Мериме приводит далее слова из «Поэтического искусства» Горация (стих 148), сказанные им относительно Гомера.

Стр. 189. ...«от природы боялся побоев», как *Панург*, — намек на одну из «черт характера» героя романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. II, гл. 21).

Стр. 196. *Компания*. — Имеется в виду Ост-Индская торговая компания, державшая в своих руках всю английскую торговлю с Индией и наживавшая на этом огромные деньги. Компания безжалостно эксплуатировала индусов.

Стр. 197. *Скарабей* (жук) — особым образом обработанный драгоценный камень.

Стр. 200. *Конрад* — герой поэмы Байрона «Корсар» (1814).

Стр. 205. *Марбеф*, Луи-Шарль-Рене (1712—1786) — губернатор Корсики.

Стр. 207. ...*Под Катр-Бра...* — Эта битва на территории Бельгии состоялась 16 июня 1815 года: французские войска под командованием маршала Нея одержали победу над англичанами. Эта битва предшествовала сражению при Ватерлоо.

Стр. 212. *Амбигю Комик* — парижский театр, основан в 1769 году. На сцене этого театра с успехом шли мелодрамы.

Стр. 215. Шенди — главный герой романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Стр. 218. Латинская фраза — измененная цитата из Сатиры XIV Ювенала.

Стр. 220. ...*стихи Вергилия*... — Далее приводится цитата из «Энеиды» Вергилия (п. IX).

Стр. 224. *Прозопопея* — олицетворение (поэтич.).

Стр. 244. *Моя кроткая Коломба*... — Коломба по-итальянски и по-корсикански — голубка.

Стр. 249. *Орецца* — город в центре Корсики.

Стр. 256. *Сартене* — город на юге Корсики.

Стр. 258. «*Отелло*» — опера Россини, написанная в 1816 году на сюжет одноименной трагедии Шекспира.

Стр. 259. *Ирида* — в древнегреческой мифологии вестница богов.

Стр. 260. *Коронер*. — В Англии так называют следователя по уголовным делам.

Стр. 281. *Эльзевир* — фамилия голландских печатников, работавших в Лейдене, Утрехте и Амстердаме в XVI—XVII веках. Основателем фирмы был Луи Эльзевир (ок. 1540—1617). Их издания отличались небольшим, удобным форматом, высоким качеством печати и изяществом шрифта.

Стр. 282. *Алеатико* — сорт легкого белого вина.